

ISBN 5-89647-043-6

Пол Гундерсен
Этот неисправимый индивидуалист
История жизни одного финна

Перевод с английского:
Константин Бурмистров

Литературный редактор: Татьяна Краузова
Оформление и верстка: Светлана Точкина

Данный перевод английского издания книги "Incorrigibly Independent, a Finnish life" Пола Гундерсена публикуется с согласия издательства *Caux Edition* (Швейцария)

The translation of "Incorrigibly Independent, a Finnish life" by Paul Gundersen is published in Russian by arrangement with *Caux Edition* (Switzerland)

Пол Гундерсен воевал на фронте, работал после войны добровольцем во многих странах в рамках движения за примирение между народами, затем, став бизнесменом, много путешествовал по странам Восточной Европы, и опыт, полученный им во все эти годы, убедил его в том, сколь важно для человека уметь делать свой личный выбор и стремиться к своим целям. "Этот неисправимый индивидуалист" – не столько биография, сколько увлекательное путешествие в прошлое, настоящее и будущее.

В оформлении обложки использована картина Леннарта Сегерстрале

Для перепечатки материалов необходимо письменное разрешение издателя

© Paul Gundersen

© Библейско-богословский институт св. апостола Андрея

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Предисловие к русскому изданию</i>	7
Часть I. Путь к свободе	9
1. Расскажите нам о ваших ошибках!	9
2. Норвежец движется на Восток	14
3. Драма в Оллкале	20
4. Утраченный нимб	28
5. Удар Сталина	35
6. Неравные союзники	40
7. Люди и лошади	51
8. Крах	58
9. Смокинг	66
Часть II. Я не одинок	76
10. Разрыв	76
11. Проклятие!	87
12. Четыре стимула	94
13. Мы привлекаем к себе внимание Финляндии	102
14. Принц и повар	108
15. Вожди и другие жители Аляски	118
16. Обстановка накаляется	128
17. Девушка из Хяме	137
Часть III. Новые уроки	149
18. Назад — в промышленность	149
19. Призыв из Калькутты	157
20. Вам выпала честь начать танец!	161
21. Польская кровь	169
22. Пример президента Садата	176
23. Прошло несколько недель	182
24. И у нас масса времени!	190
25. Холменколлен	196
26. Виноват или невиновен	202
27. Барон Монрепо	210

Путь к свободе

1. Расскажите нам о ваших ошибках!

Однажды поздно вечером, вскоре после Рождества 1991 года, мне позвонил один мой друг из Эстонии. Не приеду ли я в Таллинн, чтобы мы смогли поговорить?

Экономический прогресс в Эстонии за последние восемь лет поразителен. Однако в 1991 году ситуация там была столь острой, что молока для маленьких детей и хлеба для остальной семьи хватало лишь на половину недели. Люди постоянно мерзли даже в квартирах.

Мой друг, тогда член правительства, считал экономическую ситуацию в стране очень серьезной. “Целеустремленность и доверие в нашей промышленности на нуле, – жаловался он. – Никто не верит друг другу. Многие считают, что рыночная экономика – это всеобщая потасовка, в которой можно набивать себе карманы за счет других”. Главный редактор одной деловой газеты сравнил такую ситуацию с положением на американском диком Западе в 18 веке.

Эстонцы рассказали мне, что к тому времени Восточную Европу уже наводнили эксперты с Запада с лекциями о рыночной экономике. Однако это вовсе не было магическим рецептом успеха. Ловкие западные дельцы чувствовали легкую прибыль, – и то же самое касалось столь же ловких восточных бизнесменов, выступавших в качестве консультантов и партнеров в совместных предприятиях. Многие из Западной Европы потеряли свои деньги. И обжегшись, отступили.

Мой друг попросил меня организовать для предпринимателей семинар на тему, как выработать нравственные основы для рыночной экономики.

Когда я спросил министра и его друзей, что их больше всего интересует, он сказал: “Расскажите нам о ваших ошибках!” Я был удивлен: это не говорило о профессионализме. Однако он повторил: “Именно! Расскажите нам о ваших ошибках”. Постепенно я понял, что он имел в виду. Эстонцам на-

доели теории и благие пожелания с Запада. Они нуждались в людях, которые могли допускать ошибки, однако умели учиться на них и двигаться вперед.

Я пригласил для участия в семинаре шесть промышленников и предпринимателей из разных западных стран. Прежде чем отправиться в Эстонию, они спросили меня, о чем им говорить. Я предложил им не излагать теорию бизнеса или что-либо подобное, как это обычно бывает, а просто проанализировать, что стоит за их успехами, а также за неудачами.

Семинар проходил в бывшем зале заседаний коммунистической партии, с темной мебелью, стенами красного дерева и обитыми дверями. На втором утреннем заседании я спросил участников, на каком именно вопросе они хотели бы особо остановиться. Один из предпринимателей воскликнул с нетерпением: “Не могли бы вы рассказать нам еще об ошибках!” Это был единственный товар, в котором мы, гости, не испытывали недостатка.

Наша откровенность дала эстонцам понять, что мы с ними находимся на одном уровне. Мы приехали не как эксперты, знающие что-либо лучше их; мы приехали, чтобы вместе исследовать новые пути. Один молодой эстонский предприниматель подошел ко мне и сказал: “Всю свою сознательную жизнь я прожил при коммунистах. Я никогда не был на Западе. Впервые здесь, в собственной стране, я могу свободно говорить о том, что действительно меня волнует. Пятьдесят лет коммунистической власти породили привычку не говорить ни о чем личном ни дома, ни на людях”. Другой участник добавил: “Мы должны освободиться от ментальности *homo soveticus*”.

Один из представителей кооперативного движения, услышав о нашем семинаре, попросил провести такой же для срока местных руководителей из двенадцати городов, также сосредоточив внимание не на технической стороне, а на проблеме доверия и целеустремленности. Совет движения сначала обратился к одной крупной скандинавской кооперативной организации, однако получил ответ, свидетельствующий о полном непонимании ситуации. Люди на Западе не могли понять, сколь сильно повлияли на восточную ментальность прошедшие десятилетия. Мы получили заявки также и из других восточных городов – вплоть до Новосибирска.

Следующим летом я встретился на экономической конференции с Фрицем Филипсом, бывшим президентом корпорации “Филипс”. В свои 87 лет он выглядел полным сил и говорил о восстановлении отношений с Восточной Европой. Он имел и определенную личную связь с этой проблемой: его прабабушка была сестрой матери Карла Маркса, и Маркс работал над своими книгами в доме прадеда Филипса в Залтбоммеле (Нидерланды). Филипс рассуждал почти так же, как наши эстонские друзья: “Мы должны сегодня поделиться опытом наших ошибок со странами бывшего Восточного блока”.

В 1991 году я спросил одного ответственного руководителя из другой прибалтийской страны, какой помощи они больше всего ожидают от нас. Экономика его страны была разрушена, однако он также попросил “живого контакта с людьми, которые могут поделиться чем-то существенным из собственной жизни и своего личного опыта”. “Мы утратили способность верить друг другу, – продолжил он. – За последние пятьдесят лет был разрушен человеческий потенциал. Его необходимо восстановить. Немногие из приезжающих с Запада имеют об этом хоть какое-то представление”.

Вскоре в Санкт-Петербурге я обсуждал этот разговор с одним русским 45-летним бизнесменом. Он показал на себя и сказал: “Перед вами пример разрушения человеческого потенциала”. В молодости он занимался исследованием влияния французской литературы 18 века на Россию и уже почти закончил докторскую диссертацию, когда ему заявили, что автор, которого он изучал, выражает антимарксистские взгляды. Его работу забраковали, и он был вынужден оставить университет, а впоследствии устроился на завод. “Больше всего на свете я желаю сегодня и самому себе, и всему народу восстановить наше внутреннее равновесие”, – продолжил он. Примерно то же самое сказал один профессор: “Внутреннее зеркало, показывавшее мне, когда я прав, а когда нет, было разбито на осколки. Как же могу я обрести мир и свободу внутри себя?”

Но есть ли у нас на Западе такое внутреннее равновесие? Президент компании, в которой я трудился многие годы, покончил жизнь самоубийством. Все восхищались им, однако он не смог выдержать такую нагрузку. Все больше надежных

и уважаемых людей, работающих в промышленности и бизнесе, обращаются за психиатрической помощью. Как сказал мне однажды Ниило Хамалайнен, бывший председатель финского Конгресса тред-юнионов (TUC), западное индустриальное общество становится все более и более жестким. Если мы не предпримем сейчас никаких мер, то однажды нам придется за это дорого заплатить.

Один 55-летний инженер-строитель рассказал мне, что его только что уволили из компании, в которой он проработал более 25 лет. “Я думал, что моя работа необходима, а потому надежна. Не было никаких жалоб на то, как я работал. Никто из моего начальства предварительно не подошел ко мне, чтобы объяснить это. Просто однажды утром я обнаружил на своем рабочем месте письмо, уведомляющее о том, что до обеденного перерыва я должен покинуть свое рабочее место”. И это не единичный случай. Пер Гилленхаммер из шведского отделения компании “Вольво” сказал в интервью в 1992 г.: “Стало модным руководить предприятиями, принимая во внимание лишь прибыльность акций, в сочетании с определенной жестокостью”.

Ум и мудрость – не одно и то же. Может ли хваленая рыночная экономика в той форме, в какой она существует сегодня, действительно служить ориентиром для всего мира? Большинство из тех, кто ссылается на ее отца-основателя Адама Смита, забывают, что он был также профессором нравственного образования и этики и говорил о “заложенных в каждом из нас семенах благочестия”. Подлинная нравственность не имеет ничего общего со стремлением достичь превосходства над другими, но проявляется во внутренней динамике деловой жизни, ее целях, мотивации, в помощи коллегам и подчиненным, в создании гармоничного коллектива и атмосферы взаимного доверия. Люди, занятые в экономике, прежде всего нуждаются в некой перспективе, которой они могли бы гордиться, – и в ней должно оставаться место для каждого, от самого скромного служащего до президента компании.

Наиболее важные открытия, сделанные мной за пятьдесят лет работы в сфере экономики, в основном связаны с проблемами перспективы и целей, а не с особенностями профессиональной карьеры. Взрослея, я все больше и больше оцени-

вал те простые вещи, о которых я узнал из насыщенной событиями жизни своих родителей, а также благодаря ударам и бедам, радостям и ошибкам своей собственной жизни. На мой взгляд, личная и деловая жизнь связаны неразрывно: невозможно отделить одну от другой. Самые важные решения в нашей деловой жизни – это и есть тот выбор личных жизненных ценностей, который мы зачастую делаем уже в молодости.

2. *Норвежец движется на Восток*

Моих родителей свела игра в шахматы. Мой отец, Рагнер Гундерсен – норвежец, детство и юность провел в Голландии. Он приехал в Финляндию в 1912 году как инспектор по поставкам лесоматериалов из Санкт-Петербурга, Хельсинки и Западной Финляндии. Во время войны поставки прекратились, и отец остался не у дел. Как-то раз, когда он играл в шахматы с директором – распорядителем компании по экспорту лесоматериалов “Хамфельт”, зазвонил телефон. Эмиль аф Халльстрём, владелец имения Олккала в округе Вихти, в 60 км к северо-западу от столицы, попросил найти кого-нибудь на должность управляющего его имения. Мой отец получил эту работу – и встретился с моей матерью, Элиной, дочерью Халльстрёма.

Предки отца были моряками. Один из них – пиратский капитан – в конце наполеоновских войн прорвал английскую блокаду Дании и Норвегии и доставил зерно голодающим жителям города Нёттеро недалеко от Тёнсберга. Мой дед был десятым морским капитаном в нашем роду. Поскольку его судно стояло в Амстердаме, ему очень редко удавалось бывать в Норвегии, а потому в 1898 году он взял жену и детей к себе в Голландию. Когда школьные каникулы совпадали с его плаванием, он иногда брал с собой одного из детей. Маленьким мальчиком мой отец плавал с ним по Северной Арктике до Архангельска, в то время конечного пункта норвежско-русской торговли.

Когда отцу было четырнадцать, пришло известие, что мой дед умер от эпидемии в Западной Атлантике. На следующий день отец и его старший брат оставили школу, – надо было содержать семью. Тогда не было пенсий для вдов. Мой отец стал работать рассыльным и продолжал посещать вечерние классы коммерческой школы. Через четыре года ему предложили работу в Финляндии.

Для голландцев Финляндия была далекой, забытой Богом землей с суровым климатом, неизвестной страной, притесняемой русскими. Моему отцу, человеку, по своему характеру довольно стеснительному, было трудно привыкнуть к новой жизни. Нравы здесь были более строгими по сравнению с Амстердамом и его яркой уличной жизнью. Люди были сдержанны в проявлении чувств, иногда угрюмы и не обращали никакого внимания на молодого чужестранца. Однако побуждаемый своим все более растущим интересом к Элине аф Халльстрём, он начал учить финский и живо заинтересовался историей и политикой Финляндии. Вскоре отец уже служил первым секретарем норвежского дипломатического представительства.

Как норвежец, к тому же интересовавшийся историей, отец прекрасно понимал стремление своих новых земляков к свободе. На протяжении более шести веков Финляндия была частью Шведского королевства, – вплоть до 1809 года, когда Россия нанесла Швеции поражение. С этого момента Финляндия получила статус великого герцогства в составе Российской империи.

19 век для Финляндии был во многих отношениях благоприятным периодом. При великодушном царе Александре II она обрела самоуправление, процветали наука и культура; в 1850 году был образован новый Сенат (мой дед по материнской линии был впоследствии избран его членом). Однако, подобно тому, как это происходило в последние десятилетия в странах Балтии, никакие уступки не могли удовлетворить страстного стремления к свободе. Несмотря на благожелательное отношение русских властей, умами людей владела мечта о независимой Финляндии.

В течение веков финский язык всячески подавлялся: вся система высшего образования была построена на шведском. Финское национальное движение, во главе которого стояли такие люди, как Снеллмен, делали теперь все возможное для развития родного языка. Отец моей матери учился на шведском языке, чтобы получить магистерскую степень, и говорил дома также по-шведски. Подобно многим современникам, дома он перешел впоследствии на финский и всем своим детям дал звучные финские имена.

В конце 19 века отношение России к Финляндии изменилось к худшему. Мировоззрение нового царя Николая II было

панславистским. При помощи жестокого генерал-губернатора Бобрикова он начал процесс русификации. Возрастало финское сопротивление, возникшее прежде всего в студенческой среде. Мой дед часто часами прогуливался по эспланаде в Хельсинки с духовно близкими ему людьми, обсуждая шаги, которые необходимо было предпринять. Молодой студент Ойген Шауман застрелил Бобрикова, а затем и самого себя во дворце губернатора. Напряженность нарастала, сопротивление становилось все более активным и действенным.

Процесс безжалостной русификации и уничтожения финской автономии продолжался вплоть до первой мировой войны. Губернатор выслал в Сибирь будущего президента Финляндии Свинхувуда и других борцов за независимость. Моего деда отнесли к категории “крайне подозрительных”, и его семья жила в постоянном страхе, что скоро придет его очередь.

Русский язык стал основным предметом в школах, однако учителя вместе с учениками пытались саботировать его преподавание. Мой дядя в течение семи лет посещал уроки русского, но так ничему и не научился. Когда русский инспектор приезжал, чтобы проверить качество обучения, один из учителей советовал своим ученикам поднимать руку, как только он задаст им какой-либо вопрос: “Если у вас есть хотя бы малейшая идея, как ответить, поднимите левую руку. Если нет – поднимите правую!”.

Государственные служащие, студенты и фермеры составляли ядро национального движения, которое стремилось заложить основу будущей независимости и подготовиться к грядущим переменам. И здесь опять-таки можно увидеть параллели с событиями, происходившими в 1989 году в странах бывшего Восточного блока. Даже самые проницательные умы не могли предвидеть, что произойдет дальше.

Многие искренние патриоты Финляндии, и среди них был мой дед, не осознавали той несправедливости, которая царилла в их собственном обществе и не имела никакого отношения к России. Безземельные крестьяне жили в ужасающей нищете. Мелкие арендаторы, работавшие на крупных фермах, находились в очень тяжелых условиях и не имели никаких перспектив. Жестокая несправедливость царилла и в промышленности, подпитывая классовую борьбу. Когда в Рос-

сии подули ветры перемен, в Финляндии их встретили одновременно с тревогой и надеждой.

В годы первой мировой войны около полутора тысяч молодых финнов из всех слоев общества, с самыми разными политическими взглядами нелегально покинули страну через Западную Лапландию и Швецию, чтобы получить военную подготовку в Германии. Тайные переговоры о такой подготовке велись также и со Швецией, однако она ответила отказом. Этим людям, так называемых *jääkärit*, вдохновляла идея о том, что со временем в Финляндии возникнет необходимость в создании собственной армии. Боевое крещение они приняли в операциях против России на германском Восточном фронте.

Финляндия получила свой шанс в период хаоса, который возник после русской революции. 6 декабря 1917 года финское правительство провозгласило независимость. Ленин дал на это согласие, полагая, что трудящиеся вскоре возьмут власть в свои руки и Финляндия присоединится к советскому государству. Сто тысяч русских солдат, каздивших своих офицеров, по-прежнему оставались в Финляндии.

В течение нескольких недель значительная часть финских рабочих вступила в Красную гвардию, отряды которой создавались по всей стране и впоследствии стали ядром сил “красных”, боровшихся за большевистскую революцию в Финляндии. Существовавшая и раньше социальная и политическая напряженность превратила борьбу за независимость в кровопролитную гражданскую войну.

Красные захватили власть в Хельсинки, Тампере, промышленных центрах и в крупных поместьях на юге Финляндии, в том числе и в Олккале (округ Вихти), где находился дом моей матери. Финское правительство бежало в город Ваасу на западе страны и назначило главнокомандующим Карла Густава Маннергейма, знаменитого генерала царской армии. Финские *jääkärit* были отозваны с германского Восточного фронта, и в Ваасе была создана Армия освобождения, состоявшая в основном из крестьян. Эта “белая” армия начала наступление в южном направлении на опорные базы Красной Гвардии.

По своему происхождению моя мать, как и я, была представительницей двух социальных слоев: духовенства и ученых, сре-

ди которых были и выдающиеся. Ее прапрадедом был химик Йохан Гадолин, а ее дед, Г.Г. Халльстрём, профессор физики, стал ректором университета в Турку (Або), финской столицы того времени. После сильного пожара в Турку в 1827 году университет был переведен в Хельсинки, и Халльстрём снова стал его ректором. За научные заслуги царь Николай I пожаловал ему дворянский титул.

Моя бабушка, напротив, родилась в одном из беднейших округов на границе с Россией. Ее родители настолько нуждались, что, когда ей было всего несколько недель от роду, они решили отдать ее в другие руки и отнесли в центр деревни. Проезжавший мимо священник и его жена увидели лежащего ребенка и взяли его. Они дали девочке хорошее образование, что было редкостью для женщин того времени. Бабушка привнесла в семью тот неукротимый дух, без которого ее предки на северо-восточных рубежах страны просто не смогли бы выжить. У нее было двенадцать детей, из которых лишь семеро дожили до взрослого состояния; мама была третьей в семье. Несмотря на все свои беременности и домашние заботы, бабушка выучилась на бухгалтера и сама вела дела в своем поместье в Олккале.

Олккала стала собственностью нашей семьи благодаря Йохану Гадолину, в начале 19 века продавшему ее своему зятю Г.Г. Халльстрёму. Это поместье во многих отношениях было идеальным местом. При моем деде оно занимало 12 тысяч акров. Здесь были собственная мельница, кирпичный завод, электрогенераторы, лесопилка и узкоколейная железная дорога. Особняк, величественно возвышавшийся на холме, был центром общественной жизни округа. Рядом располагалось выкрашенное в красный цвет здание, в котором родилась моя мама. Внизу быстрая река несла свои воды к прекрасному озеру.

Мой дед управлял имением вместе со своим старшим сыном Элиасом, дипломированным архитектором. Во многих отношениях Олккала была образцовой фермой. Дед был пионером в области охраны лесов, а Элиас поставлял сельскохозяйственные продукты в Санкт-Петербург. Однако, поскольку дед не хотел продавать лес, ему пришлось брать большие займы для расширения площади обрабатываемых земель, – и это лишь прибавило неприятностей.

Мой дед был истинным патриотом и принадлежал к ядру национального движения, которое выступало против русификации и поддерживало финские законы. Закон и порядок имели для него первостепенное значение. В Сенате он голосовал против сокращения 48-часовой рабочей недели и отвергал предложения Элиаса по реформированию хозяйства собственного поместья. С точки зрения красных, он был воплощением капитализма. До самого последнего момента дед отказывался верить, что дела могут обернуться столь плохо, что это поставит под угрозу сами основы общественной жизни.

3. Драма в Оллкале

Первая мировая война почти не повлияла на жизнь Оллкалы. Однако однажды появился приказ, объявляющий о том, что царской армии требуется вся наличная сталь, а потому рельсы пятнадцатикилометровой частной железной дороги должны были быть конфискованы. Шокированные отец и Элиас начали думать, как отвести эту угрозу.

Они тщательно подготовились к приезду комиссии, возглавляемой польским полковником и русским министром, которая должна была решить судьбу дороги. Они построили вдоль узкоколейки станции с внушительными названиями и созвали всех крестьян. Когда наступил назначенный день, дед и Элиас встретили инспекторов на главной железнодорожной станции. Во время движения поезда по узкоколейке люди входили в него и выходили на каждой остановке. На железной дороге в Оллкале никогда еще не было такой суеты. Полковник отметил, что этой линией, по всей видимости, пользуется множество людей. “Да, – ответил дедушка. – Она восполняет чрезвычайную нехватку общественного транспорта, а также обеспечивает постоянно увеличивающиеся перевозки товаров”.

Бабушка встретила делегацию у парадной двери особняка с исключительным радушием. Она подготовила банкет с весьма экстравагантным меню. Водки она в доме не держала, поэтому был выставлен спирт, который использовали для лечения коров. Были поданы изысканные закуски, бульон с гренками. Затем служанки, одетые в платья с черными кружевами, внесли пышное яичное суфле с раками. За ним последовала семга, украшенная взбитыми яйцами. После этого подали бифштекс с самыми разными овощами и, наконец, мороженое с ягодами. Бабушка распорядилась подать точно такое же угощение всем сопровождавшим комиссию сол-

датам. Это всегда было ее принципом и в отношении кучеров, привозивших гостей.

Обед продолжался бесконечно. Министр становился все более развязным и громко смеялся над собственными остроумиями. Сестры не осмеливались взглянуть на Элиаса, который с трудом сдерживал смех. За кофе в большом зале моя мать играла для гостей, а ее юные сестры томно пели дуэтом. Все наполнили тяжелые клубы табачного дыма. Затем дамы удалились, и началось официальное заседание. Выражая благодарность за столь блестящий прием, полковник сказал, что теперь он окончательно убедился в исключительном значении железной дороги для всего округа.

В начале нашего века большим влиянием в академических кругах пользовалась группа выдающихся ученых-атеистов во главе с Рольфом Лагерборгом. Определенное воздействие она оказывала и на Олккалу. Однако перед началом первой мировой войны моя мама и две ее сестры проявили интерес к христианству. Мама училась в Хельсинки на концертующую пианистку; она всегда организовывала музыкальные сопровождения на балах в имении. Теперь же, со всей прямоотой и безоглядностью, столь свойственными молодым, она порвала со своим прошлым жизненным укладом. Она отказывалась играть что-либо, кроме как “во славу Божию”, организовала воскресную школу и начала вести просветительскую работу среди детей крестьян-арендаторов. Ее отец не одобрял столь тесных отношений с крестьянами.

Священник как-то попросил маму помочь ему в церкви. Однажды при подготовке вечерней праздничной программы среди членов подготовительного комитета возникли серьезные разногласия. Мама встала и решительно сказала: “Если вы будете продолжать в том же духе, в празднике не будет благодати. Я полагаю, что все мы должны встать на колени и умолять Господа простить нас за эти споры и даровать нам единство”. Разумеется, священник не мог отказаться преклонить колени, однако после этого происшествия он никогда не просил маму помочь ему.

В целом семья не поддерживала нового отношения мамы к жизни. Конечно, она одобряла “высшие ценности” и самоотверженность, однако считала ее желание соотносить с Бо-

гом любые мелочи повседневной жизни чрезмерным. Мама рассказывала мне позже, что часто впадала в крайности, которых могла бы избежать в более зрелом возрасте, однако она чувствовала, что если она не будет этого делать, то постепенно утратит все, чего достигла.

Каждое утро она вставал рано и в течение двух часов читала Библию и молилась. Много лет спустя она сказала, что лишь это дало ей силу удержаться на пути, который она избрала. Вера была ее основным богатством на протяжении всей ее последующей жизни, – и грядущие события доказали ее бесценность.

Олккала испытала на себе влияние политической нестабильности еще до провозглашения независимости в декабре 1917 года. В ноябре красная милиция ворвалась в усадьбу в поисках оружия. Она обшарила весь дом и вспорола ножами и штыками всю мягкую мебель и гобелены. Дед решил отослать самых молодых членов семьи в Хельсинки, где было безопаснее, хотя власть в городе также захватили красные. С ним остался лишь Элиас.

Дед хотел, чтобы мама также покинула имение, однако она не решалась на это. Целыми днями мама молилась, и однажды утром после долгой молитвы поняла, что ее место в Олккале. Она не подчинилась деду и осталась на ферме.

В начале 1918 года красные установили над округом полный контроль. Никто не мог покинуть его без пропуска, выданного красными властями. Все письма подвергались цензуре. Олккала была изолирована, однако мой отец смог передать несколько посланий через норвежское дипломатическое представительство. Многие работники фермы сочувствовали красным. Из различных мест поступали сообщения о фактах насилия. Семья готовилась к худшему.

Однажды в Олккалу въехали верхом пятеро членов Внутренней гвардии и спросили дорогу к местному штабу гвардии. Внутренняя гвардия была добровольной военной организацией, призванной содействовать освободительному движению. Ее ядро составляли крестьяне с западного побережья и студенты. В округе Вихти, контролируемом красными, не было Внутренней гвардии, – нежданные гости спутали его название с другим. Бабушка дала им поесть, и они поспешили прочь.

Однако одна женщина с фермы сообщила красным о том, что случилось. Бабушка хотела отправить больного деда ко врачу, жившему в другом месте, однако не удалось даже вывести лошадь из конюшни. “Никто не уедет! – сказал один из конюхов. – Здесь не нужен доктор!” Бабушка немедленно отправила деда в постель. Вся семья с тревогой всматривалась в сгущавшиеся за окном сумерки. Затем они услышали вдалеке тревожные звуки. Мама встала на колени, открыла Библию и начала читать 90-й псалом, оставаясь верна той надежде, которая звучала в его словах: “...говорит Господу: ‘прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю’!... Не убоишься ужасов в ночи... ибо Ангелам Своим заповедает о тебе – охранять тебя на всех путях твоих”¹.

Прошло несколько минут. Внезапно 40 красных гвардейцев с криками появились перед главным зданием. Половина их ворвалась внутрь. Среди них было несколько освободившихся уголовников. “Где оружие, которое принесли белогвардейцы?” – кричали они. Они ворвались в комнаты, переворачивая шкафы и комоды, затем бросились на второй этаж, где моя мама и бабушка сидели у постели деда.

В коридоре гвардейцы встретили управляющего Мальстрёма, и один из них ударил его по лицу прикладом винтовки – хлынула кровь и залила глаза. Бабушка выбежала из спальни и закричала: “Не бейте его!” Красные, которым, несмотря на все их усилия, так и не удалось найти ни одной единицы оружия, попытались заставить Мальстрёма отвести их в подвал. Дед поднялся с постели и закричал: “Не мучайте Мальстрёма!” Раздались два выстрела, и управляющий упал. Мама и бабушка оттащили его в гостиную, прежде чем красногвардейцы вытолкали их оттуда. Маме удалось пробраться к нему со стаканом воды. Мальстрём был в агонии. Мама склонилась над ним и тихо сказала: “Кровь Иисуса Христа очищает нас от всякого греха”. Мальстрём попытался что-то сказать, но гвардейцы снова выгнали маму. Прозвучали еще два выстрела, и Мальстрём затих.

В спальне мама и ее родители слышали, как солдаты заряжают свои винтовки, и готовились к худшему. “Женщинам – выйти!” – закричали гвардейцы. Ни мама, ни бабушка не

¹ Пс 90: 2, 5, 11. – *Прим. пер.*

сдвинулись с места. “Если вы не уйдете добровольно, мы вас выгоним силой”, – сказал их начальник. Мама посмотрела на него и ответила: “Вы не можете разлучить отца и дочь!” В этот момент она вспомнила слова Лютера: “В условиях сильнейшей опасности даже самый слабый зов о помощи звучит подобно грому небесному”. Она уже не чувствовала страха.

Четверо гвардейцев направили свои винтовки с примкнутыми штыками прямо на деда. Мама закрыла его собой. Здоровенный гвардеец направился к ней, чтобы оттащить ее и застрелить деда. Однако когда он подошел, его руки опустились и он остановился, как парализованный. Остальные трое также стояли без движения. Это продолжалось мгновение. Затем их предводитель крикнул: “Мы даем вам пять минут, признайтесь, где спрятано оружие!” Солдаты вышли из комнаты.

Мама сложила руки в молитве и поблагодарила Господа. Вскоре вся группа снова ввалилась в спальню. Прежде чем они произнесли хотя бы слово, мама сказала спокойно: “Остановитесь же. Не совершайте еще одной ошибки!” “Где оружие?” – прорычал один из вошедших. Дед распахнул рубашку и открыл грудь. “Стреляйте! – сказал он. – Здесь нет никакого оружия!” Гвардейцы смотрели на него с изумлением. Неожиданно их главный сказал: “Хорошо, он так стар, что скоро сам помрет”. Гвардейцы покинули комнату и направились в кладовую, где забрали все, что смогли найти. Мама слышала, как один из них сказал своим товарищам: “Я не могу понять, что происходит в этом доме. За всю свою жизнь я не видел таких женщин!” Другой показал на маму и сказал: “Вот эта наиболее опасна”. В половине первого ночи они ушли.

Не было никакой возможности предупредить соседнюю ферму, Коурла, где жил мамин старший брат Элиас с женой-эстонкой, через две недели ожидавшей первого ребенка. Случайно одному из слуг с этой фермы удалось связаться с бабушкой по телефону. “У нас здесь не все в порядке, – осмотрительно сказала она. – Как Элиас?”. “Так себе”, – последовал ответ. “Он погиб?” – напрямую спросила бабушка. “Да, именно так”. Красногвардейцы направились из Олккалы прямо в Коурлу, заставили Элиаса открыть все помещения и подвал, а затем, ничего там не обнаружив, в отместку заст-

релили его. На следующий день мама услышала, что поймали и казнили пятерых бойцов Внутренней гвардии.

Несколько дней прошли в мучительном напряжении и тревоге; однажды они снова услышали тяжелые шаги, приближающиеся к дому. Дед попрощался с мамой. “Мой маленький друг, – сказал он. – Спасибо тебе за те молитвы, которыми ты пыталась спасти нас”, и затем добавил: “Которые спасли нас”. Что-то произошло в его сердце.

Ко всеобщему облегчению, это был старый управляющий именем. Он пришел рассказать о том, что случилось. Все работники, которые не присоединились к красным, были допрошены и подвергнуты пыткам. Он сообщил и самое ужасное: его сын, лучший друг Элиаса, был также убит. Сегодня оба они покоятся в общей могиле в церкви Вихти.

Несмотря на все эти трагические события и отсутствие каких бы то ни было средств связи, роман моих родителей продолжался. Через несколько недель отцу удалось дозвониться по телефону через норвежское дипломатическое представительство и сообщить, что ему разрешили посетить Олккалу. У постели деда родители объявили о своей помолвке.

Когда отец вернулся в Хельсинки, он связался со штабом Красной гвардии. Ему удалось убедить известного социалиста Риему поехать с ним в Вихти. Риема пользовался доверием красных отрядов, однако, будучи коммунистом-идеалистом, отвергал насилие.

Прибыв в Вихти, отец и Риема отправились прямо в штаб красных. Начальник штаба куда-то уехал, и после долгих переговоров им удалось убедить его заместителя выдать деду разрешение на поездку для лечения в Хельсинки. Не теряя ни минуты, они увезли деда. Когда начальник штаба вернулся, он был взбешен, обнаружив, что человеку, которого он считал своим главным врагом, удалось улизнуть.

Отец попытался также достать пропуск для мамы, однако об этом не могло быть и речи. Начали поступать сведения о том, что военные действия оборачиваются не в пользу красных, а вместе с ними поползли тревожные слухи о решении красных казнить маму и бабушку как свидетелей их преступлений.

Мама и бабушка практически не имели шансов оказаться на свободе. Красные конфисковали Олккалу и объявили, что

поместье “принадлежит народу”. Семье оставили лишь дом и сад. Церковь заняли красные солдаты, сын священника был убит. Все мужчины, оставшиеся в округе, были записаны в Красную гвардию, готовившуюся сражаться до конца.

В конце апреля 1918 года в Олккалу пришло сообщение: штаб красных и охраняющие его солдаты собираются покинуть округ и двигаться на восток. Они планировали проехать через Олккалу и убить женщин, причем им потребовалось бы всего полчаса, чтобы добраться до имения. Напряжение достигло высшей точки. Затем было получено новое сообщение: порядок перемещения красных изменился. Белые отряды продвигались быстрее, чем ожидали красные, а потому им пришлось пробираться через соседний округ, чтобы избежать окружения. Однако даже когда основные силы покинули Вихти, ночами снайперы продолжали стрелять по окнам фермы.

Находившийся в Хельсинки отец и остальные члены семьи были в отчаянии. По слухам, Олккала была сожжена и мама погибла. Говорили также, что красные привезли оружие, чтобы стрелять по ферме.

Тем временем отец максимально использовал свой норвежский паспорт и дипломатические связи. Однажды он ехал один в поезде вместе с красными, везя из Хельсинки медикаменты для белых отрядов. При более тщательном осмотре можно было обнаружить, что вместо “лекарств” ящики набиты оружием.

Вскоре после того как белые взяли Хельсинки, мама смогла поехать туда, чтобы встретиться со своим женихом, отцом и сестрами. В городе царила неописуемая эйфория. Пришел конец более чем вековому русскому владычеству. Везде можно было видеть бело-голубые флаги, запрещенные с тех пор, как моя мама была еще ребенком.

Мой дед был совершенно разбит и подавлен всеми этими событиями. Он не мог продолжать жить в Олккале. Сын, в котором он видел продолжателя дела его жизни, был убит. Его младший сын был ученым, далеким от практических дел, неспособным управлять крупным имением. Поэтому в это самое неудачное для продажи время дед решил продать Олккалу, после того, как этим имением владели четыре поколения нашей семьи. Жестокая инфляция “позаботилась” об оставшемся имуществе нашей семьи.

В начале века дед приобрел очень крупный полис страхования жизни, чтобы им смогли воспользоваться его дочери в случае, если у них возникнут трудности. Когда спустя 50 лет мама пожелала получить по этому полису деньги, она попросила меня сопроводить ее в банк. Нам должны были выдать сумму, которая позволила бы ей прожить остаток жизни без забот, но, как оказалось, ее могло хватить лишь на покупку элегантной шляпы.

Война закончилась. Одержавший победу генерал Маннергейм потребовал, чтобы к побежденной стороне было проявлено великодушие. Однако гражданская война принесла слишком много горя и бед и пробудила сильное желание мести. Последовали судебные разбирательства и казни. Многие красногвардейцы из Вихти были расстреляны. Эта война и ее последствия обострили классовую борьбу в Финляндии в последующие десятилетия.

Волна мести, прокатившаяся по всей стране, причинила глубокие страдания моей матери. Она простила убийц своего брата, хотя он и был ей очень близким человеком. Тот факт, что вера в Бога стала реальностью и в его жизни, смягчала ее горе. Она писала в своем дневнике: “Мы мечтаем о том, чтобы весь наш народ, невзирая на все различия между людьми, был принят Господом, о Котором сказано: ‘Ибо Он есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду’.² Возможно, мы живем во времена заходящего солнца. Быть может, нам не суждено увидеть то, чего мы взыскуем. Тем не менее мы можем получить представление об истинном внутреннем братстве”. Мама знала, что никакое внешнее, формальное средство не сможет исцелить людские раны.

Трагичными были эти годы для Финляндии, и все же летним днем 1919 года, на самой заре новой эры, мои родители поженились. Немногим более года спустя я появился на свет.

² Еф 2:14. – *Прим. пер.*

4. Утраченный нимб

Я родился в Финляндии, когда она впервые за всю свою историю получила свободу. С надеждой и верой страна смотрела в будущее, однако по-прежнему сильны были горечь утрат и жажда мести.

Мы жили в старой части Хельсинки, в красивом доме напротив церкви св. Андрея. Рядом находилось похожее на крепость здание телефонной компании. Отец был там, когда в 1918 году в городе происходили последние наиболее ожесточенные бои. Он показывал мне здания, из которых красные снайперы стреляли по освободительным отрядам.

Дед и бабушка переехали теперь в Хельсинки. Дед прожил недолго, но бабушка по-прежнему держалась. Мой брат Лейф и я преклонялись перед ней. Она была маленькая, круглая, как мяч, и никогда не унывала.

Отец работал в небольшой промышленной фирме. Он настолько вжился в события последних лет, что захотел принять финское гражданство. По вечерам он сражался с пятнадцатью падежами и другими трудностями финской грамматики, а также овладел шведским, чтобы общаться с нашими родственниками, говорившими на этом языке. Но в глубине души он остался норвежцем. Когда норвежские чемпионы-конькобежцы приехали на соревнования в Хельсинки, он, совершенно забыв обо всем вокруг, болел за них, размахивая норвежским флагом.

Мама успешно сдала экзамены на пианистку и к моменту своего замужества уже играла фортепианные концерты Сен-Санса в Хельсинкском городском оркестре. Перед ней открывались широкие возможности, она могла продолжить учебу в Германии и сделать карьеру концертующего пианиста. Однако мама дала обет во всем следовать прежде всего Божьей воле; она должна была быть уверена, что Он хочет этого.

Семья и друзья уговаривали маму не упускать свой шанс, но после нескольких дней, проведенных в молитве, она решила прежде всего заниматься своей семьей и церковной работой и оставила мысль о карьере. Впоследствии мама подчеркивала, что для кого-то другого противоположный выбор в такой ситуации был бы совершенно верным. Она исполняла музыку в основном в домашней и церковной обстановке, а не в концертных залах и, насколько я знаю, никогда не жалела о своем решении.

Свободная церковь³, отделенная от государства, стала внешним обрамлением христианских убеждений моих родителей. Мама выросла в государственной Лютеранской церкви, но для отца ее торжественное богослужение было чуждым. Он возглавил приход конгрегационалистской церкви св. Андрея, располагавшейся всего в пятнадцати метрах от нашего дома. По воскресеньям я сидел на балконе, где во время длинных проповедей мог спокойно читать ковбойские истории, не рискуя быть пойманным. Оттуда я мог видеть стройную фигуру моей мамы, пробирающейся к своему обычному месту: она всегда опаздывала, несмотря на то, а может быть, благодаря тому, что мы жили рядом.

Отец отдавал все свое свободное время общине и организации приюта для бездомных, где мама организовывала для женщин различные мероприятия. Подобные добровольные инициативы в 1920-х годах имели решающее значение, поскольку социальная помощь со стороны властей была тогда ограниченной и нерегулярной.

Перед общиной церкви св. Андрея открывались в то время большие возможности; после всех бедствий многие финны пришли к убеждению, что теперь они должны наконец начать заботиться о самих себе. После приезда в Хельсинки прихожанином этой церкви стал барон Павел Николаи, хорошо известный своей христианской деятельностью среди студентов в России; община имела тесные связи с Китайской внутренней миссией. Пасторы, участники конференций и миссионеры, часто останавливались в нашем доме; они открыли для меня окно в окружающий мир.

³ Название целого ряда протестантских деноминаций; в данном случае – объединение финских конгрегационалистов. – *Прим. пер.*

Когда мне было пять лет, к нам на обед пришли д-р Хосте, руководитель Китайской внутренней миссии, и его сотрудник д-р Мартин. Хосте посадил меня и моего маленького брата к себе на колени и сказал маме: “Я хотел бы, чтобы один из них посвятил себя служению Богу!” Я ответил: “Хорошо, но только один вопрос: как мне научиться есть палочками?” Это была наша первая и последняя встреча, однако слова Хосте оказались пророческими.

Контакты с внешним миром мы поддерживали и через двоюродного брата моей мамы, Алекси Лехтонена, впоследствии архиепископа Финляндского. Благодаря дружбе с Джоном Моттом и другими лидерами Всемирной студенческой христианской федерации в Великобритании и Северной Америке он установил тесные связи с этой организацией. Наши семьи часто проводили вечера вместе, и мы привыкли к американским и английским гостям Лехтоненов.

Лехтонен был общительным и доступным для нас, детей, однако при этом он был членом Высокой церкви⁴ и глубоко патриархальным человеком. Когда мы оставались с ним в епископском дворце, каждый вечер, когда часы били девять, он объявлял: “Все в храм!” Мы должны были прервать наши разговоры, что бы мы ни обсуждали, и идти друг за другом в церковь, что иногда раздражало моего отца. Я был точной копией херувима на фреске за алтарем. Однако прошли годы, и сырость уничтожила большую часть изображения, включая и нимб над “моей” головой.

Мама была человеком добросердечным и, на первый взгляд, очень мягким. Однако за ее кротостью скрывались твердые убеждения и непреклонный характер. Ее борьба в юном возрасте за религиозные убеждения оставила свой след. Кино, игра в карты и театр были под запретом, несмотря на просьбы моего отца ввести дома более либеральные порядки.

Будучи до первой мировой войны еще ребенком, мама видела лишь первые кинофильмы, попавшие в Финляндию. В одном из них все персонажи суетились друг возле друга, подобно курам, и все время падали. В конце фильма муж и жена

⁴ Ортодоксальное направление в англиканстве, тяготеющее к католицизму. – *Прим. пер.*

взобрались на холм, где встретили кокетливую даму. Мужчина ударил жену, и она покатила вниз с холма, а ее муж пошел дальше вместе с этой дамой. “Я никогда больше не пойду в кино!” – возбужденно воскликнула мама. Лишь после второй мировой войны она наконец согласилась посмотреть “Миссис Минивер” и была столь захвачена этим фильмом, что подробно передала эту историю своей сестре, жившей в деревне. Ее рассказ продолжался дольше, чем шел сам этот фильм.

Возможно, в некоторых отношениях мама была человеком несколько недалеким, но как личность она была столь свободна и счастлива, что вечеринки в нашем доме проходили веселее, чем у наших родственников, несмотря на то, что алкогольных напитков у нас не подавали. Музыка, игры, пение и жаркие споры продолжались весь вечер. Лейф и я никогда не ощущали какого-либо открытого или завуалированного давления или принуждения к тому, что мы должны “быть верными Богу”. Маленькими детьми мы всегда ждали с нетерпением, когда мама будет читать нам Библию. Она приучила нас также молиться, никогда не следуя заученным формулировкам, но разговаривая с Богом обо всех повседневных мелочах, приходящих нам в голову.

В тринадцатилетнем возрасте я поехал в летний лагерь Свободной церкви на острова Западного архипелага. В последний вечер пастор ходил по залу и молился о нашем “спасении”. Возможно, потому, что мой отец был руководителем главной общины, он остановился возле меня и вслух молился о моей бедной душе. После этого я решил никогда больше не ездить в церковные лагеря. Однако это вовсе не было восстанием против Бога. Когда у меня был плеврит и я почти умирал, я верил, что молитвы моего отца и моей мамы спасут меня.

Способностью моей мамы выслушать человека и углубиться в его жизнь безо всякого осуждения, вероятно, объясняется тот факт, что так много молодых людей приходили к ней за советом по поводу своих любовных романов, разочарований, а также вопросов, касающихся карьеры. “Люди чувствовали, что она их понимает”, – сказала одна женщина сорок лет спустя. Мама молилась за друзей, высказывала свое мнение и никогда не обманывала оказанное ей доверие. При всей

своей бескомпромиссной позиции она хорошо разбиралась в жизненных ситуациях благодаря общению с крестьянами в Олккале и с женщинами в приюте для бездомных.

Я не любил школу, хотя она и не представляла для меня никаких сложностей. Лейфу, который был младше меня ровно на два года, было труднее. Он был чрезвычайно чувствительным мальчиком, и если делал что-либо неправильно, один только строгий взгляд мог вызвать у него раскаяние и слезы. Когда же я затевал какое-то баловство, повлиять на меня могло лишь серьезное наказание. Меня и нашу кошку часто закрывали в темном шкафу во искупление наших проступков: кошку в основном за то, что она лазала по кружевным занавесям в гостиной. И все-таки я чему-то научился; кошка же, наоборот, становилась все более дикой, пока ее в конце концов не выгнали на улицу.

Лейф любил художественную литературу и поэзию. У него были проблемы со здоровьем и общением с людьми. Лишь значительно позже я понял, что он стал ощущать себя неудачником, когда по его самолюбию были нанесены один удар за другим.

Финляндия ощущала себя частью блока скандинавских государств. Однако националистические чувства были столь сильны, что это подчас приводило к жестоким стычкам между говорящим по-фински большинством и говорящим по-шведски меньшинством, а также между теми, кто посещал финские и шведские средние школы. Один мальчик, старше меня, однажды безо всякого предупреждения ударил меня по лицу после того, как я сказал, в какой школе учусь.

Тем временем продолжали нарастать антирусские настроения, особенно среди членов добровольной Внутренней гвардии. Повсеместное недовольство иногда выливалось в крайности. Так, несколько экстремистов обвинили предыдущего финского президента в том, что он был слишком либерален с русскими, и, похитив его, решили выслать через восточную границу в Россию.

Антипатия усилилась еще больше, когда мы узнали о режиме террора, введенном в Советском Союзе. Большинство финнов, как детей, так и взрослых, уже в 1930-х годах знали о репрессиях, концентрационных лагерях и массовых казнях.

В школах никто не хотел учить русский язык, а в большинстве из них вообще не было такого предмета.

Иногда мы встречали американцев и англичан, неколебимо веривших в то, что в России существует полное равенство и нет безработицы. Во время Великого кризиса 1930-х годов много финнов эмигрировали из США в Советский Союз. Большинство из них стали жертвами сталинского террора. Когда экономический кризис ударил и по нашей стране, едва ли кто-либо в Финляндии, как среди социалистов, так и не-социалистов, вообще рассматривал такую возможность.

Мне было почти восемь, когда отец, однажды вернувшись с работы, сказал, что его уволили. Несколько лет он был безработным. Обычно он молча сидел за обеденным столом, мрачный взгляд выражал его чувства. Это было очень унижительно – оказаться невостребованным в возрасте 35 лет. Кроме того, ему было очень трудно объяснить маме свои переживания: он не мог выбраться из своей скорлупы. Лейфу и мне не удавалось по-настоящему с ним сблизиться.

Безработица в Германии была еще более жестокой, чем в нашей стране. Поэтому когда Гитлер смог переломить ситуацию, многие в Европе начали смотреть на него по-новому. Даже Черчилль как-то высказал предположение, что Гитлер может стать человеком, который вернет немецкому народу былое величие. Из-за страха перед Сталиным многие финны считали, что перевооружение Германии может косвенным образом укрепить безопасность Финляндии. Между Финляндией и Германией существовала традиция многовекового сотрудничества. Большинство финских профессоров и ученых после окончания высших учебных заведений продолжали свое образование в германских университетах. Просвещение, церковь и армия были построены по германской модели.

Когда сообщение об отношении нацистов к евреям стали внушать определенные опасения, многие посчитали эти истории преувеличением. Многие, однако не все. Семья моей тети, Ванды Болте, помогла сотням евреев найти убежище, первоначально – в Финляндии. Мой отец также был убежден, что Германия ступила на страшный и опасный путь. Иногда у него случались споры с теми, кто полагал, что он не может реально оценить большевистскую угрозу Европе.

В нашей школе разделительная линия пролегла на другом уровне. Я и примерно половина одноклассников утверждали, что английские истребители самые мощные, тогда как остальные делали ставку на военно-воздушные силы Германии.

Весной 1939 года я сдал вступительные экзамены в университет и устроился на фирму по производству металла, чтобы пройти некоторую подготовку и заработать немного денег. В конце лета вся семья собралась на серебряную свадьбу супругов Болте в их летнем доме на берегу прекрасного озера Лохья. Уличный скрипач шел во главе праздничной процессии, входившей в украшенные гирляндами ворота. Наш смех и пение разносились по всей бухте, но внезапно дядю позвали к телефону. Вернувшись, он сообщил, что началась вторая мировая война.

Вскоре стали оправдываться наши самые худшие предчувствия. Советский Союз повел себя в отношении Эстонии, Латвии и Литвы еще агрессивнее, чем мы предполагали, а в последний день ноября без объявления войны напал на Финляндию по всей восточной границе. Несмотря на глубокие раны, оставленные войной за независимость, несмотря на то, что коммунистическая партия в Финляндии была под запретом, произошло невероятное. Впервые с момента провозглашения независимости финский народ объединился. Белые и красные, коммунисты и те, кто был на стороне Германии, выступили вместе, чтобы помешать Сталину исполнить его замысел.

5. Удар Сталина

Было 9 часов утра 30 ноября 1939 года. Я только что вышел из дома и направился в университет, как услышал в воздухе гудение моторов. Через несколько мгновений в центре Хельсинки прогремели взрывы. Пытаясь спастись, я бросился в ворота. Сразу же завывли сирены тревоги.

Эта осень была очень беспокойной. До самого последнего момента народ надеялся, что финская делегация в Москве сможет найти мирное решение конфликта. В результате случилось то, что случилось. “Идет война, – сказал я сам себе. – Но подумать только, что скажет весь мир, когда мы победим русских! Я должен поступить на военную службу”. Это была реакция мечтательного восемнадцатилетнего юноши, однако, возможно, здесь сработал и некий внутренний защитный механизм. Я поспешил домой, где по телефону мне сообщили, что наше подразделение Внутренней гвардии соберется в тот же день пополудни.

Я вступил во Внутреннюю гвардию уже за несколько месяцев до этого и осваивал основы военной подготовки на специальных занятиях, проходивших по вечерам и в выходные дни. Мы с моим двоюродным братом Олофом аф Халльстрёмом оказались в пехотном взводе батальона “стариков”, что было достаточно странно, учитывая наш возраст. В течение осени мы часто выдвигались на охрану стратегически важных мостов. Теперь же война стала реальностью. Уже через пару часов после воздушного налета я надел форму и попрощался с мамой, отцом и Лейфом. Прежде чем я ушел, мама положила в мой рюкзак сборник библейских текстов. Я и не мог вообразить тогда, что снять военную форму я смогу лишь пять лет спустя.

В тот же вечер наш взвод был послан в пригород. На следующее утро мы увидели, как войска стреляют по низко летящим русским самолетам. К нашему глубокому удовлетво-

рению, один из них разбился. Мы кинулись к нему. Пуля попала пилоту прямо в лоб. Я впервые увидел тогда мертвого врага. Разумеется, мы знали, что едва ли самолет был сбит одной из выпущенных нами пуль, однако это вовсе не умаляло наших патриотических чувств.

Немного позже я был послан в качестве связного в министерство обороны, размещавшееся недалеко от Хельсинки в пяти пещерах. Целый день я отвечал по телефону “81030”. Я передавал информацию о воздушных налетах, бегал туда и сюда с сообщениями, носил ночью шнапс министру обороны и выносил его ночной горшок. Несколько раз министра посещал президент Киости Каллио, вместе с ним приходили генералы. Я запомнил серьезные и грустные глаза Каллио.

Уже через несколько недель мне надоела служба в министерстве обороны – хотелось оказаться на настоящей войне. Не для этого я был на два года призван на регулярную воинскую службу. Я решил записаться в добровольцы, однако это было не так-то просто. Я был высоким, но слишком худым. Однако зная, что при медицинском осмотре надо снимать лишь рубашку и ботинки, я съел столько каши, сколько смог в себя запихнуть, выпил литр воды, а также спрятал ключи и металлические предметы в карманы штанов. Стрелка весов перешла критическую отметку. Таким образом, я стал новобранцем и был зачислен в легкую полевую артиллерию на Западном Берегу.

Финская армия была плохо оснащена. Не было даже достаточного количества военной формы для новобранцев. Мы были больше похожи на банду грабителей. Единственными обязательными элементами формы были кокарда и широкий желтый кожаный пояс. Некоторые надевали этот желтый пояс прямо поверх обычного черного зимнего пальто, а кокарду прицепляли на свою шапку или фуражку.

Нас поселили в здании начальной школы. Шестьдесят новобранцев спали на расположенных в три уровня досках в комнате, рассчитанной на двадцать учеников. Атмосфера этой комнаты не поддается описанию. На верхнем уровне вы исходили потом, тогда как на полу температура иногда опускалась ниже нуля. Здесь мы осваивали основы армейской дисциплины. Начав с пехотной подготовки, мы затем учились стрелять из пушек, при этом мы не видели ни одного артилле-

рийского снаряда, поскольку все орудия были отправлены на Восточный фронт. Даже старые пушки времен войны 1870 года были вывезены из музеев. Нам приходилось довольствоваться тяжелыми бревнами с присоединенной к ним парой колес и инструментами наведения.

По радио мы слушали новости с фронта. Ситуация казалась все более и более зловещей, так как сражение на Карельском перешейке достигло решающей фазы. Мы надеялись на чудо: должны же, в конце концов, нам на помощь прийти западные державы! Однажды нам сообщили, что артиллерийская подготовка завершена; мы как пехотное подразделение направляемся к Выборгскому заливу, где русские начали выдвигаться по льду, чтобы обойти с фланга финские части.

Мы никогда там не были. Через несколько дней, 13 марта, мы услышали по радио торжественный голос Маннергейма, читавшего заявление о заключении перемирия. Большая часть Карельского перешейка, включая Выборг, второй по величине город Финляндии, значительные части Северо-Восточной Финляндии и весь полуостров Ханко на юго-востоке передавались Советскому Союзу. Ни один из нас не проронил ни слова. Маннергейм горько заметил, что Швеция не дала разрешения франко-британским экспедиционным корпусам пройти в Финляндию через свою территорию.

Всех нас охватило разочарование. Кое у кого на глазах выступили слезы. Мы боялись, что это будет первым шагом к полной утрате нашей независимости. Было убито или ранено семьсот тысяч русских солдат, однако их ресурсы казались неисчерпаемыми. Продолжать войну для нас было самоубийством: советский маршал Конев в своих мемуарах сообщил, что в начале Зимней войны Сталин планировал выселить в Сибирь все население Финляндии.

Война объединила народ. Через пятьдесят лет я познакомился с одним издателем из Москвы, недавно прошедшим курс гражданской обороны, где советская пропаганда того времени, направленная против Финляндии, рассматривалась как пример “совершенно лживой и недопустимой кампании”. В определенном смысле можно сказать, что Зимняя война была для Финляндии подлинно освободительной войной.

Несколько лет спустя я узнал, что всего лишь через десять дней после заключения перемирия наш президент предсказал

неминуемое продолжение войны. В своих мемуарах Маннергейм рассказывает, как постепенно определялся путь развития нашей страны. Для Финляндии остаться в изоляции, без союзников, означало спровоцировать прямую оккупацию Советским Союзом или Германией, последствия которой в обоих случаях были бы фатальными. Старая идея о скандинавском оборонном союзе не давала покоя Маннергейму. Однако до апреля 1940 года лишь немногие норвежцы видели непосредственную опасность для своего государства, а шведы были столь озабочены своим нейтралитетом, что сама мысль о каком-либо союзе вызывала у них панический ужас. В складывавшейся ситуации самым плохим выбором было бы ничего не делать и оставаться в одиночестве.

После перемирия русское присутствие в Финляндии неизмеримо возросло. Советы использовали любой шанс, чтобы наращивать свою мощь и угрожать нашим властям. Пакт между Советским Союзом и Германией продолжал действовать, и до сего момента Гитлер целиком одобрял все действия Сталина в отношении Финляндии. После Войны за независимость молодое финское государство обладало лишь немногими действительными связями со странами Запада и, к большому сожалению Маннергейма, последующие правительства очень немного сделали для их установления. Теперь же силы Запада были заняты в других местах. Не было сомнений в конечных целях русских: они попросту ждали своего часа.

Сразу после окончания Зимней войны меня послали в школу для унтер-офицеров. С наступлением весны весь наш курс отправили рыть окопы на новой юго-восточной границе. Еды не хватало, и она была хуже, чем во время войны. В свободное время мы пытались купить молока у фермеров. Месяц за месяцем наша часть продолжала выполнять эту монотонную работу, почти ничего не зная о том, что происходит в мире.

Тем временем отношения между русскими и немцами ухудшались. Русская военная авиация сбивала финский пассажирский самолет, следовавший рейсом Таллинн-Хельсинки, чтобы перевозившиеся на нем документы не попали к немцам. Немцы проявляли к Финляндии все возрастающий интерес. Однако объяснялось это вовсе не заботой о финском народе.

Тот факт, что Сталину не удалось захватить Финляндию ни сразу, ни на всем протяжении Зимней войны, унизил его

перед всем миром. Ему пришлось искать новые пути. Мы знали о том, что министр иностранных дел Советского Союза, Молотов, заявил литовскому премьер-министру: “Вам следует понять, что малые народы должны исчезнуть. Ваша Литва, вместе со всеми остальными Балтийскими странами, включая Финляндию, должна будет вступить в семью уважаемых республик Советского Союза”.

В ноябре 1940 года Гитлер и Молотов встретились в Берлине. К этому моменту остальные страны Балтии уже были оккупированы, и Молотов просил Гитлера предоставить ему полную свободу действий, чтобы окончательно разобраться с Финляндией. Гитлер отказался. Он не хотел рисковать экспортом металла и леса из Финляндии: лучшие залежи никеля в Европе располагались в Петсамо, на нашем арктическом берегу. Теперь встал стратегический вопрос, Советский Союз или Германия заполнит тот вакуум, который представляла собой Финляндия.

В начале этого года немцы захватили Нарвик в Норвегии. Это сделало безопасными поставки стали из Швеции в Германию до самого конца войны и освободило ее тылы, так что теперь она могла спокойно осуществлять свои восточные планы.

Финляндия оказалась зажатой между двумя полюсами, отрезанной от остальных потенциальных союзников. Если бы мы воспротивились попыткам немцев установить свое присутствие в Финляндии, они все равно могли вторгнуться в нашу страну, чтобы не допустить ее захвата русскими. В определенном смысле интересы Финляндии и Германии совпадали. Мы пришли к выводу, что единственная альтернатива для Финляндии – сотрудничество с немцами.

Весной 1941 года меня послали в школу офицеров запаса. Пессимистические настроения в нашей стране постепенно стали ослабевать. Многие руководители офицерской школы начали проявлять симпатию к немцам. Если Германия разорвет отношения с Советским Союзом, это может помочь нам в нашем отчаянном положении.

Вскоре события стали стремительно разворачиваться.

6. Неравные союзники

Однажды в июне 1941 года до нас дошло известие о том, что немцы напали на Советский Союз. В тот же день русские военно-воздушные силы бомбили Хельсинки. 26 июня президент объявил о начале войны. Финляндия и Германия были теперь братьями по оружию, однако, как нам говорили, это вовсе не означало враждебности по отношению к нашим западным союзникам.

Хотя в Финляндии и существовали влиятельные прогерманские круги, для большинства финского народа Германия была лишь союзником в борьбе против общего врага. Немногих привлекал нацизм как идеология, однако большинство хотело воспользоваться шансом и вернуть территорию, утраченную нами в Зимней войне.

Было очень грустно думать о немецкой оккупации нашей братской Норвегии, однако наше собственное положение было столь зыбким, что все остальные соображения неминуемо должны были отступить. Мы надеялись, что норвежцы поймут нас, однако им было нелегко сделать это. Немцы перебросили пару дивизий из Северной Норвегии в Северную Финляндию.

В офицерской школе царил большой энтузиазм. Общим убеждением было то, что война скоро закончится, поскольку Финляндии уже удалось однажды успешно сражаться против советской армии и сохранять свои позиции на протяжении трех с половиной месяцев.

Новая вспышка военных действий прервала наши занятия. Сразу после выпускных экзаменов нас погрузили в товарные вагоны и отправили в разные части фронта. Сначала я оказался в городе Улу на северо-западе, где нас разделили в алфавитном порядке. Всех, чья фамилия начиналась с букв G или H, зачислили в 6-ю дивизию, стоявшую севернее Полярного круга. Я всегда мечтал попасть в Лапландию. “Во-

образите, теперь это становится реальностью, – писал я домой. – И, больше того, все это путешествие оплачивает государство!”

Наш поезд остановился там, где заканчивалась железная дорога, и вдруг я заметил бегущего северного оленя. Увы, это зрелище было недолгим.

6-я дивизия состояла в основном из людей, живших в лесу, профессиональных охотников и фермеров из Северной Финляндии. Большинство офицеров запаса были по профессии лесниками. Как офицеры, так и рядовые были индивидуалистами, они привыкли справляться со всем собственными силами. Когда нашу дивизию слили со 169-й немецкой дивизией, этот союз был заведомо обречен на многочисленные конфликты. Назначение немецкого генерал-полковника Фалькенхорста командующим нашим армейским корпусом выглядело очень странно: наша армия не подчинялась высшему немецкому командованию. В дальнейшем в ходе войны немецкие и финские части располагались в совершенно разных частях фронта и общались лишь через офицеров связи. Единственное, что потеряли из-за этого финские солдаты, – очень вкусные свиные консервы, которыми снабжали немецких солдат.

С конечной станции мы проехали на грузовике примерно сто километров на восток и оказались в штабе дивизии в Салле. Наконец я добрался до 14-го артиллерийского полка, а конечной целью моего путешествия была его 2-я батарея, располагавшаяся в далекой, совершенно дикой местности. Мне было приказано идти кратчайшим путем через лес, ориентируясь по компасу.

Когда я наконец прибыл туда, пройдя 25 км и преодолев реки, болота и горы, оказалось, что батарея только что получила приказ свернуть лагерь. Авангард из сильных солдат топорами и пилами расчищал узкую дорогу в лесу, по которой лошади смогли бы протаскать четыре норвежские пушки трехдюймового калибра. Иногда мы грузили всю батарею на плоты, и небольшие моторные лодки тянули их через водное пространство.

Главной целью армейского корпуса было достичь Белого моря и небольшого города Кандалакши и перерезать жизнен-

но важную железную дорогу на Мурманск, по которой в Россию перевозились военные грузы, доставляемые английскими и американскими конвоями. Русские разместили там крупные соединения войск, чтобы предотвратить захват железной дороги, а также столь сильно укрепили основное шоссе и железную дорогу к востоку от финской границы, что продвинуться к ней было практически невозможно. Поэтому мы попытались взять их в клещи. Нашей Лапландской дивизии была поставлена задача отрезать главные силы русских с юга и достигнуть шоссе и железной дороги, обойдя их с тыла. Австрийско-германским силам было приказано наступать с севера.

После тактического отступления сопротивление русских стало постепенно нарастать. Дивизия готовилась к главному удару.

Наша батарея заняла позицию на вершине поросшего лесом холма. Артиллерийский огонь с обеих сторон с каждым днем становился все сильнее. Русские вскоре засекли нашу батарею и непрерывно стреляли снарядами, которые разрывались при соприкосновении с кронами деревьев. В промежутках между нашими собственными артобстрелами нам удавалось найти убежище. Однако мы не могли ни на минуту остановить стрельбу, поскольку в таком случае мы поставили бы под удар нашу пехоту, шедшую в атаку.

Вскоре мы узнали, сколь близко могут разрываться снаряды. Однажды тяжелый снаряд попал в ствол ели, за которой я прятался, всего в двух метрах надо мной. Верхняя половина дерева обрушилась за мной. Однако снаряд разорвался лишь тогда, когда упал на некотором расстоянии на землю.

Однажды во время небольшой паузы в стрельбе двое из нас отправились в палатку. Внезапно у меня возникло острое ощущение, что нужно немедленно уходить. “Уходим!” – крикнул я. Через несколько секунд снаряд попал в пустую палатку. От нее остались лишь клочки.

В нескольких километрах от нас подразделение управления огнем бок о бок с пехотой пошли в атаку и захватили русскую батарею. Главный офицер, корректировавший ведение огня, был тяжело ранен. Ночью пришло сообщение, что я должен немедленно прибыть в это подразделение. У меня не

было карты, и, чтобы не потеряться под проливным дождем, я пошел вдоль проложенного по земле телефонного кабеля. Когда через несколько часов я прибыл на место, ситуация стабилизировалась. Люди из группы корректировки огня лежали под деревьями невдалеке от захваченных ими артиллерийских орудий, рядом с мертвыми русскими и лошадьми. Это была моя первая встреча с людьми, с которыми мне суждено было пройти через все испытания следующих трех лет.

Мы должны были выбирать цели, чтобы обеспечить максимальную огневую поддержку наступающей пехоте. Главным офицером-корректировщиком был лейтенант Раси. Поскольку мне только что присвоили звание лейтенанта, я был его заместителем. Раси был родом из деревни Ухтуа в Восточной Карелии. Он постоянно говорил о том, что горячо надеется, что однажды мы освободим его родное село.

Мы не знали о том, что в случае успеха нашего наступления не менее 40 тысяч русских попало бы в окружение. Наступило 20 августа, и ночи уже были холодными. Мы лежали на земле под непрерывным дождем, и лес вокруг нас подавлял нас своим гнетущим безмолвием. Мы страшно замерзли и чувствовали себя несчастными, запасы еды подходили к концу.

Внезапно началось контрнаступление русских, открывших огонь со всех сторон. Нам не всегда удавалось понять, откуда идет стрельба. Русские прорвались на расстояние ста метров от нас. Плотная стрельба покрыла нас, подобно ковру, и мы изо всех сил вжались в землю; огонь был столь неистовым, что невозможно было различить отдельные выстрелы. Дождь лил как из ведра.

Непрерывная стрельба продолжалась 15 минут, а затем на несколько минут стихла. В этот момент мы услышали серию выстрелов небольших минометов. Снаряды, похожие на ручные гранаты, взрывались вокруг нас. Я ощутил вкус порохового дыма и глины во рту. На мгновение мы с Раси слегка приподнялись с земли, чтобы посмотреть, как обстоят дела у нашего небольшого отряда. Мы лежали плечом к плечу, и Раси крикнул: “Ребята, рассредоточьтесь! Мы слишком хорошая мишень для минометов!” Внезапно он вскрикнул: “Дьявол!” – и повалился на меня, залив меня кровью; пуля вошла ему прямо в рот. В рассказах о войне, которые я читал в дет-

ском возрасте, умирающий герой всегда говорил какие-то трогательные слова о своей семье и родине. Но такова была реальность – одно лишь проклятие.

Я понял, что теперь я отвечаю за корректировку огня. У меня не было никакого опыта, я даже не знал имен моих подчиненных. Двое из них оттащили в сторону Раси. Думать о нем не было времени. Что же я должен делать? Ответ пришел немедленно, поскольку снова начался шквальный огонь. Не было никакой возможности окапываться. Мы не могли сдвинуться с того пятачка на месте бывшей батареи русских, где лежали на влажном слое их испражнений. Я прижимался к земле настолько, насколько это было возможно. Пули и осколки снарядов поражали то одного, то другого солдата справа и слева от меня. Запах пороховой гари и крови проник в ноздри, и ужас охватил меня. Я молился так, как никогда не молился раньше. “Боже, я не вижу никакой возможности уйти отсюда живым, но если будет на то Твоя воля, сжалься надо мной. Позволь мне еще раз вернуться домой. Тогда я буду готов умереть”.

Русские трижды атаковали нас той ночью. Огонь продолжался несколько часов, однако им так и не удалось продвинуться дальше. Под защитой дождя и темноты их отряды стали возвращаться к дороге.

На рассвете нам приказали восстановить непосредственный контакт с противником. Под сильным огнем мы продвинулись в центр гористой возвышенности, покрытой густой порослью полярной березы. Русские находились перед нами на склоне горы, и в конце концов мы оказались всего на 50 метров ниже их. За горой проходила дорога, ведущая от финской границы к Белому морю. Быстрой атакой мы должны были отрезать и окружить врага.

Нашей задачей было обеспечить огневую поддержку батальону капитана Киивери, состоявшему в основном из профессиональных охотников и лесников. Командир батальона громко скомандовал: “Вперед!” “Это невозможно!” – крикнул один из моих людей. “Подождите немного!” – умолял другой. Я выругался и пополз вперед столь же испуганный, как и остальные. Мы ползли, а пару раз прыгали, но огонь русских был шквальным, и никто из батальона не мог продвинуться дальше. Неподалеку от меня душераздирающе кри-

чал умиравший пехотинец: “Помогите, помогите!” Но приблизиться к нему было невозможно.

Мы были теперь столь близко от русских, что самые сильные бросали в них гранаты. Мы попытались укрыться за большими каменными глыбами, чтобы установить радиосвязь с батареей, однако они едва ли могли помочь нам. Нашему сержанту-радисту пуля снесла полголовы. Вскоре у командира батальона не осталось выбора; мы были вынуждены на несколько дней отступить.

Под прикрытием непрерывного огня основной части русской дивизии удалось ускользнуть от того “груза”, который не давал ей возможности отступить и почти раздавил ее. Взять ее в клещи не удалось. Немецкие грузовики, приспособленные для передвижения по ровной местности, не смогли прибыть вовремя. Это спасло русских. Однако им пришлось оставить практически все орудия, машины и запасы. Унылым утром поле битвы представляло собой весьма жалкое зрелище.

Через полгода я получил свой первый отпуск. “Не случилось ли этим летом, примерно 20 августа, чего-то особенного?” – спросила меня мама. “Что ты имеешь в виду?” – переспросил я. “Одна женщина из общины в Таммисаари, я ее знаю совсем немного, позвонила мне и сказала, что той ночью она почувствовала, что должна молиться за тебя. Она спрашивала о тебе. И я ответила, что мне ничего не известно, однако газеты говорят, что в Салле идут тяжелые бои возле Белого моря и что ты находишься там”. Я рассказал ей все, что случилось в те дни, а также о моей молитве.

Мы продолжали быстро наступать. Повсюду валялись трупы людей и лошадей, взорванные танки и артиллерийские орудия. С вершины горы мы видели два русских локомотива, которые с помощью огромной железной петли вырывали из земли железнодорожные рельсы. Рельсы так и остались лежать на насыпи параллельно друг другу, подобно двум огромным удавам.

Мы продвинулись вдоль дороги к востоку примерно на двадцать километров, практически не встретив сопротивления. У деревни Алакуртти русские поставили мощную линию укреплений по обеим сторонам дороги. Нашей батарее было приказано поддержать наступление немецких войск по этой

дороге. Поскольку я немного говорил по-немецки, мне поручили корректировать огонь артиллерии; с одним из своих людей я отправился в расположение немецкой пехоты.

Я был единственным финном среди немцев, и меня поразила железная дисциплина, подавлявшая любую личную инициативу. Все делалось по инструкции, и офицеры давали свои длинные команды столь громко, что русские не могли не знать о начинавшейся атаке.

Русские хорошо подготовились. Элитный полк СС, брошенный против них, состоял из берлинских парней, живших на равнине и совершенно беспомощных в дикой и гористой Арктике, – в отличие от австрийских стрелков, также сражавшихся в Лапландии. Пустив вперед танки, под прикрытием артиллерийского огня немцы начали продвигаться вперед, однако все их попытки были обречены с самого начала. Огонь русских был сокрушительным. Мы с товарищем вырыли себе ямки, похожие на гробы, чтобы не высовываться на поверхность земли. Рядом с нами стоял танк, зенитное орудие, пара самоходных установок, и все они скучились на небольшом холмике неподалеку от обочины, – именно в том месте, где ни в коем случае нельзя было располагать наблюдательный пункт.

В этом бедственном положении немцы запросили на помощь пикирующие бомбардировщики “Stuka”, чтобы наконец выйти из тупика. Через полчаса мы с облегчением услышали гудение моторов и увидели приближающееся звено из пяти самолетов. Они сделали пару кругов над ними и начали пикировать на врага. К сожалению, пилоты перепутали холм, на котором мы лежали, с позициями русских. Земля сотряслась от разрывов бомб. Пикируя, самолет стрелял из двух орудий: один снаряд взорвался справа от меня, другой – слева. Одна из бомб отбросила в сторону немецкий танк. Командир батальона был убит на месте. Мертвые и раненые оказались погребены под землей. Среди немцев началась паника.

Русские должны были радоваться. Когда первое звено бомбардировщиков “Stuka” развернулось и исчезло из виду, мы увидели новую группу самолетов, готовых повторить маневр. Немцы срочно запросили танки, чтобы затащить на холм большие немецкие флаги и тем самым предупредить пилотов.

После боя, продолжавшегося полдня, русские наконец были окружены и попытались покинуть свою линию обороны. Некоторые из них вышли вперед с поднятыми руками. Немцы были очень возбуждены. Новый командир немецкого подразделения стоял на дороге и смотрел на горящую деревню Алакуртти. Солдат привел к нему несколько русских пленных. “Гюнтер!” – резко сказал ему командир, показывая на лес позади дороги. Гюнтер заставил пленных идти перед ним в одну цепочку и расстрелял их одного за другим. Возможно, подобные вещи происходили в большинстве армий, когда люди находились в столь напряженном состоянии. Однако в данном случае этот приказ был хладнокровно отдан высшим начальником и, разумеется, он противоречил Женевской конвенции.

С облегчением я вскоре вернулся в свой отряд и принял участие в атаке батальона финских пограничников под командой капитана Веттерстранда. В полной тишине мы образовали на пустынной равнине длинную цепь. Я находился недалеко от командира батальона. Ровно в двенадцать часов он тихо сказал: “Думаю, нам пора”, – и первым пошел вперед. Больше не нужно было никаких инструкций. В абсолютном безмолвии цепь продвигалась вперед через густой лес до тех пор, пока мы не сблизилась с русскими. Тогда, разумеется, тишине настал конец.

Когда финские солдаты брали пленных, они зачастую передавали им сигареты или еду. Однако в некоторых лагерях пленные страдали от нехватки еды, многие из них умирали. Других посылали работать на фермах в разные части страны; иногда к ним относились столь хорошо, что им завидовали наши солдаты. Мои родственники взяли русских на работу на своей ферме. То, что произошло с пленными после возвращения в Россию, – это уже другая история. Тысячи из них так и не увидели своего дома. Сталин сделал все возможное, чтобы не допустить какого-либо буржуазного влияния на Советский Союз.

Наступил сентябрь, и озера замерзли. Немцы были плохо экипированы для зимы и боялись огромных и темных лесов: за каждым деревом мог скрываться враг. “Когда война закончится, я срублю в своем саду все деревья”, – сказал один

из них. Финны чувствовали себя в лесу, как дома, и инстинктивно видели в каждом дереве друга и защиту от врагов.

Немцы все еще пребывали в убеждении, что война закончится через несколько недель. Один австрийский старшина, по профессии юрист, удивил меня, заявив: “Я думаю, война может продлиться много лет, и я вовсе не уверен, что она закончится нашей победой”.

Во время однодневной передышки армейский капеллан провел в лесу богослужение. Все захотели принять в нем участие. Мы подходили и преклоняли колени перед небольшим березовым крестом, чтобы получить причастие. Мы как бы благодарили Бога и умоляли Его помочь нам в дальнейшем. Человеческие слова оставались столь же грубыми, как и прежде, но глубокие переживания никого не оставили равнодушным.

Мы продолжали продвигаться к востоку по направлению к Белому морю. Это был торжественный момент, когда мы пересекли старую финскую границу. Мы отвоевали землю, которая принадлежала Финляндии. В конце сентября линия фронта начала стабилизироваться. У нас не было сил продолжать наступление, а потому в последующие два года наши позиции практически не менялись; война постепенно перешла в стадию позиционной, с бесконечным патрулированием, локальными атаками и непродолжительными оборонительными боями. Линия фронта проходила в глубине русской Карелии.

С психологической точки зрения позиционная война была изматывающей. Ничто не свидетельствовало о скором ее окончании. Кое-кто был разочарован, однако не было ни жалости к себе, ни фанатизма. Русским, лежавшим в окопах на противоположной стороне, было так же холодно, как и нам. Они тоже мечтали о возвращении домой. Мы часто находили в карманах мертвых русских потертые фотографии любимых.

Однажды группа местных финнов и группа русских оказались на двух берегах замерзшего ручейка. Снежный покров был очень тонкий, и было очень трудно добыть воды. Один из русских говорил немного по-фински, и переговоры, которые велись через узкую полосу земли, привели к обоюдному соглашению: обе стороны могут беспрепятственно взять воду

из проруби, поскольку они не одеты в белые маскхалаты, которые носили зимой солдаты обеих армий.

Действия на фронте носили спорадический характер, однако всегда надо было быть начеку. Днем работали русские снайперы, ночью же мы усиливали наблюдение в окопах. Наши бойцы групп наблюдения за ведением огня едва ли спали больше трех часов в сутки. После ночных дозоров мы ходили с красными и воспаленными глазами. “Если бы мама узнала, где ее сын, она наверняка приехала бы и забрала его домой”, – говорил один из моих товарищей.

Я постоянно стоял в дозоре пару часов пополуночи, а затем, в 5 часов утра, звонили из штаба батальона, требуя отчета о ночных происшествиях. Время от времени всем нам приходилось проводить всю ночь в окопах, неподвижно стоя в условиях 45-градусного мороза. Однако мы были молоды и сильны, возбуждение и адреналин делали свое дело.

В конце 1941 года Британская империя объявила войну Финляндии. Финские рыбаки на острове Мэн в Ирландском море, в Индии и в Австралии были интернированы. Мы сожалели об этом, однако понимали, что перед лицом Советского Союза у Великобритании не было другого выбора. Годы спустя мы узнали, что Черчилль написал Маннергейму личное письмо о том, сколь огорчен он был такой перспективой. Он не хотел объявлять войну, но ему пришлось это сделать, принимая условия Сталина. “Ребята, теперь мы воюем с джентльменами, – сказал один из солдат, услышав эту новость по радио. – Проверьте, хорошо ли вы выбриты”.

Как-то Швеция обратилась по какому-то поводу за помощью к Финляндии, и американский министр иностранных дел Корделл Хал сказал: “Многие люди в США чувствуют симпатию к этой маленькой, ни в чем не виновной стране. Однако Россия – наш союзник, и мы не можем позволить, чтобы вся наша политика рухнула из-за нашей помощи Финляндии”. Нашим войскам так и не удалось нарушить железнодорожное сообщение между Мурманском и внутренними районами страны, хотя в 1942 году армейское командование и подготовило решающий удар по этой дороге. Америка пригрозила тогда немедленно объявить войну Финляндии. Этот план так никогда и не был осуществлен.

К ярости Гитлера, на протяжении всей войны Маннергейм отказывался участвовать в наступлении на Ленинград. В этом было различие в стремлениях финнов и немцев: немцы вели кампанию против Советского Союза, тогда как мы вели войну за возвращение захваченных у нас земель.

Многие люди с тех пор задавали вопрос о том, стоило ли переносить линию фронта столь далеко на восток. Со стратегической точки зрения, старую финскую границу защищать было невозможно, а потому многие высказывались за то, что конечной целью нашего наступления должны быть обширные водные пространства на востоке. Были и такие, прежде всего среди молодой интеллигенции, кто мечтал о присоединении к Финляндии русской восточной Карелии, население которой говорило по-фински. В целом же финны относились к боевым действиям как к войне за независимость, как к продолжению Зимней войны.

Летом 1941 года мое отношение к жизни изменилось. Я вполне “освоился” на войне: к счастью, я не знал, сколь долго эта война продлится. Я научился жить одним днем, радоваться самому малому в тяжелейших условиях и ценить дружбу, подвергнувшуюся тогда серьезным испытаниям.

7. Люди и лошади

В нашей батарее было четыре орудия, каждое из которых обычно тащили четыре лошади. Кроме того, у нас были лошади санитарной службы и пара верховых. Почти все наши люди были сельскими жителями и всю свою жизнь провели рядом с лошадьми. Они понимали их и относились к ним, как к друзьям.

Всем фермам Финляндии пришлось отдать армии лучших своих лошадей, как правило, безвозмездно. Лошадям приходилось очень тяжело, особенно в том, что касалось фуража. Зимой, когда заканчивалось сено, мы крошили на куски толстые листы сырой целлюлозы и смешивали их с водой, получая нечто, похожее на серую грязь. Чтобы хоть как-то разнообразить их рацион, мы добавляли размоченные в воде газеты. Когда лошадей привязывали к деревьям, очень скоро они обгрызали с них всю кору. Обычно лошади все время находились на улице, даже когда температура падала ниже 40 градусов. Но у природы свои лекарства: гладкая короткая шерсть превращалась в густую и косматую.

Однажды нам пришлось безо всякой дороги тащить орудия около двадцати километров через лес, болота и гористую местность на вершину горы для решающего удара по русской железной дороге. Группа крепких солдат шла вперед и топорами и пилами расчищала путь среди деревьев.

Когда мы достигли склона горы, дальнейшее продвижение вперед показалось невозможным. На каждое орудие приходилось по четыре сильные лошади, однако они ничего не могли сделать. Шесть лошадей смогли протащить одно орудие лишь немного вверх по длинному и крутому склону. Даже связанные вместе восемь лошадей не могли тащить одно легкое артиллерийское орудие. Нам нельзя было опаздывать. Группа солдат стала толкать сзади, в то время как восемь человек встали сбоку от лошадей и начали изо всех сил хлест-

тать их березовыми прутьями. Это было душераздирающее зрелище. Глаза лошадей расширились от ужаса, их морды были в пене. Казалось, ребята страдали не меньше, чем лошади, из-за того, что они были вынуждены делать.

Нам удалось поднять оружие. Когда лошадей распрягли, они рухнули на землю, задыхаясь от изнеможения. Одна лошадь умерла от разрыва сердца.

Нам пришлось трижды повторить этот маневр, прежде чем все орудия были подняты на вершину горы. Теперь солдаты готовили огневые позиции, тогда как группа наблюдения за ведением огня поспешила вперед к позициям пехоты. Когда плотный туман рассеялся, стало очевидно, что батарея расположилась на совершенно открытом месте. Как только мы начали стрелять, русские сразу же обнаружили наши позиции и стали наносить по нам артиллерийские удары. Скалистый рельеф не мог защитить нас. Лошади отчаянно заржали. Солдаты пытались повалить их на землю, чтобы их не убило. И все же много лошадей осталось лежать на этой горе.

По иронии судьбы вскоре финны вновь получили необходимое количество лошадей в качестве военных трофеев.

У моей тети Сойнту была небольшая ферма недалеко от Олккалы. В жизни у нее было много трагедий и разочарований. Лошади и немецкие овчарки были ее лучшими друзьями. На большой дороге, проходившей через ее ферму, она поставила большой знак с цитатой, которую она приписывала Карлу Великому: “Чем больше я узнаю людей, тем больше ценю собаку”. Чуть ниже располагался другой знак: “Осторожно – собака!”.

Сойнту отправила на фронт большое количество лошадей. Через несколько месяцев после окончания войны она получила известие о том, что одна из ее кобыл находится в товарном вагоне, прибывшем в Вихти. Сойнту жила тогда на ферме одна со своим молодым сыном, старым работником, единственной духовной пищей которого была гадальная книга, и набожной экономкой, литературные аппетиты которой вполне удовлетворяли библейские цитаты из публиковавшихся в газетах некрологов. А их было в то время предостаточно.

Когда лошадь вводили в ворота, эта маленькая группа людей стояла во дворе фермы. Ее не было здесь почти три года.

Она подошла прямо к моей тете и ткнулась мордой ей в щеку и в руку. Сойнту обнаружила, что лошадь плачет так же, как и все вокруг. Через некоторое время лошадь подошла к дому, медленно обошла вокруг него и принялась обнюхивать другие строения. Наконец она прошла через открытые ворота конюшни к своему стойлу и там остановилась.

Когда фронт перестал перемещаться и началась позиционная война, мы приступили к строительству специального жилища – *корсу*. Это был врытый в землю блиндаж с крышей из трех или четырех слоев бревен, покрытых тяжелыми камнями и землей, чтобы он смог выдержать, по крайней мере, прямое попадание среднего артиллерийского снаряда. Металлическая сетка вокруг трубы дымохода должна была помешать русским солдатам бросать туда ночью ручные гранаты. Немного дневного света проникало через небольшое наклонное отверстие. Чем ближе *корсу* было к передовой, чем более низкой и незаметной должна была быть его крыша. Небольшая зигзагообразная траншея вела к передовой линии окопов.

Чрезвычайно студеной зимой 1943 года мы почти четыре месяца окапывались возле замерзшей реки Салмийоки, впадающей в Онежское озеро. Болото отделяло нас от русских. Мы не могли стоять в *корсу* в полный рост, поскольку было невозможно выкопать его достаточно глубоко. Пол был обычно залит водой, и нам приходилось использовать камни и ящики, чтобы добраться до своих коек. Дюжина мужчин жила в комнате три на пять метров.

Местность была открытая, и, несмотря на то, что время это считалось довольно мирным, русские снайперы причиняли нам немало хлопот выстрелами из своих винтовок с оптическим прицелом. Мой товарищ-офицер был ранен в плечо, и война на этом для него закончилась. Мы получили из штаба полка строгий приказ всем часовым надевать в окопах каски. Однако нашим дозорным, наблюдавшим за ведением огня, было очень трудно услышать посторонние звуки сквозь свист ветра в их касках; поэтому, когда ситуация казалась спокойной, они всегда их снимали.

Однажды к нам прибыл полковник, чтобы проверить передовую линию окопов. Я сопровождал его группу; мы вышли из *корсу*, и нам предстояло проползти около тридцати

метров по траншее до нашего наблюдательного пункта. Я прошептал сержанту: “Немедленно позвони дозорному, пусть наденет каску”. Когда мы достигли поста, полковник сказал: “Замечательно, что рядовой в каске”. “Да, полковник, я получил приказ надеть ее как можно быстрее”, – ответил солдат. Полковник бросил на меня испытующий взгляд.

Приближалось Рождество, и семейным разрешили уехать домой. Мы же, группа холостяков, праздновали его в нашем *корсу* в Салмийоки. Несмотря ни на что, мы были полны надежд. По собственному почину солдаты тщательно убрали *корсу*, подвесили к потолку рождественскую елку, поскольку пол был покрыт водой, расстелили на столе газеты и поставили на нем присланные из дома свечи.

В середине дня, когда еще было светло, военный капеллан принес каждому из нас по книжке рождественских песнопений. Мы прилежно выслушали читаемые на Рождество отрывки из Библии; вечером мы развернули присланные из дома посылки и обменялись угощением. Даже армейская кухня угостила нас на этот раз вкусной едой и выделила каждому по сто граммов шнапса.

После полудня говоривший по-фински русский офицер, так называемый “политрук”, призвал нас по мегафону сдать “победоносной советской армии” и не позволять больше Маннергейму и его сторонникам нас использовать. “Приходите к нам, у нас есть хлеб!” – кричал он. Один из наших сделал из картона мегафон и ответил ему, перечислив по пунктам все наше рождественское меню. Диалог закончился безвредной пулеметной стрельбой с обеих сторон.

Мы взялись за руки и пожелали друг другу счастливого Рождества. Слегка разочарованный, один из солдат попросил: “Может быть, лейтенант немного почитает?” Я прочитал рождественскую историю по листку, который вручил нам капеллан. Затем еще один парень предложил спеть вместе. “Какую песню вы хотите больше всего? – спросил я. – Хорошо, мы можем начать с первой и так дальше”. С внутренним благоговением пропели мы все рождественские гимны, от первого до последнего. На улице было совершенно темно, и нам пришлось усилить дозоры в окопах. Когда дозорный возвращался, он снимал свой маскхалат, садился и присоединял-

ся к пению, в то время как другой надевал его одежду, брал винтовку и уходил на пост.

Никогда, ни до, ни после, я не испытывал такого чувства. В полночь я пошел с обычной проверкой по окопам. Далеко слева я услышал два выстрела, прозвучавших с секундным интервалом, затем еще три коротких выстрела. Такие же очереди продолжали раздаваться снова и снова, приближаясь к нам все ближе. Когда они достигли нашего сектора, один из солдат произвел точно такие же выстрелы. Затем стрельба сдвинулась вправо и через некоторое время затихла вдали. Это было рождественское приветствие внутри нашей дивизии. На стороне русских было тихо, молчали и наши американские пушки, выпущенные Bethlehem Steel Corporation. Один из солдат спросил: интересно, а думают ли сейчас в окопах противники о предстоящем праздновании Рождества в Вифлееме?

В нашей батарее все мы были примерно одного возраста. В основном это были спокойные и несколько медлительные сыновья фермеров и лесников, призванные в возрасте восемнадцати лет. Лишь немногие были женаты. Атмосфера в этом достаточно однородном коллективе была на удивление дружеская, хотя в некоторых армейских подразделениях и были определенные проблемы с дисциплиной, поскольку стало казаться, что война уже никогда не закончится. Все жаловались на еду, которая иногда была столь плоха, что английские и немецкие солдаты устроили бы забастовку, если бы их заставляли это есть.

Чудаковатые и странные люди были в каждом подразделении, однако товарищи обычно не третировали их, а защищали. Один из солдат в группе обслуживания батареи оказался довольно бестолковым. Было непонятно, как он вообще попал на военную службу, однако, при всем при том он умел обращаться с лошадьми. Год спустя он получил свой первый отпуск, что означало двухдневную поездку домой по железной дороге, два дня дома и два дня на обратную дорогу. Он пропустил свою станцию, а затем пропустил ее снова, возвращаясь обратно; в результате дома он пробыл лишь два часа.

После этого другой солдат, живший в том же округе, попросил назначить их следующий отпуск в одно и то же вре-

мя, чтобы он мог помочь своему другу попасть домой. Когда же настало время, этот конюх подошел к нам и торжественно сказал: “Какая необыкновенная удача! Хаапакоски получил отпуск в точности тогда же, когда и я, и мы сможем поехать вместе!” Солдаты знали, что если бы на него обратили внимание врачи, его отослали бы домой. Но они знали также, что в таком случае подумали бы о нем женщины, и хотели спасти его честь. Если бы после войны он вернулся наполовину помешанным, всегда можно было бы обвинить в этом войну.

Никто из солдат не отличался особой набожностью и не стремился высказывать свои сокровенные мысли и чувства. Однако они очень редко (если вообще когда-либо) насмеялись над христианской верой: унаследованная от предков традиция глубоко укоренилась в них. Впрочем, один из наших конюхов был очень религиозен. Каждый вечер он читал Библию, в то время как остальные играли в карты. Если кому-то случалось в это время выругаться, на него тут же прикрикивали: “Ну-ка, не сквернословь, ведь он читает Библию!”

Рийконен был немного постарше нас – добрый и спокойный парень с берегов Ладоги. Однажды он пришел ко мне и командиру батареи, Аскалу Викману, в офицерскую палатку. “Я только что получил приглашение на свадьбу”, – медленно сказал он. “Да, мы понимаем, что ты хочешь поехать, однако это зависит от обстоятельств”, – ответили мы. Рийконен протянул нам красиво оформленную открытку и сказал: “Это моя собственная свадьба”. “Конечно, в этом случае ты можешь отлучиться еще на несколько дней”, – сказали мы. “Да, однако я никогда не предлагал этого, и мы никогда не говорили с ней о свадьбе. Я даже не знаю, хочу ли я жениться на этой девушке. Но она-то точно хочет. Я не знаю, что мне делать”. Мы согласились, что он должен поехать в город Сортавалу на Ладоге, где жила эта девушка. “Рийконен, помни, что ты всегда можешь отказаться, если будешь неуверен, даже несмотря на приглашение”, – добавили мы.

Неделю спустя Рийконен вернулся на фронт и с добродушной улыбкой на лице пришел к нам в палатку для отчета. “Как все было?” – спросил я его. “Свадьба состоялась. Видите ли, когда я приехал в Сортавалу, на двери уже висела прекрасная медная табличка с выгравированным на ней именем “Рий-

конен”. А затем девушка подарила мне прекрасный аккордеон. Поэтому я считал за лучшее жениться”.

В нашей группе наблюдения за ведением огня служил деревенский парень Невала с западного побережья. Он любил дурачиться, но был сообразительнее многих. В начале войны, когда мы получали провиант с немецких складов, иногда туда входило небольшое количество кислого красного вина. Оно было дурного вкуса, и его было слишком мало, чтобы доставить удовольствие, а потому солдаты однажды решили, что будут отдавать свои доли Невале. Он напивался и в знак благодарности ходил на руках кругами по палатке и пел. Все были довольны.

Когда нам требовались гвозди и другие материалы для сооружения *корсу* и фортификационных сооружений, нам говорили, что их нет в наличии. Никто в это не верил, потому что в штабе дивизии происходило постоянное строительство. Свои потребности были и у фронта, и у штабов, и между ними велись непрерывные тяжбы. Невала попросил разрешения отправиться “на разведку” и пошел, взяв с собой лошадь и сани. Достигнув штаба дивизии, он обнаружил стройку с запасом гвоздей и других стройматериалов. Он познакомился и непринужденно побеседовал со всеми встречными и вернулся на линию фронта со всеми необходимыми для строительства материалами к великой радости товарищей.

8. Крах

В 1942 году я был принят в Технический университет и, несмотря на войну, страстно хотел учиться. Единственное, что я мог делать самостоятельно, – изучать такие теоретические предметы, как математика, зачастую по ночам, сидя при свечах в нашем *корсу*. Наконец, в феврале 1944 года мне удалось получить двухдневный отпуск для сдачи экзамена. Я чувствовал себя уверенно: после всего пережитого я уже ничего не боялся.

Когда после двухдневного пути поезд приближался к вокзалу Хельсинки, вдруг завывли сирены тревоги. Поезд остановился, пассажиры выскочили из него и залегли вдоль железнодорожной насыпи. Бомбы взрывались по всему городу. Здание вокзала окутало пламя. Это был сильнейший воздушный налет, который когда-либо обрушивался на этот город; в нем участвовали сотни бомбардировщиков.

Было два часа утра, когда атака закончилась и поезд смог прибыть на окутанный дымом вокзал. Вокруг него носились пожарные машины с включенными сиренами. Я шел домой по тротуару, покрытому битым стеклом. В соседний с нашим шестиэтажный дом попала бомба, его фасад обрушился. Улица была усеяна ваннами, мебелью и остатками роялей. Многие окна в нашем доме были выбиты. Быстро, насколько мог, я поднялся в нашу квартиру на третьем этаже; дома никого не было. Я спустился в подвал и нашел там отца и мать, между ними лежала раскрытая Библия. Это была странная встреча.

Прошел слух, что Технический университет разрушен. У меня была слабая надежда, что удастся встретиться с профессором до возвращения на фронт, однако шансов на это почти не было, поскольку город снова эвакуировали. Когда на следующее утро я пришел в университет, я увидел, что от него остались лишь стены. Дым поднимался над руинами того, что было прежде лабораторным корпусом. Мой

отпуск закончился, и вечером я сел в поезд, направлявшийся на восток.

Через два дня я был снова со своими товарищами, однако мысленно по-прежнему находился в столице, со своими родителями. Вскоре мы услышали о двух новых налетах, в которых приняло участие до девятисот самолетов. Всего же русские сбросили на Хельсинки 20 тысяч бомб. Лишь очень эффективная противовоздушная оборона спасла город от полного разрушения.

Во время длительной окопной войны недели и месяцы мало отличались друг от друга. Короткие рейды в ночное время, попытки взять пленных, непрерывные ночные дозоры и вечное ожидание отпуска – такова была общая картина нашей рутинной жизни. Война продолжалась уже три года. Не было никаких признаков ее окончания. Если бы мы имели полное представление о событиях, мы бы знали, что именно в это время в войне наметился окончательный перелом.

В начале весны 1944 года немецкий фронт в Восточной Европе начал отодвигаться назад, и мы заметили, что что-то меняется. Активность русских на нашем участке резко возросла. Тем временем наступила настоящая весна и наша батарея заняла позицию на берегу знаменитого канала имени Сталина, соединяющего Онежское озеро с Белым морем. На его строительстве погибло четыреста тысяч заключенных. Многие из лагерей до сих пор стояли здесь, окруженные заборами из заостренных бревен, покрытых сверху колючей проволокой. По углам стояли вышки часовых. Перед моим мысленным взором проходили все эти тысячи людей, рывших канал, с трудом державшихся на ногах, – таких же людей, как и я, но лишенных всякой надежды.

Передовая линия наших окопов проходила всего лишь в паре метров от края канала. Русские взорвали все плотины, и лишь небольшая струйка воды текла по его дну. Наш пункт наблюдения за огнем был под небольшим выступом, покрытым закамуфлированными бревнами. Мы наблюдали через узкую щель под этими бревнами. Зигзагообразная траншея вела к нашему *корсу*, расположенному в двадцати метрах сзади.

Стоял тихий, теплый день. Сильно пекло солнце. Вдруг внутри *корсу* отчаянно задребезжала консервная банка, привязанная к шнуру сигнализации. Я схватил винтовку и побе-

жал на наблюдательный пункт. Стоявший на посту Невала был возбужден, насколько это было возможно при его спокойном характере. Он попросил меня посмотреть как можно дальше направо. Совершенно ясно было видно, как русские бесшумно карабкаются по крутому борту канала и приближаются к нашим окопам. Пехота не могла их видеть, поскольку наша траншея располагалась как раз над бортом канала. Невала же мог видеть их сбоку; он был настороже, несмотря на искушение поваляться на солнце.

По всей видимости, ночью русские прятались в руинах взорванной плотины. Я немедленно сообщил батальонному командиру, который был поражен этим известием, так как вокруг все было тихо. Поскольку из-за близкого расстояния открыть артиллерийский огонь было невозможно, а мы находились в единственном месте, откуда можно было увидеть небольшую часть склона, я попросил разрешения использовать минометы. Моментально мы дали координаты позиции, находившейся в опасной близости от окопов пехотинцев. После нескольких корректировок нам удалось добиться прямого попадания снарядов. Огонь застал русских врасплох, среди них началась паника.

Через некоторое время русские послали санитарную команду, чтобы забрать убитых и раненых. Мы все еще сохраняли наводку для стрельбы, и я приказал произвести новые залпы. Носильщики скрылись в дыму. Это зрелище глубоко запечатлелось в моей памяти и долгие годы мучило меня. Но я уверен, что поступил бы точно так же, если бы вновь оказался в подобной ситуации.

По всей видимости, русские гадали, каким образом мы раскрыли их маневр. Надо думать, они заметили наш наблюдательный пункт, возвышавшийся над краем обрыва. Вскоре они выдвинули вперед орудие, практически уничтожившее наш пункт. Невала и я спаслись, вжавшись в дно ямы. В конце концов мы выбрались оттуда, с ног до головы в песке.

Этот эпизод и целая серия ему подобных свидетельствовали о том, что русские хотели проверить, насколько крепка финская оборона. Они знали, что скоро финны будут вынуждены оставить Восточно-карельский фронт.

Теперь нам приказали передвинуться в Повенец, небольшой, разрушенный бомбежками портовый город на северо-восточ-

ной оконечности Онежского озера. Это был самый восточный аванпост Карельского фронта. Наблюдая за заливом с затопленными кораблями, мы избрали пунктом корректировки огня здание разрушенного отделения милиции. Однако мы оставались здесь совсем недолго.

В четырехстах километрах южнее, на Карельском перешейке, русские в тот момент начали свое главное наступление, бросив в бой 31 дивизию, 660 танков и 1500 самолетов. Они совершили прорыв сразу во многих местах. Вероятно, никогда за эти пять лет мы не были столь близки к тому, чтобы потерять всю страну. Всей Лапландской дивизии было приказано совершить марш-бросок на перешеек.

Ночью я получил приказ к пяти часам утра покинуть наблюдательный пост и по возможности – без потерь. Обвалившиеся окопы в голом поле не обеспечивали достаточной защиты, и вскоре наша небольшая группа оказалась под ближним артиллерийским огнем. Один за другим мы выскакивали, бежали по полю и, вконец измученные, достигали основной батареи. Мы присоединились к колонне, направлявшейся в Кархумяки и Петрозаводск, столицу Восточной Карелии. Тем из нас, кому не удалось попасть на поезд, пришлось идти пешком. Через несколько дней марша настала наша очередь грузиться в товарные вагоны. По плану мы должны были несколько дней отдохнуть, прежде чем прибыть в пункт назначения. Однако ситуация оказалась столь отчаянной, что нам приказали немедленно занять новые позиции. Маннергейм пишет в своих мемуарах, что огонь русской артиллерии во время этой попытки прорвать фронт был сильнее, чем под Сталинградом. На каждом километре этого участка фронта одновременно вели огонь до 400 русских орудий. Противник превосходил нас по численности в шесть раз. Один финский полк иногда противостоял трем атакующим дивизиям. До тысячи низко летящих самолетов непрерывно бомбили наши позиции.

Достигнув железнодорожной станции Иматра, мы услышали впереди непрерывный грохот. Атмосфера была зловещей. Никто не сомневался в поражении Германии, но что же будет с нами? Британская империя находилась в состоянии войны с нашей стороной, как и русские, Америка разорвала с нами дипломатические отношения. В ряде подразделений на

перешейке началась паника, некоторые солдаты бежали на запад. В лесу мы наткнулись на стадо коров, брошенных местными жителями, которые бежали с приближением русских.

Наша группа корректировки огня поспешила на линию фронта в деревню Ихантала; здесь и решилась моя судьба. Во всеобщей суматохе, среди непрерывно взрывающихся снарядов я попал под военный автомобиль: мне раздавило левую руку, сломав две кости. Нижняя часть руки повисла под углом, соединенная с остальной рукой лишь кожей. Боль была почти невыносимой. Я взглянул на моих товарищей, таких же молодых ребят, как и я. Быть может, я должен был почувствовать некоторое облегчение, но вместо этого меня охватило острое чувство вины, мне казалось, что предаю их. Ведь сколько лет мы делили друг с другом все наши тяготы. Я решил, что должен скоро вернуться!

В то время как меня доставили в пункт первой помощи, мой заместитель, молодой лейтенант, получил приказ продолжать продвигаться с солдатами на передовую линию пехоты. Когда они прибыли на место расположения пехоты, ее там не оказалось. Они попали прямо в ловушку и были окружены русскими. Через несколько минут лейтенант погиб. Был убит и мой отчаянный юный связной Олли Руйкка из Лапландии. Все это заставило меня глубоко страдать. Позже наши солдаты обнаружили одного из офицеров моей группы, безразлично сидящего на камне; он больше не мог выносить колоссального напряжения. Этот офицер умер несколько лет спустя в сумасшедшем доме.

Когда через несколько месяцев я встретил нашего командира батареи, Аскала Викмана, он сказал, что мое увечье, вне всякого сомнения, было для меня последним шансом вернуться с войны живым.

Со станции скорой помощи я с пересадками отправился в госпиталь Пори на Западном побережье. Я не мог поверить в то, что лежу в просторной палате и наблюдаю за молоденькими медсестрами в белых и голубых одеждах. Я все время думал о своих товарищах – как они там справляются? Мощное наступление русских продолжало развиваться с той же силой. Наши противотанковые ружья были бессильны против их огромных танков, носивших имена Климента Ворошилова и Иосифа Сталина.

Конечной целью русских было присоединение Финляндии к Советскому Союзу. Если бы нам не удалось остановить их теперь, очень скоро они подняли бы свой красный флаг над Хельсинки. Лишь у немцев было необходимое для нас вооружение и продовольствие; однако, приняв их условия, Финляндия не могла бы заключить с Советским Союзом сепаратного перемирия.

Финское руководство знало, что если мы немедленно не завершим войну, то подпишем себе смертный приговор. Но если бы мы раньше попытались заключить с Советским Союзом сепаратный договор, немцы и русские могли попросту устроить бойню на нашей земле. Однако у нас не было никаких шансов на проведение переговоров о перемирии и в то время, когда фронт стремительно продвигался вперед.

Встретившись с этой, казалось, неразрешимой проблемой, президент Ристо Рюти принял самое трудное решение в своей жизни и от своего имени как президент Финляндии признал требования Германии. Он обещал, что ни он, ни любое назначенное им правительство не вступит с Москвой ни в какие сепаратные переговоры. Благодаря этому обещанию немцы дали нам новые противотанковые ружья, в наши порты были допущены транспорты с зерном, и финской армии в конце концов удалось остановить наступление русских. Наши потери были огромными, но у русских – во много раз больше.

Русская армия уже подтягивала подкрепления, когда, как это часто бывало в нашей истории, вмешались международные события. Стремясь первым из союзников войти в Берлин, Советский Союз перебросил свои войска в Центральную Европу. С Финляндией решили разобраться потом. Сталин изменил свой прежний план ее полного включения в состав СССР.

Во время последовавшей за этим передышки велись интенсивные переговоры. 3 сентября 1944 года президент Рюти подал в отставку, предоставив новому правительству возможность заключить перемирие с Россией и разорвать отношения с Германией. Гитлер был в ярости.

Выдвинутые Советским Союзом условия были безжалостными, однако продолжение войны грозило полной оккупацией. Одним из условий был полный вывод немецких частей из страны в течение двух месяцев и одновременная демоби-

лизация финской армии. Если мы не уложимся в этот график, последует вторжение советской армии, – а мы знали, что, войдя в страну, она уже никогда из нее не уйдет. Поэтому в тот же день, когда было подписано перемирие, началась финско-германская война.

Вскоре я узнал, что моя батарея возвращается в Лапландию – туда, откуда мы и начали более чем за три года до того свой поход. Война с немцами сначала велась довольно вяло. Немцы отступали, финны наступали. Никто не хотел дальнейших потерь. Однако вскоре из Норвегии прибыли новые части СС, и война приобрела чрезвычайно серьезный характер. Немцы проводили политику “выжженной земли”, превратив в руины Рованиemi, столицу Лапландии. В конце концов наша армия отбросила немцев за границу Норвегии, и весной 1945 года они капитулировали.

Даже в военном госпитале мы чувствовали дыхание войны. В Пори у немцев был аэропорт и крупный госпиталь. Однажды поздно вечером всем пациентам было приказано перейти в коридоры здания. Сразу после этого оно сотряслось от целой серии взрывов: немцы подожгли все госпитальные строения и взорвали аэропорт. Это была их месть перед бегством.

Некоторые медсестры были родом из Ингрии, советской территории, расположенной недалеко от Ленинграда, где в основном говорили по-фински. Однажды ночью они бежали в Швецию через Ботнический залив, чтобы избежать депортации в Советский Союз.

Финляндия оказалась в странной ситуации. Мы были вовлечены в полномасштабную войну против Германии и подписали перемирие с Советским Союзом. Но мы все еще находились в состоянии войны и с Советским Союзом, и с Британской империей. Таково было наше положение, когда мне, с перевязанными ранами и рукой в гипсе, разрешили съездить домой на Рождество.

Более чем 40 лет спустя, в Новой Зеландии, я прочитал в одной энциклопедии, что Финляндия участвовала в 42 войнах и почти все из них проиграла. Мне трудно судить, насколько точна эта информация. Однако теперь, после всех этих войн, мы сохранили в целостности нашу независимость,

хотя и потеряли некоторые приграничные земли. В войне погибло около ста тысяч финнов, среди них были мои родственники и друзья. 450 тысяч мирных жителей должны были бросить свои дома и бежать на Запад.

Довольно странно, но настроения в Финляндии были скорее оптимистическими; не было ощущения, что война проиграна. С определенной гордостью мы отмечали, что лишь три столицы в воюющей Европе так никогда и не были оккупированы: Лондон, Москва и Хельсинки.

В 1960-х, когда по Европе носился ветер радикализма, молодые интеллектуалы часто относились к ветеранам второй мировой как к отверженным. Однако в 1980-х подули иные ветры. Проведенный в 1990 году международный опрос показал, что 50 процентов молодых людей в Европе готовы при необходимости отдать жизнь за свою страну. Финляндия была исключением: там эта цифра поднялась до 90 процентов.

9. Смокинз

Сразу после второй мировой войны на химическом факультете Технического университета не было ленивых студентов. Мы знали, что если власть захватит Советский Союз и коммунисты, наша учеба неминуемо будет прервана на неопределенный срок. Опасность была вполне реальной, а потому нам надо было поторапливаться.

В семь утра, в темноте и под пронизывающим зимним ветром мы выстраивались перед дверью лаборатории и ждали, когда ее откроет вахтер, чтобы получить хоть что-то из бедного лабораторного оборудования для работы. В восемь вечера вахтер обычно выгонял нас из помещения.

Моя покалеченная рука сильно затрудняла практические работы. После двух месяцев учебы я должен был на несколько месяцев снова вернуться в госпиталь, поскольку первая операция оказалась неудачной. Трансплантация новой кости означала, что рука должна будет еще два года оставаться в гипсе. Однако мне пришла в голову идея укрепить на гипсе полочку для бутылок и пробирок. Несмотря на все трудности, это было непередаваемое чувство – снова заниматься своим делом после почти шестилетнего перерыва.

Подготовка к экзаменам поначалу оказалась очень трудным занятием. Мысли разбегались во всех направлениях, и после получасового чтения я шел обычно на кухню, чтобы чего-нибудь пожевать. Вскоре после этого я должен был идти на прогулку.

Несмотря на всю неопределенность нашего положения и недостаток продуктов, мы не утратили способности радоваться. Тяжелый запах нафталина наполнял бальный зал, когда мы торжественно выступали по нему, облаченные во фраки и длинные вечерние платья, которые были убраны на долгие годы. Мы складывались, чтобы нанять инструктора, который учил бы нас старым танцам, таким, как падекатр, падеспань

и полонез. Мы, химики, готовили в лаборатории особые напитки для своих вечеринок.

Как бы по молчаливой договоренности в эти первые годы никто из нас, ветеранов, не говорил о войне: что-то подсознательно удерживало нас от воспоминаний о том, что нам пришлось пережить. Лишь десять лет спустя мы начали обсуждать эту тему. Сегодня же ветераны собираются в сауне и анализируют в деталях каждое сражение.

Мама уговаривала меня посещать собрания Студенческой христианской федерации. Я послушно ходил туда пару раз, но не смог найти с ними понимания. В то время я был страстно влюблен в одну актрису, и времени для религиозных занятий у меня было явно недостаточно. Я никогда сознательно не отвергал и не ставил под сомнение религиозное измерение нашей жизни, однако вера начинала значить в моей жизни все меньше и меньше. Впрочем, я по-прежнему чувствовал, что совесть моя нечиста, если случалось преступать границы нравственности. Иногда я ощущал зависть со стороны моих товарищей, по-видимому, не обремененных столь иррациональными внутренними ограничителями.

Повсюду в Хельсинки можно было увидеть офицеров и персонал Советской контрольной комиссии, имевший беспрепятственный доступ ко всему и полную свободу действий. Они постоянно напоминали о той ненадежной, опасной ситуации, в которой оказалась Финляндия.

Был сформирован специальный суд, призванный судить членов кабинета времен войны, которые вовлекли страну в войну с Советским Союзом. Приговоры были суровыми – десять лет каторги президенту Рюти – однако альтернативой был бы суд в Москве и по советским законам.

На заключительном этапе этого судебного процесса тысячи студентов собрались на террасе вокруг лютеранского кафедрального собора в Хельсинки. Оттуда мы могли видеть Дворец правосудия, и, когда туда входили президент Рюти и другие “преступники”, мы запели патриотическую песню. Прокommунистическая конная полиция появилась из боковой улицы и разгоняла нас плетками. Многие студенты попали в тюрьму. За несколько десятков лет до того мой дед участвовал в сходном инциденте, только тогда их преследовали казаки.

В 1948 году возникла угроза коммунистического государственного переворота. Политбюро финской компартии планировало посадить в тюрьму президента и других руководителей государства. Министр внутренних дел, в годы войны шпионивший в пользу СССР, был женат на Герте Кусинен, главе коммунистической партии Финляндии и дочери одного из министров сталинского правительства военного времени. В государственной полиции была проведена “чистка”, и “неблагонадежных” офицеров заменили членами партии. В последний момент наш главнокомандующий узнал о происходящем; армия и флот были подняты по тревоге. Хотя детали этих событий до сих пор остаются неясными, есть все основания полагать, что мы едва избежали участи Чехословакии.

Послевоенный план репараций был сокрушительным для экономики. В первый год более 60 процентов общего экспорта Финляндии было послано в качестве “дара” Советскому Союзу. Мы были вынуждены модернизировать промышленность, чтобы получить возможность бесплатно поставлять русским оборудование. Из-за давления со стороны Советского Союза Финляндии не было предоставлено никакой помощи по плану Маршалла. На долгие годы были введены продовольственные карточки. Поставки по репарациям были завершены лишь в конце 1952 года. По иронии судьбы в результате этих усилий Финляндия получила современную металлообрабатывающую промышленность, что привело впоследствии к беспрецедентному индустриальному росту.

За все эти годы нам, студентам, ни разу не пришлось в голоу эмигрировать, чтобы жить в более комфортных условиях.

В условиях непрерывной угрозы со стороны Советского Союза любая связь с Западом была на вес золота. Большая часть решений в отношении нашей страны принималась вне Финляндии: теперь мы должны были активно участвовать в международной политике, чтобы влиять на решения, касающиеся нашей страны. Глобальное мышление было все еще чуждо большинству финнов, однако Маннергейм сделал все возможное, чтобы ликвидировать нашу изоляцию.

В 1945 году он назначил моего дядю, Алекси Лехтонена, архиепископом Финляндии. Лехтонен поддерживал тесные

контакты с Западом и, несмотря на формально враждебные отношения между Финляндией и Великобританией, епископ Фулхэм прибыл в Турку на его инаугурацию. Меня и моего брата также пригласили принять участие в торжествах.

Мы поехали в Турку поездом через территорию, которую называли тогда “самым длинным туннелем в Европе”. По договору о прекращении военных действий Советский Союз получил под свою военную базу обширную область к западу от Хельсинки. Выехав из Хельсинки, мы вскоре достигли “границы”. Двери между вагонами были заперты, окна забраны деревянными ставнями; в поезд сели русские офицеры, а финский локомотив был заменен русским. Путешествие по “туннелю” в свободную Финляндию длилось час. После этого окна были открыты, и финский локомотив тащил поезд всю остальную часть пути до Турку.

На торжественном обеде в епископском дворце в Старом Турку президент Маннергейм произнес речь, посвященную положению страны. В какой-то момент он обернулся к премьер-министру Й.К. Паасикиви и уверенно сказал: “Премьер-министр делает все, что в его силах, чтобы спасти страну в этой тяжелейшей ситуации”. Маннергейм никогда не был щедр на похвалу к его окружению. Подбородок Паасикиви задрожал от подобного публичного признания его заслуг, и, хотя он и пытался держать себя в руках, на его глазах показались слезы.

Маннергейм попытался дать нам также некую надежду. “Трудные времена всегда были временами милости и прощения”, – сказал он.

Возможно, кровь моих предков-моряков по отцовской линии и переживания последних лет побуждали меня отправиться в более дальние странствия. Я мечтал поехать в Англию, чтобы получить там техническую подготовку, необходимую для присвоения ученой степени. Однако официально наши страны по-прежнему были в состоянии войны. Я нашел адреса 41 химической фирмы и послал письма их директорам. Вскоре начали поступать ответы. Директора вежливо отмечали, что политическая ситуация, состояние войны между Финляндией и Великобританией и общая неопределенность делают невозможным рассмотрение моего заявления.

После 39-го отказа отец сказал: “Ты сумасшедший, я говорил тебе это с самого начала”. Пришло 40-е письмо. Если я смогу доказать, что я не коммунист, они попытаются в течение полугода достать для меня специальное разрешение. Глава этой компании был поражен, когда получил письмо от архиепископа Финляндии, всячески меня хвалившего и подтверждавшего, что я, вне всякого сомнения, не коммунист. Формальности были утомительными: за шведской транзитной визой мне даже пришлось стоять в очереди.

Мое знание английского было очень слабым, поскольку в школе как основной иностранный язык мы учили немецкий; мои познания Англии и англичан были также, мягко говоря, весьма ограниченными. “Консервативные, вежливые, непохожие на нас”, – думал я. Я обратился к одной своей старой школьной знакомой. “Англичане очень славные и естественные, – сказала она. – Тебе не будет трудно, но есть две вещи, о которых следует помнить: приготовься к постоянным дождям и возьми с собой смокинг”. В магазинах не было никакой одежды, все было нормировано. Но затем меня осенило: после войны в Финляндии было очень много вдов, и у кого-нибудь из них в гардеробе мог остаться смокинг покойного мужа. Я отыскал одну из них по объявлению, а мама на своей швейной машине перешила купленный смокинг.

Экипированный таким образом, в начале мая 1947 года я отправился в путь. После письменного запроса Банк Финляндии выделил мне один фунт на дорожные расходы; после вторичного обращения эта сумма была великодушно увеличена до двух фунтов. Этих денег не хватало на всю поездку по железной дороге, однако один добрый человек в поезде, следующем до Манчестера, одолжил мне в качестве стартового капитала десять фунтов.

Фабрика находилась в городе Уиднес в области Мерсейсайд, неподалеку от Ливерпуля. По словам ее технического директора, этот город, колыбель британской химической промышленности, был “вне всякого сомнения, самым уродливым и грязным в Великобритании”. Я получил дешевое жилье в доме шахтера-валлийца. Нравы здесь были очень простыми, однако люди оказались на удивление жизнерадостными и радужными. Не было никаких следов скованности, чопорности и формализма. Но для чего же тогда мне смокинг?

В жаркий июльский воскресный день я решил съездить в Сауспорт освежиться в Ирландском море. На пляже одна английская семья заметила, что я читаю газету на непонятном языке, и вступила со мной в разговор. Они были влюблены в Финляндию, ничего не зная об этой стране. Через час отец семейства, занимавшийся импортом калифорнийских фруктов, пригласил меня к ним домой на обед в следующее воскресенье. Его дочь была эффектной черноокой красавицей, и неудивительно, что я тотчас принял его приглашение. Отец объяснил мне, как найти их дом, и добавил: “Между прочим, я полагаю, у вас есть смокинг?” “Разумеется”, – ответил я.

Осенью я поехал в Лондон, чтобы получить визу и вернуться домой через Голландию. Один шведский друг дал мне несколько адресов в английской столице. Как-то воскресным утром я выбрал наугад один из них и направился из района Альдгейт Ист, где я снимал комнату, в Вест Энд, чтобы нанести визит некоему мистеру Сциортино. В конце концов я нашел небольшой книжный магазин на маленькой глухой улочке. Неужели это действительно его дом? Приветливая пожилая дама открыла дверь и сказала мне, что, к сожалению, мистер Сциортино находится за границей. “Хорошо, тогда я, пожалуй, пойду”, – сказал я. “Вы знакомы с мистером Сциортино?” – спросила дама. “Нет, я лишь друг одного из его друзей; большое Вам спасибо, до свиданья”. Однако дама не отступалась: “Я позову Джима, он может сказать Вам больше”. “О чем?” – удивился я. Она позвонила в колокольчик, и вниз спустился Джим Бакмен, молодой учитель, работавший в Пакистане.

Оказалось, что этот книжный магазин принадлежит “Оксфордской группе”, движению за личное и национальное обновление, которое было весьма влиятельным в Скандинавии в 1930-е годы. Хотя оно оказало сильное влияние на Алекси Лехтонена и он даже пригласил его основателя, Фрэнка Бухмана, и его коллег посетить Скандинавские страны, в сущности, мне было ничего о нем не известно. Я мог лишь вспомнить жаркие споры в нашем доме об “абсолютных принципах”, к которым призывала эта группа: абсолютные честность, бескорыстие, чистота и любовь. Со всей ограниченностью шестнадцатилетнего ума я отстаивал абсолютную честность. “Любая вещь либо истинна, либо ложна”, – говорил я. Мама отвечала, что жизнь не столь проста и схематична.

Джим рассказал мне, что эта группа действует теперь как движение “За нравственное перевооружение”, сокращенно MRA. Он провел меня через весь дом на его противоположную сторону, выходящую на Беркли Сквер, прекрасный большой дом, некогда принадлежавший барону Кливу Индийскому. Джим поставил мне пластинку с записью джазовых мелодий из собрания MRA. Это была совсем не та музыка, которая связывалась в моем сознании с религиозной деятельностью. Я вежливо слушал то, что говорил мне Джим, однако с некоторым сомнением, хотя и не без интереса. Все же едва ли все это подходило мне.

Джим пригласил меня еще раз прийти к нему в гости, прежде чем я покину Лондон. После того как мы попрощались, он дал мне книгу под названием “У идей есть ноги” (Ideas have Legs). Про себя я подумал, что у меня нет особого желания изучать историю идей на иностранном языке, но правила вежливости заставили меня сделать это; по крайней мере, я мог рассматривать это как языковую практику. Я дважды перечитал эту книгу. Что-то в ней вызвало во мне инстинктивный отклик. Ее автор, Питер Ховард, был одним из наиболее достойных внимания авторов передовиц в “Daily Express”; в книге он описывал, как драматические перемены в мировоззрении привели его к вере, которая стала определять все его решения. Именно об этом я хотел бы узнать побольше.

В Голландии я впервые встретился с семьей отца. Мой дядя встретил меня в порту Роттердама. Я узнал его издали: невозможно было спутать форму носа и светлый цвет лица, столь характерные для норвежцев.

Когда немцы напали на Арnhem, где жила моя бабушка, она потеряла все, кроме фотографии моего брата и одной книги. Подобно своим детям, она всегда была жизнерадостной и прямодушной. Я стал лучше понимать своего отца. Его братья и сестры были солидными и несентиментальными людьми, самостоятельными в своих поступках. Никто из них не ждал, что работу за него сделает кто-то другой. Хотя они и не были “религиозными”, но обладали обостренным чувством справедливости и стремлением к независимости.

Все они также были неисправимыми индивидуалистами. Еще мальчиком мой дядя, младший брат отца, поехал в Ка-

наду, где прокладывал рельсы на строительстве Тихоокеанской железной дороги. Поскольку он говорил по-голландски, в конце концов оказался в нидерландской колонии на о. Ява и двадцать лет проработал там заведующим отделом сбыта компании Форда. Непривычный климат чуть не погубил его; дядя вернулся в Нидерланды и создал ферму по разведению чернобурых лисиц недалеко от Арнхема. Она была разрушена во время немецкой оккупации. Он начал сотрудничать с американцами и успешно прятал американских парашютистов, пока его не поймали и не приговорили к смерти; чудесным образом дядя избежал наказания. Он показывал мне благодарственное письмо Эйзенхауэра. После войны дядя оказался на мели, однако впоследствии обнаружил на своей земле залежи высококачественного песка и стал если не миллионером, то весьма состоятельным человеком.

Старшая сестра моего отца была учительницей; она стала женой вдовца с двенадцатью детьми в возрасте от 1 до 14 лет. Другая сестра, выйдя замуж, оказалась на Борнео, а третья – на о. Кюрасао в Вест-Индии. Один лишь старший брат отца всю свою жизнь оставался в Голландии. В течение долгого времени он был норвежским консулом и помогал евреям скрываться от нацистов.

Наступил ноябрь, пора было возвращаться в Финляндию. Пароход должен был отходить из Амстердама, однако в назначенный день в порту не оказалось ни одного судна: пароход ушел на сутки раньше. Мои деньги подошли к концу. Я стал прогуливаться по причалу, надеясь найти какую-то другую возможность уехать. Мне повезло. После долгих поисков я нашел “СС Зорро”, маленький пароходик с финским флагом на корме, который уже 80 лет бороздил морские воды. Я поднялся на борт и познакомился с капитаном Ниской, племянником короля контрабандистов Алготы Ниски, а также с владельцем судна Бергстрёмом. Я объяснил им свою ситуацию. “Добро пожаловать на борт, вы – гость судоходной компании”, – сказал капитан, приглашая меня. – Но сначала нам придется зайти в Антверпен и принять груз. Таким образом, путешествие займет по крайней мере пару недель”.

Жизнь в Антверпене в конце войны была весьма колоритной. По ночам таможенники, полицейские и моряки, объеди-

нившись друг с другом, как братья, провозили контрабандный кофе на различных кораблях, в том числе на “Зорро”. Однажды вечером капитан Ниска пригласил меня на вечеринку на “Аранду”, еще один финский пароход. Офицеры таможни, полицейские и моряки сидели вокруг стола в великолепной гармонии, распевая песни и болтая друг с другом. Буфет с алкогольными напитками был должным образом закрыт и опечатан свинцовой печатью. Капитан “Аранды” торжественно попросил всех на мгновение отвернуться. Все покатывались от хохота. Один из моряков вошел в комнату, отвинтил мраморный верх буфета и достал оттуда одну за другой несколько бутылок.

Наконец “Зорро” отчалил, тяжело нагруженный железными брусками. Он неторопливо рассекал волны, направляясь в Киль. Минные поля полностью еще не были очищены, и пароход шел по узкому, отмеченному специальными знаками проходу. Разразился шторм, и когда свободный от мин проход внезапно резко повернул вправо, “Зорро” сильно бросило в сторону. С обеденного стола все слетело на пол, как и матрас в моей каюте. Веревки, которыми были закреплены железные бруски, начали ослабевать. С каждым новым броском груз ударял о борт старого парохода. Капитан Ниска послал своих людей в трюм, чтобы они опять связали бруски вместе, однако эта задача оказалась непосильной. Тогда он собрал всех на палубе на тот случай, если корпус будет пробит. Команда проверяла спасательные шлюпки. Капитан и владелец судна уверенно стояли на мостике, у каждого из них в руках была бутылка бренди. Незадолго до Киля свободный от мин канал резко повернул в другую сторону, и качка наконец-то закончилась.

Когда мы прибыли в Хельсинки, команда стала заворачивать контрабандный кофе в бесконечные “рождественские пакеты”. “Дорогой тетушке Анне” и т.д. Члены команды договорились, что если таможня устроит обыск, один из них, кто еще ни разу не был арестован, возьмет всю ответственность на себя. Доля каждого в возможной штрафной сумме была рассчитана заранее.

Возбуждение нарастало. В какую гавань нас направят? Первый помощник капитана объяснил мне, что досмотр в порту Катайанокка в центре Хельсинки мог повлечь за собой

определенные трудности, зато в западном порту таможенники настроены дружелюбно. Радио объявило: “‘Зорро’ проследовать в западный порт”. Раздались счастливые возгласы команды. Перед тем как бросить якорь, на полу в каюте капитана постелили новый персидский ковер. На следующий день его унесли “в химчистку”.

Через месяц я прочитал в газете, что “Зорро” только что прибыл в Катайанокку и таможенники конфисковали на нем большую партию контрабандного кофе. Один из моряков признал свою “полную ответственность”.

Я не одинок

10. Разрыв

Мои занятия успешно продвигались вперед, и, кроме того, я продолжал встречаться с актрисой. Вскоре мы неофициально обручились. Но на самом деле нам нелегко давались близкие отношения. Мне начало приходить в голову, что было бы неразумно строить такие отношения, исходя из того, что тебя привлекает чье-то лицо и что у вас имеются некоторые довольно поверхностные общие интересы. Я пытался убедить себя, что именно так обстоит дело в большинстве случаев и что со временем все будет очень хорошо; говорил себе, что нельзя быть чересчур требовательным. Однако я продолжал пребывать в гнетущем состоянии и никак не мог успокоиться. Наконец, произошел разрыв, и после очередной ссоры мы решили разойтись.

Я почувствовал облегчение и в то же время был очень несчастен. Не было ли мое решение ошибкой? Эти переживания, вместе со многими другими, повергли меня в состояние, которое я ощущал как безвыходное. Я был постоянно в тревоге и мучительном беспокойстве и очень жалел себя.

Мне казалось, что нет никого, с кем бы я мог посоветоваться в этой ситуации. Однажды вечером я почувствовал сильное желание упасть на колени и молить Бога, чтобы он позаботился обо мне, развязал все узлы и взял на себя руководство моей жизнью. Когда я начал молиться, то почувствовал, что моя мысль рассеивается, а моя молитва пуста. Я пришел от этого в ужас. В отчаянии я взмолился: “Господи, помоги мне осознать, что я говорю!” И тут что-то произошло. Я ощутил внутренний покой и понял, что на самом деле я хотел найти путь к Господу, не имея никакого представления о нем и не требуя от себя никакого знания.

Я начал читать Библию и, к своему удивлению, обнаружил, что это – путь, ведущий к открытию потрясающего мира.

Один из моих друзей-студентов, Пентти Тамминен, пригласил меня помочь в организации христианского объединения в Техническом университете. Это соответствовало моему страстному желанию установить контакты с другими студентами на более глубоком уровне. Профессор Пентти Каитера оказал нам значительную помощь, и в течение нескольких лет это объединение, в которое входило более 100 членов, стало одним из крупнейших в университете. Мы пытались понять, что значит быть христианами в мире индустрии и бизнеса, и устраивали совместные конференции с соответствующими группами в Норвегии и Швеции. Мы установили контакт с миссией, которая занималась профессиональной подготовкой молодых индийцев к работе в промышленности, и один из участников нашей группы, сдав свои последние экзамены, отправился работать в ней. У нас были планы организовать профессиональную школу в Сиккиме.

Это было в конце октября 1948 года, и наши занятия подходили тогда к концу. Пятнадцать человек из нашей группы встретились с университетским священником, чтобы поговорить о нашем участии в христианской жизни после окончания университета. “Логично будет вступить в вашу собственную конгрегацию”, – сказал пастор. “А какие же функции может выполнять в ней мирянин?”, – спросил один студент. “Много важных функций, например собирать народ по воскресеньям”. Разочарование было столь же очевидным, как выход воздуха из воздушного шарика. Наша активная, полная смысла совместная деятельность, подходила к концу. Получалось, что все, что может сделать отдельный христианин, работающий в промышленности, – быть простым прислужником на воскресных службах и выполнять свою работу по возможности хорошо и честно.

Именно в этот момент мы встретились с двумя промышленниками, которые в корне изменили наши представления о христианине-миряnine. Один из них – Оскар Сумелиус, был председателем совета корпорации по изготовлению бумаги “Киро” в Центральной Финляндии, веселый, общительный человек. Он говорил по-шведски, был хорошо известен в парусных клубах и охотно пользовался удовольствиями, которые предлагала ему жизнь. Другой – Хейкки Херлин – прези-

дент хорошо известной финской группы “Коун”, один из создателей финской индустрии, человек весьма остроумный и целеустремленный. Казалось, что они плохо подходят друг другу. Чем же было вызвано их желание работать вместе?

Гертруда Суксдорф, жена одного промышленника из Тампере, познакомилась с группой рабочих, которые, как и она, интересовались идеями “Оксфордской группы”. Они подумали, что Сумелиус мог бы извлечь выгоду, произведя определенные изменения в этом направлении, и пригласили его на конференцию. Хотя в то время он вовсе не интересовался теми идеями, которые они пропагандировали, Сумелиус принял приглашение, поскольку оно исходило от группы рабочих, что для него было весьма лестно. С ним что-то явно произошло. Было замечено, что это было лишь внешним изменением. Поскольку многие из его финских коллег по бизнесу страдали от злоупотребления спиртными напитками, он принял решение прекратить всякое употребление алкоголя. Как управляющий “Ротари” он постоянно обращался с ежемесячным посланием к клубам “Ротари” (клубам деловых людей) по всей стране. В одном из таких посланий он сообщил им о своем решении и просил отнестись к нему с уважением.

Через несколько лет я был с Сумелиусом на ланче в одном из “Ротари”-клубов в Кеми, на севере Финляндии. Когда мы пришли туда, какой-то человек бросился вперед, протянул Сумелиусу руку и сказал: “Я крепко стоял на своем!”. Этот человек слышал письмо Сумелиуса, когда его читали на собрании клуба. Еще раньше ему удалось освободиться от алкогольной зависимости, но это потребовало от него нелегкой борьбы с самим собой; однако он вновь принялся за старое после того, как побывал на банкете, где даже священник заливал в себя бренди. Когда он услышал о решении, принятом Сумелиусом, то подумал: “Если Сумелиус, находящийся в самом центре деловой жизни, имеет желание прекратить пьянство, то и я, конечно, могу сделать то же самое!”

Сумелиус решил полностью открыться своей жене, Анни, которая во время войны была руководителем добровольной женской организации “Лотта Свэрд”. Это внесло умиротворение в их нелегкую, полную трудностей супружескую жизнь. Сумелиус стал настоящим “строителем мостов”, миротворцем в промышленности, не признающим ни классовых, ни

языковых барьеров. Это был человек, перед которым вы могли с полным доверием распахнуть свои “внутренние двери”. Сумелиус был чрезвычайно прост и искренен, и у него не было никакого ощущения значительности своей персоны. Так, он очень удивился, когда один из ведущих промышленников Финляндии сказал ему: “Оскар, ты не можешь себе представить, что ты значишь для финской промышленности”.

Замкнутость и резкость Хейкки Херлина были лишь его внешней оболочкой. Он был исключительно чувствительным, ранимым человеком, и страдания другого человека легко доводили его до слез. До войны Херлин также пережил некоторый перелом в результате знакомства с “Оксфордской группой”. После ее окончания он выступил с инициативой установить связи между Финляндией и Россией, основанные на личных контактах. Херлин научился бегло говорить по-русски. В своей собственной компании он считал человеческий капитал важнейшим ресурсом – 50 лет назад такая позиция была крайне редкой. Вероятно, повышенное внимание к взаимоотношениям между людьми и объясняет тот факт, что группа “Коун” выросла во всемирный синдикат со штатом более чем 26000 служащих.

Сумелиус и Херлин услышали о нашей группе в Техническом университете и связались с нами. Нас поразило прежде всего то, что для них жизнь вовсе не была разделена на разные сферы – профессиональную, христианскую и сферу досуга. Они верили в то, что у Бога есть план относительно них самих, относительно Финляндии и всего мира, и нужно делать все, чтобы постичь этот план и провести его в жизнь. Они чувствовали, что единство между администрацией и профсоюзами жизненно важно, и это было в то время, когда [финские – прим. пер.] коммунисты разжигали классовую войну, надеясь, что забастовки помешают нам выполнить наши репарационные обязательства и это оправдает интервенцию Советского Союза [в Финляндию – прим. пер.]. Они (Сумелиус и Херлин) устраивали митинги, собрания и даже театральные представления, в которых участвовали люди, работавшие в промышленности, – с тем, чтобы показать им куда более значимые приоритеты, чем классовая вражда.

Мало кто из богословов давал нам такую перспективу. Для них хорошим христианином был тот, кто проявлял усердие в

своей повседневной работе и не участвовал в сомнительных мероприятиях. Многие служители церкви не придавали значения тем стремлениям и той готовности к служению, которые хранились глубоко в душе многих мирян. Мысль о том, что Господь Бог может вдохновлять отдельных людей, занятых в промышленности или в сфере политики, по-видимому, была им совершенно чужда.

В конце учебы у меня появился шанс пойти в докторантуру, одновременно занимаясь исследованиями в целлюлозной промышленности. Я колебался. В один жаркий и влажный июльский день, когда пары брома наполняли всю лабораторию, я смотрел на одного химика-исследователя, который прервал свою работу на несколько минут, чтобы сварить в колбе гороховый суп. Я думал, что передо мной настоящий ученый. Не очень-то трудно получить докторскую шапочку и мантию, но многие ли доктора наук в конце концов продвигают науку вперед? Я сомневался, что мог бы стать одним из них. Встреча с Херлином и Сумелиусом показала мне иную реальность и иную потребность. Я решил обойтись без докторской диссертации.

Летом 1950 года Сумелиус предложил мне поехать на всемирную конференцию в Ко, в Швейцарию. Я в то время работал менеджером по продаже пластмассы в химической компании, которая представляла британскую компанию ICI. Я пригласил с собой одного друга из университета.

После окончания войны прошло пять лет, но значительная часть Европы все еще была в развалинах. Горечь, порожденная войной, укоренилась очень глубоко. Когда в 1946 году открылась конференция в Ко, впервые большие группы прежних врагов смогли общаться друг с другом на равных. Тысячи немцев, французов и итальянцев стремились участвовать в конференциях, которые продолжались в последующие годы. Более сотни японских сановников прибыли сюда для возобновления контактов с западными странами. Целыми неделями нужно было организовывать ночлег и питание для более чем тысячи участников.

За всем этим не стояло ни правительственной, ни промышленной, ни церковной, ни какой-либо иной крупной организации. Однако, став старше, я понял, что редко большие числа дают новый стимул к движению. Инициатива возникает у

нескольких энтузиастов, охваченных какой-либо идеей и мечтающих пострадать за нее, и исчезает вместе с ними. И здесь произошла такая же история.

Трое молодых швейцарцев обрели новый смысл жизни благодаря “Оксфордской группе”. Они верили, что Швейцария избежала тягот войны не из-за добродетельности ее народа, а потому, что ей это было даровано свыше. И теперь Швейцария могла бы стать таким местом встречи, где будет положено начало новому сообществу народов. Недалеко от Женевского озера они нашли старую гостиницу, которая находилась под угрозой сноса. Сначала их не устраивали ее внушительные размеры, поскольку они предполагали что-то более скромное, но потом все же решились ее купить.

Несколько сотен швейцарских семей помогли им собрать деньги; одни отдали весь свой капитал, другие продали свои летние коттеджи. К ним присоединились люди из многих других стран. Хейкки Херлин пожертвовал коуновский элеватор. Компания, в которой я начал работать через 20 лет, выделила им лампы накаливания. Леннарт Сегерстрале, известный финский художник, нарисовал фреску во всю стену большой столовой и назвал ее “Вода жизни”. На фреске были изображены люди разных рас, идущие к источнику, чтобы утолить свою жажду и затем принести эту воду своим народам.

Как раз перед второй мировой войной Фрэнк Бухман, основатель “Оксфордской группы”, распространил призыв к нравственному и духовному вооружению как единственному разумному противовесу более грозному военному вооружению. Программа нравственного перевооружения (Moral Re-Armament, MRA) явилась, в сущности, прямым продолжением деятельности “Оксфордской группы”, но в ней больше внимания было уделено национальным и интернациональным проблемам.

Пребывание в Ко как бы распахнуло для меня окно в мир, и я обрел там реальное понимание той глобальной перспективы, о необходимости которой говорил Маннергейм. Несколько дюжин финских парламентариев и крупные делегации, представлявшие администрацию и профсоюзы, приобрели аналогичный опыт в предыдущие четыре года. Почти на каждом завтраком, обедом и ужином мы знакомились с представителями других народов и узнавали необычные ис-

тории из их жизни. Однажды я завтракал с легендарным защитником Варшавы – генералом Тадеушем Бор-Коморовским. Он внимательно следил за успехами Финляндии в ходе войны и оценивал роль Маннергейма, но чего он никогда не мог понять, так это то, как финнам удалось в ней уцелеть. “В чем же был секрет Финляндии?” – спрашивал он у меня.

Большинство людей в Ко слышали о Маннергейме и его смелом руководстве. Между 1947 и 1951 годами он провел значительное время в санатории в Валмонте, расположенном ниже Ко, и сейчас в Монтрё разбит небольшой парк на берегу озера и поставлен памятник в его честь. В 1949 году две финские девушки, живущие в Ко, встретили Маннергейма по пути в Валмонт. Он очень интересовался тем, что происходит в Ко.

Маннергейм пишет о том, что придает большое значение своим поездкам в Швейцарию и особенно беседам с генералом Гизаном, главнокомандующим швейцарской армии во время войны. В 1951 году, в конце своих дней оказавшись в госпитале в Лозанне, он с улыбкой сказал врачу: “За свою жизнь я участвовал во многих войнах и пережил много сражений. Но я думаю, что эту последнюю битву мне суждено проиграть”. Его швейцарская сиделка рассказывала: “Именно так я и представляла себе человека, который собирается в бой”.

Всю работу в Ко практически делали добровольцы. Я присоединился к смене, которая занималась мытьем посуды и обслуживанием, и обнаружил, что рабочая группа – это подходящее место для того, чтобы начать учиться понимать и ценить другие народы. Часто мы мыли посуду по восемь часов без перерыва, но нами владел дух коллективизма, и после полуночи мы старались вознаградить себя, поглощая большие порции мороженого и ведя длинные разговоры. В это время я близко сошелся с моим соотечественником, Паули Снеллманом, целиком посвятившим себя работе в MRA. Нам суждено было проработать вместе в течение последующих 46 лет.

После того как прошли самые первые, очень сильные впечатления – прекрасный альпийский пейзаж, яркое интернациональное окружение, встреча с Фрэнком Бухманом, о котором я столько слышал, – эта жизнь показалась мне куда менее привлекательной. Я хорошо понимал, что все происходив-

шее в Ко вовсе не вызывало всеобщего одобрения. Мне следовало избрать себе новый жизненный путь, а это означало, что нужно иметь смелость как бы смотреть на себя глазами Самого Бога и действовать в соответствии с этим.

Такой подход казался простым и логически оправданным, но он редко находил применение в обычной жизни. Так, среди нас был один араб, многие поколения семьи которого жили в той области, которая теперь отошла к Израилю. Его родные глубоко страдали, а он говорил, что никогда не сможет полюбить какого-нибудь еврея, пока все евреи не переменятся. Через несколько недель пребывания в Ко он осознал, что он никогда не сможет повлиять на кого-нибудь, пытаясь изменить его, пока не научится его любить.

Шотландец Лудон Гамильтон, ветеран первой мировой войны, привлекал меня своим блестящим и в то же время сдержанным юмором. Он был студентом Оксфорда в то время, когда возникла “Оксфордская группа”, и Бухман пришел на заседание их студенческого клуба, носившего название “Мясо и Пиво”. Гамильтон рассказал нам о его опытах с “четырьмя принципами” – честностью, чистотой, бескорытием и любовью – краткой версией Нагорной проповеди. Суть состояла в том, что необходимо иметь именно абсолютные стандарты, поскольку иначе они не будут иметь никакой ценности. Он рассказал анекдот про женщину, которая была уверена, что ее белье после стирки становится белым, – до тех пор, пока она не встретила соседа, который пользовался более эффективным стиральным порошком. Я понял, что эти “абсолютные принципы” не должны иметь ничего общего с морализаторством. Это – законы самой жизни, и вопрос в том, хочу ли я отвергнуть их или строить свою жизнь на их основе.

Слово “абсолют” одновременно и раздражало, и восхищало меня. Мне казалось, что оно просто не применимо к практической жизни. В то же время я чувствовал, что жизнь была бы гораздо проще, если бы в ней действовали установки, укорененные в сознании человека и не зависящие от отношения к происходящему других людей. Гамильтон указывал также, что эти четыре “дорожных знака” надо обязательно видеть в их единстве. Честность без любви делает человека жестким и склонным осуждать других, любовь без честности приводит к мягкости и благодущию.

Обладал ли я должной смелостью, чтобы спокойно предстать перед лицом Бога и показать всю свою жизнь в свете этих принципов? Благодаря своим благочестивым родственникам я, безусловно, был знаком с понятием “грех”. Но лишь с тех пор, как я попал в Ко, оно затронуло меня действительно глубоко, и тогда я осознал, что грех – это все, что отделяет меня от Бога и других людей. Однажды кто-то спросил меня, испытываю ли я ненависть к кому-либо. “Разумеется, нет”, – ответил я. Теперь же я понял, что в не меньшей степени, чем ненависть, противоположностью любви является сосредоточенность на самом себе и безразличие. И я тут же стал думать о людях, которые были для меня, по меньшей мере, неинтересны.

После некоторых колебаний я решил проверить свою честность. В конце концов не было никакой нужды говорить об этом кому-нибудь. Первая мысль, которая пришла мне в голову, удивила меня. Я подумал о моем младшем брате Лейфе. Война стала одним из важнейших событий в его жизни: хотя он так и остался рядовым, его приняли в свои ряды и полюбили его друзья. Однако с тех пор, как война осталась позади, его занятия продвигались не очень-то хорошо, здоровье было нарушено, нервная система пришла в расстройство. Он чувствовал себя неудачником, хотя много заботился о других людях, особенно о слабых и всеми забытых.

Я вдруг понял, что должен написать Лейфу, попросить у него прощения за мое безразличие к его проблемам и искренне рассказать ему о своей жизни. Я почувствовал ужасный стыд за то, что стремился всячески избегать общения с ним, когда он впадал в состояние глубокой депрессии. Я долгое время колебался, прежде чем написал ему письмо и сказал в нем такое, о чем лучше бы вовсе не знать другим людям, по крайней мере, членам моей семьи. Я шесть раз ходил туда и обратно по деревенской дороге, ведущей к почтовому отделению, прежде чем в конце концов опустил это письмо в почтовый ящик.

Мое письмо положило начало новой жизни Лейфа. Он понял, что переживаемые им трудности не уникальны, что, по существу, нас обуревают схожие мысли, искушения и трудности. В прошлом он иногда опасался, что годы войны окажутся лучшим периодом в его жизни. Теперь же его стало наполнять не свойственное ему раньше ожидание будущего.

Он встретил прекрасную голландскую девушку, которая в годы войны была интернирована в японский концентрационный лагерь на Яве.

К сожалению, им не суждено было долго прожить вместе: через три года Лейф внезапно умер от кровоизлияния в мозг. Я был в то время во Франции: я плакал всю дорогу домой. Я чувствовал скорбь из-за этой утраты, а также свою вину за все те годы, когда я не смог быть ему другом, который был ему так отчаянно необходим. И все же я при этом благодарил Бога за то, что у нас возникли новые взаимоотношения, и за ту жизнь, которую мой брат вел в свои последние годы.

Я написал также еще одно письмо. Я верил, что честность имеет исключительное значение в деловой жизни, но, когда я спросил самого себя, насколько честен был я сам, то вспомнил, как пользовался шпаргалками на одном экзамене. Я написал президенту Технического университета и покался. Через двадцать лет один бизнесмен спросил меня, каким был мой первый шаг на новом пути. Я рассказал ему о своем письме. “Ну, да это пустяк”, – сказал он. “Вы совершенно правы”, – ответил я. Но именно это решение помогло мне позднее твердо стоять на своем, когда от меня требовали принятия нечестных решений.

“Я думаю, что Ко – самый богатый жизненный опыт, который у меня когда-либо был”, – писал я домой из Швейцарии. При этом я имел в виду не потрясающие истории людей, которые я услышал, и не возведение мостов между народами и классами, чему я учился применительно к промышленности; скорее, я имел в виду некое внутреннее измерение, которое я открыл здесь, движущую силу молчания, мысль о том, что каждый день следует начинать с безмолвного предстояния перед Богом. Что-то произошло. Я увидел, что под жизнью подразумевается единое целое, без какого-либо деления на духовную и профессиональную сферы. Я почувствовал себя абсолютно свободным. Вернувшись в Финляндию, я отправился в наш летний коттедж. Когда, выйдя из автобуса, я шел пешком к нему последний километр, природа показалась мне куда более прекрасной, чем когда-либо раньше. Я был потрясен.

Через несколько месяцев после этого Хейкки Херлин пригласил Пентти Тамминена и меня поехать в Великобританию на

встречу промышленников с посещением нескольких фирм. Мы побывали на фордовских линиях поточной сборки в Дэгенхэме, в восточной части Лондона. Темпы производства были очень высокими. “Что произойдет, если вдруг хотя бы один специалист выпадет из этого конвейера?”, – спросил я у технического директора. “Не называйте их специалистами, – ответил он. – Для меня рабочие – это всего лишь номера”. Неудивительно, что на этом предприятии часто возникали конфликты. Я начал понимать, насколько необходимы дух и принципы, которые я вынес из Ко; и когда некоторые из рабочих и персонала начали проводить их в жизнь, мне стало очевидно, что для изменения ситуации к лучшему нужно не так много людей.

11. Проклятие!

Однажды после работы Хейкки Херлин пригласил меня в дом кинооператора Вильо Лампелы, чтобы обсудить проект, призванный способствовать созданию гармонических отношений в финской промышленности. Будущее Финляндии полностью зависело в это время от того, удастся ли нам выплатить репарации: если мы не сумеем это сделать, на что надеялись финские коммунисты, то русские захватят нашу страну.

Вильо Лампела во время войны был летчиком-истребителем, а впоследствии стал работать в крупнейшей финской кинокомпании. Его жена Кая была известной актрисой. Они оба пережили сильнейший внутренний кризис благодаря “Оксфордской группе”. У Вильо был живой, но несколько непостоянный характер, столь свойственный артистическим натурам: энтузиазм и безрассудство сменялись отчаянием, но в конце концов его вера неизменно побеждала.

Вильо закончил киносценарий на индустриальную тему, но у него не было средств для реализации своего проекта. Мы должны были решить, что с этим делать. С того вечера начался совершенно новый период в моей жизни, наполненный неожиданными событиями; тогда же закончилась моя “нормальная” деловая карьера.

Мы прочитали сценарий. Это была история борьбы между администрацией и профсоюзами, основанная на реальном опыте некоторых предприятий. Какой путь принесет победу – путь цинизма и классовой борьбы или же путь согласия и примирения, общего благосостояния и нравственности? Сценарий заканчивался ярким пропагандистским митингом на предприятии. Профсоюзный лидер, боровшийся за единство, упал, получив удар по голове, – в него бросил кусок железа фанатично настроенный противник. Таким образом, не было ни счастливого конца, ни сколько-либо очевидного решения проблемы.

Мы поняли, что появление такого фильма помогло бы разрушить стену предубеждений и предрассудков. Проблема была в том, чтобы подобрать актеров, обеспечить аппаратуру, деньги, реквизит и главное – найти ту группу специалистов, которая отдала бы этому свое время, способности и воображение без какого-либо вознаграждения. Вильо собрал несколько человек, чтобы помолиться и попросить совета у Бога. “Если это Ему угодно, ресурсы появятся”, – рассуждал он. В нас как будто что-то загорелось.

Мы согласились начать. Херлин и Сумелиус предложили себя на роли руководителей фирм, а несколько ветеранов профсоюзов – на роли рабочих лидеров. Пентти и я занялись мобилизацией людей из Технического университета для выполнения бесконечных практических задач. Надо признаться, что мы не делали из этой деятельности тайны. Однажды вечером, когда мы сидели в комнате Пентти, мимо проходил один из аспирантов, Ниило. “Заходи”, – позвали мы его и рассказали о том, что замышляем. Через час он сказал: “Мне придется отложить мои занятия на год!”. И многие последовали его примеру.

Несколько месяцев, прежде чем пойти на работу, мы встречались в семь утра, чтобы обсуждать наши планы и вместе молиться. По вечерам у нас был короткий деловой ланч с Херлином в его офисе. Каждый день мы работали до полуночи. Фильм снимался на пяти главных промышленных предприятиях в Южной и Восточной Финляндии. Всю новогоднюю ночь – единственное время, когда здания пустовали, – мы работали на фабрике Стромберга.

Однажды вечером, когда мы работали у Вильо, в комнату вошел пожилой фермер могучего телосложения и немедленно вмешался в наш разговор. “Теперь мы начнем борьбу!”, – сказал он густым басом. Его ясные глаза скрывались под густыми бровями. “Дайте мне водителя-студента, и мы соберем деньги!”. В следующие за этим месяцы Густав Розенквист посетил руководителей 430 финских фирм, – и не с тем, чтобы просить, а с тем, чтобы сделать им заманчивое предложение – помочь чем-либо своей стране.

Розенквист был фермером по призванию. Через семь лет после вступления в брак у него, наконец, появился сын, кото-

рый мог бы впоследствии стать наследником фермы. Но когда мальчику было всего четыре дня, няня уронила его на каменный пол, и он умер. Миссис Розенквист так и не смогла прийти в себя после этого. Некоторые люди пытаются утопить свое горе в вине, но Густав топил его в работе. Вместе с Нобелевским лауреатом А.И. Виртаненом он занимался внедрением новых методов ведения сельского хозяйства в разных странах, а в перерывах между поездками усиленно трудился на своей ферме. После войны Розенквист принимал как-то участие в заседании “Оксфордской группы”, и один швед помог ему освободиться от того тяжелого груза, который не оставлял его ни на минуту. Розенквист ушел с этого собрания новым человеком: его бунт против Бога закончился.

Раньше Густав Розенквист был заклятым врагом любых профсоюзов. Теперь он попросил представителей профсоюзов организовать местное отделение на его ферме. Он извинился перед рабочими за то, что раньше смотрел на них не как на людей, а как на машины. Он решил делить с ними пополам свои доходы, предоставил им землю для строительства собственных домов и дал личную гарантию под получение ими жилищных ссуд.

Финский конгресс тред-юнионов обычно посылал советские делегации на его ферму, чтобы они видели, чего можно достичь благодаря новому методу хозяйствования. Однажды русские спросили, почему производство молока увеличилось, а количество коров не изменилось. “Спросите женщин, которые доят коров”, – ответил Розенквист. Женщины рассказали, что когда их хозяин начал обращаться с ними, как с согражданами, они, в свою очередь, начали лучше обращаться с коровами. “Чтобы было больше молока, коров надо любить”, – добавил Розенквист.

Повсюду, где ему приходилось бывать, Розенквист рассказывал людям о результатах своего эксперимента. Особенно сильное впечатление он произвел в Руре, самом сердце индустриальной Германии, где бушевала жестокая классовая борьба. Он никогда не предлагал отвлеченных теорий; он сам был живым свидетельством того, что Бог может сделать в жизни любого человека. В старости он пожертвовал свою ферму Армии Спасения.

Итак, продолжалась работа над фильмом, который мы назвали “Ответ”. Ян Сибелиус предложил нам использовать его музыку, хотя было известно, что он ни разу не делал этого даже для полнометражных художественных фильмов; кроме того, он отказался от своего гонорара. Городской оркестр Хельсинки и его дирижер Тауно Ханникайнен бесплатно сделали для нас записи третьей и седьмой симфоний, а мой двоюродный брат Вейкко Хеласвуо, ставший впоследствии главой академии Сибелиуса, дирижировал хором более чем из ста человек, который исполнил великолепную кантату Сибелиуса “О народы, встаньте на ноги!”, никогда раньше не звучавшую в Финляндии. Ристо Орко, один из основоположников финской киноиндустрии, предоставил бесплатно оборудование и лаборатории.

Теперь надо было определить день премьеры. Мы решили начать с торжественного просмотра для специально приглашенных гостей в кинотеатре “Савой”, расположенном в центре Хельсинки, а затем запустить фильм в кинопрокат по всей стране. За неделю до этого случилось несколько неприятностей. Техническая группа работала круглосуточно и без выходных, они спали прямо на полу в лаборатории. Не слишком ли рано мы назначили премьеру фильма? Но приглашения уже были разосланы, и останавливаться было поздно.

Здоровье моей матери в последние годы ухудшилось, и теперь она проводила в постели большую часть времени. Однако это не помешало ей жить в полную силу и участвовать во всех наших начинаниях. Она попросила своих бывших учеников из воскресной школы в Вихти ежедневно молиться об успехе нашей акции.

19 марта 1952 года 800 приглашенных заполнили кинотеатр так, что не осталось ни одного свободного места. Среди них было около сорока членов парламента и правительства, а также двадцать промышленных и профсоюзных лидеров из разных стран Европы. Леа Ваннас, героиня нашего фильма, у входа подарила букет роз жене президента Паасикиви. Казалось, вся атмосфера была проникнута огромными надеждами.

Торжественно и празднично настроенная аудитория следила за драмой, разворачивающейся на экране, не подозревая о той драме, которая происходила в то время снаружи.

Когда начался фильм, в проекционной комнате было только два из шести роликов, остальные четыре все еще оставались в лаборатории. Вильо ходил взад-вперед в фойе кинотеатра, перемежая проклятия с молитвами. Я ходил с ним рядом, пытаюсь его успокоить. Фольксваген курсировал туда и обратно, доставляя из лаборатории одну за другой части фильма. “Где же следующий ролик?” – закричал механик, когда до конца пятой части оставалось пять минут. В этот момент прибыл уже почти бездыханный посыльный. Потрясенный Вильо Лампела принимал поздравления. Через два дня повторная публичная премьера состоялась в Хельсинки, а потом компания “Суоми-Фильм” распространила фильм по всей стране.

Город Тампере, известный как “финский Манчестер”, стал ареной самой сильной борьбы в войне за освобождение в 1917-1918 годах. Даже теперь, во время промышленного кризиса, здесь разгоралась классовая борьба. Наш фильм пришли смотреть все профсоюзные лидеры и управляющие одного крупного предприятия. После просмотра, на открытии митинга, на котором должно было быть принято окончательное решение о судьбе предприятия, председательствующий попросил присутствующих “вести дебаты в том духе, который мы только что видели в фильме”. И единство было достигнуто. Подобное, как мы слышали, происходило и во многих других местах.

Летом 1952 года Финляндия проводила у себя Олимпийские игры, демонстрируя всему миру, что она является свободной страной, несмотря на все слухи противоположного характера. Мы решили организовать показ нашего фильма для иностранных гостей во время этих Игр. Одним из тех, кто пришел на фильм, был Фриц Филипс, вице-президент голландской транснациональной электронной корпорации. “Этот фильм слишком значителен, чтобы оставаться только в Финляндии, – сказал он. – Я готов сделать все от меня зависящее, чтобы забрать его отсюда”. Однако вряд ли он представлял себе, какую ношу при этом на себя взвалил.

Не меньшие последствия, чем сам фильм, имели дружба и сотрудничество всех тех, кто принимал участие в его создании и его поддерживал. По мере продвижения нашей рабо-

ты, я все яснее осознавал, насколько важно создать нравственную атмосферу в промышленности и бизнесе. По-видимому, мало кто принимал это всерьез, но я чувствовал, что этот фактор столь же жизненно необходим, как само производство и продажа товаров. Я понимал, какую роль в жизни отдельного предприятия и даже в отношениях между странами могло бы сыграть изменение внутренних ориентиров у того или иного человека.

Однажды я понял, что мне нужно оставить свою постоянную работу и заняться работой в MRA, посвятив себя целиком делу создания новой нравственной атмосферы в мировой индустрии. 19 сентября 1952 года с военными репарациями Финляндии Советскому Союзу было покончено, и я почувствовал, что моя социальная и гражданская служба во имя национальных интересов выполнена, поэтому я могу перейти к деятельности, нацеленной на благо всего мира. Однако что скажет моя семья и мои коллеги? Я попросил совета у Хейкки Херлина. Он подбодрил меня, призывая следовать своим убеждениям. Ночью я долго не мог заснуть, думая об этом, и постепенно во мне появилась внутренняя убежденность. Я решил, что все же сделаю этот шаг.

Я сказал об этом решении своим родителям. “И какая же у тебя будет зарплата?”, – спросил отец. “Никакой”, – ответил я. Он помолчал некоторое время, а затем сказал: “Я требую свободы для себя, и я даю свободу тебе. Делай, что хочешь!”. Однако отец был сильно разочарован. Он радовался тому, что его сын уже делает карьеру в промышленности. Мама поняла меня. Она знала, что если Бог дал тебе уверенность в правильности своего решения, то ты не должен колебаться.

Я беспокоился также о том, что сказать моему начальству. Прежде чем войти к директору, я задержался в пустой комнате для посетителей и молился о том, чтобы Бог направлял меня во всех моих действиях. “Проклятие!” – произнес один из директоров, когда я подал ему заявление об уходе. В компании начались разные слухи и разговоры. Но я почувствовал себя лучше, когда главный босс сказал: “Если Вы к нам вернетесь, вас будет ждать работа, – а если ее не будет, то мы специально создадим ее”.

У отца были непредвиденные расходы из-за болезни. Я отдал ему все мои сбережения после того, как купил билет до Ко

в один конец и сотню лезвий, чтобы выглядеть достаточно презентабельно на тот случай, если у меня кончатся деньги.

Когда я прибыл в Ко, где в это время происходила конференция промышленников, один мой английский друг, Эдвард Гулдинг, устроил мне встречу с Фрэнком Бухманом. В тот момент он был болен и лежал в своей комнате. Он тепло пожал мне руку и сказал только: “Добро пожаловать!”. Мне и не нужно было ничего другого: я твердо знал, что прибыл, куда надо.

12. Четыре стимула

Однажды в Ко Фриц Филипс и Оскар Сумелиус пригласили меня и Паули Снеллмана на обсуждение “Ответа” с участием Фрэнка Бухмана. После разговора Бухман предположил, что мы довольны результатом. “О чем вы думаете?”, – спросил он. – “Сделать наш фильм известным всему миру”, – сказал Сумелиус. Бухман, плутовато улыбаясь, заметил: “Я думаю, что Фриц Филипс сможет сделать так, что его на самом деле можно будет видеть в Эйндховене!”.

“Ответ” уже демонстрировался за пределами Финляндии. Один из американских профсоюзных лидеров и руководитель сталелитейных заводов в Питтсбурге услышали о том, что этот фильм помог разрешению конфликтов в финской промышленности. В этот период американская сталелитейная промышленность была парализована стачечной борьбой. Они подумали, что этот фильм может способствовать улучшению ситуации. Одолжив копию фильма на финском языке, они организовали его показ с переводчиком для нескольких руководителей крупнейших сталелитейных компаний и профсоюзов. Это мини-шоу сыграло определенную роль в урегулировании разногласий. И теперь у многих возникло желание дублировать этот фильм на английский.

Вильо Лампела и я встретились с теми, кто должен был дублировать финские голоса в Эйндховене. Среди них были Лудон Гамильтон и Алан Торнхилл, добросердечный английский священник, написавший для MRA несколько пьес; часть из них можно было увидеть в разных странах. У Торнхилла оказался свой потрясающий метод, используя который он подбирал английские выражения, точь-в-точь соответствующие ужасно длинным финским словам.

В этом предприятии участвовал и Эдвард Гулдинг. Сильная вера, захватывающая и других людей, сочеталась в нем с откровенно критическим отношением к самому себе, и все это

побуждало людей открывать ему свои сердца. До войны он помогал Хейкки Херлину в его новых начинаниях. Эдвард был в Осло, когда немцы оккупировали Норвегию, и ему удалось организовать фантастический побег в Англию через горы и море. Он дублировал в фильме голос Херлина – угрюмого, не гнушающегося руганью администратора, – и обнаружил удивительный талант при передаче не только характерной для финнов молчаливости, но и присущей им горячности и вспыльчивости. Артистический темперамент и упрямство Вильо стали причиной постоянных кризисных ситуаций в Эйндховене, но все они благополучно заканчивались благодаря великодушию и мудрости Эдварда.

Вначале мы жили в доме семьи Филипса. Голос жены Фрица Филипса, Сильвии, тоже был использован при дублировании. Как только служащие Филипса заканчивали свой рабочий день, мы перемещались в студии звукозаписи и работали там обычно до раннего утра. Руководитель отдела с самого начала был недоволен нашим присутствием, но в соответствии с приказом он выделил нам в помощь группу технических работников.

Хотя фирма Филипса производила множество различных проекторов, у них не было оборудования для дублирования фильма. Вначале это привело к серьезным недоразумениям между нами и Фрицем Филипсом, предлагавшим провести новые эксперименты, чтобы справиться с этой проблемой. Под угрозой оказался его престиж, а, кроме того, техники считали, что такая работа может проводиться только в специально оборудованной студии. Внимательно наблюдая за этим, мы переживали и молились, но все было безуспешно. У нас не было никакой возможности сделать эту работу где-либо еще.

В нашей группе был молодой немец, Джордж Пик, который когда-то работал над фильмами. Как-то раз он глубоко задумался, подошел к одной из машин и предложил простую, но остроумную идею, которая, по его мнению, могла бы что-то дать. Филипсовские техники поддержали ее, и теперь к нам стали относиться серьезно.

Этот проект имел все шансы провалиться несколько раз, если бы не Джордж, – скромный, сдержанный человек, который старался держаться в тени. У него были еврейские корни, его отец, бывший мэром Штеттина, был изгнан нацистами, а

затем оказался в Аушвице. Джордж сумел каким-то образом добраться до Ирландии. Мало кто знал о его происхождении, и он старался, насколько это возможно, выглядеть англичанином. По мере того как наша работа продвигалась вперед, он снова начал обретать уверенность в себе. Поворотный момент для него наступил тогда, когда он решил признаться в своем происхождении, вновь отождествить себя со своей родиной и вернуть себе данное ему при крещении имя – Юрген.

Когда техническая работа не требовала моего присутствия, я любил встречаться с портовыми рабочими Роттердама и рабочими сталелитейного производства в Северной Голландии. Вторая родина моего отца покорила мое сердце, и я начал усиленно учить голландский язык.

Сразу после закрытого просмотра английской версии “Ответа” враждебно относившийся к нам глава отдела извинился за свое поведение. Теперь он понял, чего мы пытались достичь, и был даже рад тому, что его отдел также участвовал в этой деятельности. Может быть, его покорила та честность и открытость, с которой мы трудились все вместе, несмотря на то, что принадлежали к разным народам, и несмотря на те конфликты, которые часто возникали в ходе работы.

Участие Фрица Филипса в работе над нашим фильмом подтвердило его преданность Финляндии. Однажды голландское министерство иностранных дел послало письмо ведущим промышленникам разных стран, чтобы предостеречь их от крупных долговременных инвестиций в Финляндию из-за политической неопределенности, нависшей над этой страной. Филипс позвонил тогда министру иностранных дел и с возмущением заявил, что рекомендации, сделанные в этом письме, могут оттолкнуть Финляндию от западного мира в сторону советской России. “Если Вы хотите сохранить свободную и демократическую Финляндию, Вам следует действовать прямо противоположным образом”, – сказал Филипс. Министр распорядился, чтобы все эти письма были изъяты из обращения.

Весной 1953 года Хейкки Херлин неожиданно прибыл в Голландию и попросил меня встретиться с ним в Амстердаме. Он предложил мне работу директора в одной из коуновских компаний. Я подумал, что это, может быть, даст мне шанс по-

мочь развитию финской индустрии, пережившей тяжелые годы из-за военных репараций. Не каждый день случается, что промышленник самого высокого ранга предлагает такую возможность молодому инженеру. А если предположить, что в этом есть Божья воля?

В течение нескольких дней и ночей я усердно молился, чтобы ни страх, ни честолюбие не управляли мной в моем решении. Однажды утром я понял, что должен и дальше идти по тому пути, который я уже выбрал. Хейкки Херлин был огорчен, но не пытался переубедить меня.

Это решение не означало, однако, что мои опасения подошли к концу. Тем же летом, вернувшись в Ко после года странствий, я начал сомневаться в ценности того, что я мог предложить другим людям. Может быть, они могут прекрасно обойтись и без моих предложений? Я чувствовал, что мое решение посвятить свою жизнь Богу не было абсолютным.

Я начал по-новому смотреть на “четыре абсолютных принципа”. Норвежский епископ Эйвинд Бергграв назвал их однажды “шпорами” для человека, искренне придерживающегося христианского образа жизни. Они, эти принципы, вынуждают меня предстать без всяких оправданий перед святостью Бога, и тогда обнаруживается вся та жесткость, цинизм и даже желание мести, которые возникают во мне в самых непредвиденных ситуациях. Я стремлюсь всегда быть правым, почти инстинктивно желая находить оправдание всему, что я делаю, и трусливо опасаясь всякой критики.

В один из осенних дней в Ко я понял, что нахожусь в состоянии внутренней нищеты, – и не вижу никаких способов справиться с этим. В здании было полно людей, и единственным местом, где Вильо и я могли преклонить колени, была ванная комната. Вильо был родом из той части Финляндии, которая в середине 19 века пережила религиозное возрождение. По традиции этих мест, он возложил руки на мою голову и молился за меня. Я просил Бога взять у меня всю мою волю. Когда мы поднялись, я не чувствовал ничего, кроме внутренней убежденности в том, что Христос не оставил меня и что я могу двигаться вперед с чистым сердцем.

Тем летом “Ответ” показывали в Ко по несколько раз в неделю; заказы на него пришли из США, Нигерии и Индии.

Меня пригласили во Францию для участия в демонстрации фильма.

Однажды ноябрьским утром моя хозяйка принесла мне телеграмму. Это было короткое сообщение отца о том, что Лейф умер предыдущей ночью. Несколько французских семей собрали деньги, чтобы я мог купить билет на самолет до дома.

После похорон я очень хотел узнать, что думает отец о моем будущем. Мать была больна, а отец никогда не радовался тому, что я покончил со своей карьерой. Однажды я попросил его дать мне прямой ответ. Он был очень близок с Лейфом и совершенно убит горем. В то же время он понял, какие глубокие изменения произошли в Лейфе. Он долго молчал, а затем сказал: “Я хочу, чтобы ты продолжал работу, к которой чувствуешь свое призвание”. И с тех пор он полностью поддерживал меня и даже гордился мной, вставая на защиту выбранного мной пути, когда какие-либо знакомые осуждали его.

Вскоре я снова оказался в Центральной Франции, где происходили волнения в сталелитейной промышленности и где группа промышленников и профсоюзных деятелей пыталась достичь примирения, используя для этого как палочку-выручалочку пьесу Питера Говарда “Босс”. Я на долгое время обосновался в Фирмини, где нашим хозяином был Клаудиус Пти, мэр города и бывший министр реконструкции. Это был человек с сильным чувством социальной ответственности, и его решение поселиться в этом месте было связано именно с тем, что здесь проблемы бедности и разделения людей по классовому признаку стояли особенно остро.

Мы, прибывшие по линии MRA, жили в так называемой “простой” гостинице. По французским меркам зима была холодной, а комнаты не отапливались. Туалеты замерзали, а вода для умывания, которая стояла в фарфоровых кувшинах в наших комнатах, покрывалась коркой льда. Каждый день в пять часов утра мы стояли за воротами фабрики, чтобы в темноте раздать листовки о нашей пьесе рабочим утренней смены, идущим на работу, и рабочим ночной смены, уходившим с фабрики домой. В течение дня мы ходили по городу, упрямывая владельцев магазинов выставить наши красочные плакаты в своих витринах.

Однажды я подумал, что все это довольно смешно и нелепо. Мне 32 года, у меня хорошее университетское образование, я даже отказался от возможности стать доктором наук. Я бросил весьма перспективную работу, а затем отклонил предложение стать директором. Что подумали бы мои прежние коллеги и мои родственники, если бы видели, что я занят здесь работой, которую ничуть не хуже мог бы делать пятнадцатилетний пацан? Но, как и во время войны, все мы были друзьями и сохраняли верность друг другу ради великой цели. И это было куда важнее, чем конкретная задача, которую мы выполняли в данный момент.

Мы рассматривали свою работу не просто как помощь каким-то отдельным компаниям, но как деятельность, способствующую построению будущей Европы. Самым злободневным был вопрос о том, смогут ли такие заклятые враги, как Германия и Франция, вместе начать восстановление своей экономики. Сторонники марксистских идей как в Руре (Германия), так и во Франции пытались саботировать любую акцию, направленную на сближение этих стран. Тем временем Роберт Шуман, бывший министр иностранных дел Франции, пригласил нас в Тионвиль, чтобы мы помогли укрепить отношения между членами Европейского объединения угля и стали, соучредителем которого он был.

В результате нашей многомесячной работы из Франции в Ко стали прибывать крупные делегации от промышленных предприятий. Моей задачей было принять их, а также заботиться о группах из Финляндии.

Четыре человека приехали из города Ивескиле в Центральной Финляндии. Один из них был строительным рабочим, его звали Антти; у него была проблема с употреблением спиртных напитков. Оказалось, что его сограждане специально привезли его в Ко, услышав, что здесь иногда с людьми происходят настоящие чудеса. Оправдываясь, они говорили нам: “Вероятно, Антти не следовало приезжать вместе с нами, но мы подумали, что вдруг что-нибудь здесь поможет ему, хотя такой необразованный человек не может, конечно, взять в толк то, что здесь происходит”. На самом деле Антти был первым в этой группе, кто понял суть происходившего в Ко.

Никто из четырех не знал никакого языка, кроме финского. Я был у них переводчиком на каждом совещании, за каждой едой, в каждой рабочей группе, – и это длилось с утра и до полуночи. Антти и я жили в маленькой комнате на чердаке одного из близлежащих домов. Постепенно мы стали друзьями. У Антти было чудесное сердце, и, несмотря на незнание языков, он повсюду находил себе друзей.

Вскоре Антти по утрам, в тишине, начал пытаться прислушиваться к Богу и голосу своей совести и записывать свои мысли. Мы начали молиться вместе по вечерам. Однажды он пришел ко мне с письмом в руках. “Я хочу начать новую жизнь, – сказал он. – Однажды, когда моя жена и я ссорились, мы никак не могли остановиться, и тогда я закричал: ‘Если ты не заткнешься сию же минуту, я вообще не буду с тобой разговаривать!’ Вот так я и перестал разговаривать с ней, и я не отступал от этого решения тринадцать лет. Самое большее, я произносил какое-нибудь язвительное словцо раз или два в неделю, будто обращаясь к кошке”. Антти протянул мне письмо. “Не хотите ли Вы прочесть его?”

Это было волнующее письмо. Антти писал, что узнал в Ко “четыре замечательные вещи”, имея в виду четыре абсолютные принципа. “Я увидел в их свете, на что была похожа моя жизнь. Я решил, пусть Бог позаботится о моей жизни. И теперь я хочу от всего сердца попросить у тебя прощения за эти тринадцать лет”. Он заканчивал свое письмо словами: “А теперь я требую, чтобы ты тоже приняла эти принципы и стала применять их в своей жизни”. Он спросил, что я думаю об этом письме. “Это замечательное письмо”, – сказал я. – Но, может быть, это уж чересчур много – требовать, чтобы ваша жена немедленно приняла ‘четыре принципа’. В конце концов, сами-то Вы ждали тринадцать лет! Может быть, лучше написать, что Вы ‘надеетесь’ вместо того, что Вы ‘требуете’”. “Да, это подойдет”, – сказал Антти. Он отослал письмо по почте. Кое-кто в Ко начал замечать, что с ним что-то происходит. Даже его постоянная головная боль исчезла.

Перед своим возвращением в Финляндию наши гости из Ивескиле выступили на совещании, на котором присутствовало 600 человек, в том числе члены французского парламента, мэр Фирмини и большие делегации представителей промышленности разных стран. Антти должен был выступить

последним из четверых. Он никогда прежде не выступал публично. Смущенно поживаясь на трибуне и страдая от ощущения своей неполноценности, он начал свое выступление. Однако потом Антти просто поделился тем, что пережил. Наступило полное молчание, а затем вся аудитория встала и аплодировала ему. Мэр, уже собравшийся к тому моменту уходить, вышел вперед, чтобы поблагодарить за время, проведенное в Ко. Глядя на Антти, он добавил: “То, что я только что услышал от финнов, – это самое лучшее, что вообще может быть!”

После совещания один французский промышленник и его жена с трудом протиснулись через толпу и попросили меня перевести то, что они хотели сказать Антти. “Наша жизнь была полна противоречий, – сказал промышленник. – Но, услышав вашу историю, мы решили, что будем абсолютно искренни друг с другом и начнем новую жизнь”. Антти покраснел. “Подумать только, что простой человек вроде меня может значить что-нибудь для других”, – сказал он.

И в своем доме в Ивескиле он больше не молчал – до тех пор, пока был жив.

“Ответ” продолжал вызывать цепную реакцию. Портовые рабочие в Гамбурге и Бремене решили, что фильм необходимо продублировать на немецкий, так чтобы его можно было показывать в портовых городах Германии и в Рурской области, где международная группа специалистов с 1947 года работала по линии MRA. Юрген Пик и я взяли на себя основную ответственность за этот проект, в том числе и сбор средств для его осуществления. Мы расположились в полуразрушенной квартире в Гамбурге. Юрген нашел демобилизованного полковника вермахта, который организовал небольшую компанию по дублированию фильмов и за полцены предложил нам услуги своей фирмы.

“Ответ” был первым полнометражным финским фильмом, дублированным и на английский, и на немецкий языки. Мы провели все лабораторные работы в Амстердаме, приезжая туда раз в месяц на нашем старом “форде” английского производства. Руль у него был расположен справа, вторая скорость отсутствовала, вскоре он стал хорошо известен в нашей части Гамбурга. Когда мы ехали, полицейские весело кричали: “Вот едут моралисты!”

13. Мы привлекаем к себе внимание Финляндии

Казалось, что коммунизм делает явные успехи в развязывании холодной войны. Многие в Финляндии высказывали пессимистические прогнозы о будущем свободного мира. Один из членов кабинета министров говорил мне, что нашей стране осталось не более десяти лет независимости. Самые бедные народы Африки, Азии и Латинской Америки изо всех сил тянулись к Москве и Восточной Европе. Хотя атеизм коммунистической идеологии был совершенно чужд культуре и традициям развивающихся стран, это обстоятельство все равно не склоняло их в сторону вроде бы “христианского” Запада. Они слишком хорошо знали, что отношение капиталистических стран к развивающемуся миру определяется не столько альтруистическими, сколько эгоистическими побуждениями.

Следующая крупная акция, проведенная MRA, – музыкальный спектакль Питера Говарда “Исчезающий остров”, – была посвящена ряду проблем, послуживших причиной развязывания холодной войны; в частности, в ней говорилось о материализме Востока и Запада и надеждах на взаимное прощение и примирение. Две сотни человек отправились с этим спектаклем в Азию и Африку; в 1955 году они вернулись в Ко. Мы, финны, чувствовали, что “Исчезающий остров” может кое-что изменить и в Финляндии, и решили пригласить участников этого спектакля к нам в страну.

Единственным реальным временем, когда мог бы состояться этот визит, была вторая половина ноября, а на дворе уже был октябрь. Сумеет ли мы организовать все необходимое в такие сроки? Я пришел к одному из своих друзей в руководстве конгресса тред-юнионов. Он был целиком “за” эту идею, но заметил, что если мы немедленно энергично дви-

немся по этому пути, то у нас есть шанс принять этот спектакль уже в апреле. “Между прочим, когда они собираются приехать?” – спросил он. – “В следующем месяце!” – ответил я.

Итак, мы должны были найти театр, жилье и деньги, а также перевести пьесу на финский язык и распечатать текст перевода, – и все это буквально со скоростью света. Нам нужно было также найти жилье для трехсот иностранных гостей. Более двухсот человек мы разместили в частных домах, и нам удалось арендовать старый пассажирский пароход “Арктур”, где мы устроили остальных. Мы забронировали Финский и Шведский национальные театры, а также студенческий театр. Это было подобно снежной лавине. Среди прибывших было двадцать африканцев с их собственным спектаклем – “Свобода”, и группа студентов с пьесой – “Мы – это завтра”. Были и представители племени маори из Новой Зеландии, а также индийцы и японцы. Сотни финнов пожертвовали на это мероприятие свои деньги, некоторые прислали акции и картины.

Духовой оркестр финской армии возглавил грандиозную процессию, двинувшуюся от порта через центр города, где ее приветствовал лорд-мэр города, и дальше — к университету, где гостей встретил епископ Тампере и Хельсинки Элис Гулин. Президент Паасикиви и его жена пришли на премьеру и приняли всю делегацию во дворце, где маори исполнили свои национальные танцы. Паасикиви был глубоко верующим человеком, и в своем выступлении особенно подчеркнул, насколько важно понимать принципы добра и зла и следовать этому пониманию.

В дневное время, перед вечерними представлениями, постоянно проходили беседы и совещания в школах, офисах различных компаний, в университетах и профсоюзных организациях, где гости делились своим личным опытом и рассказывали о том, как они решили бороться за преобразование общества, проще всего, изменив свою собственную жизнь. Это не было ни теорией, ни богословием: опыт реальной жизни придавал силу их рассказам.

Одним из гостей был Джордж Вест, англиканский епископ, большую часть своей жизни проработавший в Бирме. Он был старым другом У Ну, премьер-министра Бирмы, который только что посетил тогда Москву и собирался пред-

принять турне по Скандинавии в сопровождении У Тана, впоследствии – Генерального секретаря ООН. Вест пригласил У Ну во время его визита в Хельсинки посмотреть “Исчезающий остров”, но было необходимо согласовать это с его официальной программой. В конце концов вечером в субботу решили назначить показ на девять часов утра в воскресенье. Но как сделать так, чтобы театр не оказался пустым? По радио тут же было передано сообщение, и на следующее утро зал был полон.

У Ну пригласил своего “хозяина”, премьер-министра Кекконена, посетить спектакль вместе с ним, и тот, разумеется, не мог отказать ему в этой просьбе. Кекконен смотрел пьесу очень внимательно. Очевидно, он хотел понять, насколько ее содержание соответствует внешней политике Финляндии. В конце он сказал, что пьеса ему понравилась. Впоследствии он говорил со многими зарубежными гостями, в том числе и с Фредом Копманом, бывшим британским коммунистом, который принимал участие в гражданской войне в Испании. Копман вышел из партии, когда Советский Союз в 1939 году напал на Финляндию. “Вы совершенно правы, что антикоммунизм – это не ответ, – сказал Кекконен. – Можете ли вы что-нибудь сделать для Северной Финляндии, где многие утратили веру в финскую демократию?” Через несколько дней Кекконен принял в своем офисе еще одну делегацию и беседовал с ней.

Я подружился с Вилхо Хариненом, который входил в совет конгресса тред-юнионов. Когда ему было 16 лет, он воевал в гражданскую войну на стороне красных. После поражения его должны были расстрелять вместе с двадцатью другими сторонниками коммунистов. Может быть, белый офицер был поражен, увидев это детское лицо. Он оттолкнул Харинена в сторону перед тем, как расстрелять остальных.

Около сорока лет своей жизни Харинен посвятил защите рабочего класса. Благодаря “Исчезающему острову” он получил представление об истинно справедливом обществе и решил начать путь к нему с самого себя. Он попросил меня поехать с ним вместе в Стокгольм и встретиться там с Арне Гейером, главой Шведского конгресса тред-юнионов. Харинен извинился перед ним за то, что после войны использовал

свое положение финансового менеджера, чтобы для личных целей приобрести иностранную валюту с помощью Шведского конгресса тред-юнионов; в Финляндии в то время нельзя было добыть никакой иностранной валюты. Он признался Гейеру, что решил быть абсолютно честным во всех своих делах и вести такой образ жизни, который ему хотелось бы видеть у других. Он решил сделать все возможное, чтобы покончить с разрушительной классовой борьбой в промышленности.

Из Финляндии “Исчезающий остров” отправился специальным поездом на север до Кируны, шахтерского городка в шведской Лапландии. И здесь он был принят с настоящим энтузиазмом.

Может ли одно мероприятие повлиять на кампанию, подобную этой? Нельзя статистическими методами измерить духовную и нравственную деятельность. Есть ли вообще какое-либо соответствие между результатом и затраченными на его достижение усилиями? Целью MRA была не вербовка новых членов: мы говорили обычно, что наша цель не в том, чтобы привлечь как можно больше членов, а в том, чтобы принципы этого движения повлияли на жизнь людей.

С годами мне стало ясно, что в конечном счете самое важное – помочь отдельным людям. Фрэнк Бухман любил повторять, что нельзя закапать в глаз лекарство через окно третьего этажа. По существу, наша работа состояла в том, что один человек передавал другому лучшее из того, что он сам пережил, – так, чтобы тот, другой, тоже начал поиск пути, уготованного ему Богом. Я смотрю на MRA как на сеть людей, охватывающую весь земной шар, – людей, которые, несмотря на всю свою слабость, хотели бы стать проводниками распространения Божьей воли по всему миру.

Но наступает момент, когда вам нужно привлечь внимание народа. Такие крупные кампании служат настоящей проверкой внутренней жизни тех, кто их организует, – вы не можете передать другим то, чего нет у вас самих. Люди, которые ездили с “Исчезающим островом”, не всегда имели тот духовный уровень, который им был необходим.

Самый верный соратник Бухмана, Питер Говард, особенно это чувствовал. Однажды летом он провел в Ко несколько

семинаров по Библии, посвященных жизни св. Павла, – и это было самое замечательное время поистине братских отношений между людьми, которое я когда-либо пережил. У Питера было непреклонное убеждение в том, что душа такого сообщества, как МРА, должна быть сильной.

Идеи “Исчезающего острова” продолжали распространяться по Финляндии. Многочисленные ассоциации и политические партии устраивали семинары, посвященные темам, которые ярко высветил этот спектакль, – например вопросам общественной и личной нравственности. Многие шведы приезжали в Финляндию, чтобы помочь нам.

Одним из них был Джеймс Диксон, член парламента, лорд-гофмейстер шведского короля и крупный землевладелец. Он участвовал в качестве добровольца в Зимней войне в Лапландии, выступая под лозунгом: “Дело Финляндии – наше дело”. Диксон очень внимательно следил за тем, что происходило в Финляндии с самого начала войны. У него была потрясающая способность вживаться в происходящее и находить возможности для оказания практической помощи.

Диксон был убежден, что Бог находится в курсе политики и экономики и может давать ясные указания в этих областях. Однажды Финляндия попыталась получить кредит от Всемирного Банка, но некие мощные силы тормозили этот процесс по причине политической неопределенности в нашей стране. Советский Союз только что отозвал своего посла в Финляндии и прекратил торговые переговоры, чтобы оказать давление на ее внутреннюю и внешнюю политику. Озабоченный решением Всемирного Банка, Диксон встретился с главой финского государственного банка, а затем по собственной инициативе обсудил этот вопрос в Бонне с одним из членов кабинета министров Германии. Тот, в свою очередь, поговорил с канцлером Эрхардом, и немецкому представителю во Всемирном Банке было поручено изложить там аргументы Финляндии. В итоге Всемирный Банк выделил ей кредит.

Хотя в кампании, связанной с “Исчезающим островом”, ситуация большей частью складывалась для нас благоприятно, не обошлось и без нападков. Ошибки в наших действиях найти было нетрудно, но большинство появившихся слухов

(например, что нашу деятельность финансировало ЦРУ) были заведомо ложными.

По мере того как холодная война усиливалась, сопротивление деятельности МРА в странах Запада становилось все более упорным. Нити противодействия нередко вели в Москву, где возростала озабоченность той реакцией, которая возникала в мире на деятельность МРА. Часто выдвигались обвинения против МРА как политической и антикоммунистической организации. Это не соответствовало действительности, но на самом деле ее внутренняя сущность была диаметрально противоположна принципам атеизма и материализма, на которых строился коммунизм (так же, как в свое время это было с нацизмом).

В 1956 году Кекконен стал президентом вместо Паасикиви. Страна была парализована всеобщей забастовкой. Коммунисты надеялись на успех. Все пришло в упадок: даже улицы были завалены снегом, что сильно затрудняло движение. Мы делали все возможное, чтобы найти решение, укрепляли контакты, возникшие у нас благодаря “Исчезающему острову”, и тесно сотрудничали с Вейно Таннером, одним из лидеров кооперативного и рабочего движения. Руководящие деятели из разных регионов Финляндии подписали очень важную резолюцию, призывавшую к примирению, которая транслировалась по радио.

14. Принц и повар

Большую часть 1956 года я провел за пределами Финляндии; меня давно уже не было дома, когда однажды в моем почтовом ящике оказалось письмо из Парижа, в котором меня как члена международной группы приглашали в Марокко. Организатор этого мероприятия хотел, чтобы в нем участвовали и представители стран, не отягощенных своим колониальным прошлым.

Ситуация, на фоне которой появилось это приглашение, была весьма драматичной. По всей Африке освободительные движения вели борьбу за независимость, и особенно горячей она была в Северной Африке. Алжирцы с оружием в руках выступили против Франции, напряжение достигло крайних пределов и в соседних странах, Тунисе и Марокко. Франция управляла Марокко железной рукой при поддержке главы берберов, паши Марракеша. Франция выслала в изгнание на Мадагаскар истинного лидера Марокко, султана Мухаммеда V. По всей стране шла мобилизация сторонников освободительного движения.

Большинство французов были сторонниками концепции “расы господ”, считая такое положение дел вполне естественным. Фрэнк Бухман вместе с группой своих единомышленников по предложению Роберта Шумана только что посетил Марокко. Здесь они встретились, в частности, с одним французским фермером, Пьером Шаваном из Марракеша, на собственном опыте убедившимся в том, что официальная политика Франции ведет к катастрофе. Он приехал в Ко и здесь пришел к пониманию, что прежде всего должна измениться позиция самого французского народа. Вернувшись домой, Шаван начал “наводить мосты” и наладил контакт с молодым марокканским инженером, который был националистом и имел тесные связи с освободительным движением, о чем сам Шаван не знал.

Марокканец начал понимать, насколько он ослеплен ненавистью, и включился в процесс, в результате которого паша отказался от своей роли марионеточного лидера и потребовал от французов вернуть султана в качестве короля независимого Марокко. Этот призыв предотвратил гражданскую войну. Пресса всего мира опубликовала фотографию, на которой паша стоял на коленях перед султаном, просил у него прощения и признавал султана законным правителем Марокко. Вскоре после этого паша умер, а Мухаммед V взошел на престол.

И вот теперь, понимая, сколь хрупок этот мир, Мухаммед V пригласил группу из MRA посетить его страну.

Через пару недель после того, как я получил письмо из Парижа, я впервые ступил на африканскую землю. Все здесь, в том числе воздух, запахи и прочее, сильно отличалось от того, к чему я привык. Я решил, однако, что сделаю все, чтобы чувствовать себя, как дома, и не буду руководствоваться никакими предвзятыми мнениями.

Мы представляли собой весьма живописную компанию: несколько швейцарцев, и среди них известный специалист по Данте, профессор Теофил Сперри; египетский принц Измаил Гасан, изгнанный из Египта в результате революционного переворота Насера; Гуннар Визельгрэн из Швеции и я – из Финляндии. Мы арендовали дом на окраине Рабата. Поскольку нас никто официально не поддерживал и нам никто ничего не платил, мы жили на нерегулярные добровольные пожертвования наших друзей как из дома, так и из других стран. Порой нам с трудом удавалось выходить из тяжелого финансового положения.

Этот дом вскоре стал настоящим центром нашей деятельности. Однажды мы пригласили 30 воинов берберов. Они были одеты в широкие одежды, доходившие до колен, и белые тюрбаны. Их предводитель был ближайшим соратником легендарного национального лидера Марокко – Абделькерима. Мы поняли, что гости, приглашенные на ланч, могут прибыть и на шесть часов позже, чем это было намечено, – для них был важен день, а не час. Мы проводили семинары, конференции, личные беседы, в ходе которых мы получали не меньше, чем давали сами. Несколько раз нас приглашали на

встречу с султаном в его дворец в Рабате, и там мы делились нашими впечатлениями и переживаниями.

Измаил Гасан когда-то жил в Египте в роскошных условиях. Он был философом и поэтом, принимал жизненные передряги со стоическим хладнокровием и обезоруживающим юмором. Когда он был ребенком, то играл с братом не в игрушки, а в слова. Они сами придумали целый язык, который назвали "*optimisto*", и пользовались им при разговоре друг с другом, – ясно, что они были единственными во всем мире знатоками этого языка. Позднее Измаил защитил в Цюрихском университете докторскую диссертацию по новой теории музыки.

Один швейцарец, живший в Александрии, привлек молодого Измаила к деятельности MRA. Измаил чувствовал себя несчастным, так как жил в роскоши, когда кругом царил нищета, и решил пожертвовать значительную часть своего наследства на поддержку движения, зародившегося в Ко. Его семья категорически протестовала против этого. Вскоре после того, как Насер пришел к власти, двоюродный брат Измаила, король Фарук, был изгнан из страны, а имущество всей семьи конфисковано. Дядя Измаила сказал ему: "Ты был единственным, кто мог бы сделать что-нибудь реальное с помощью своих денег".

Измаил часто раздражал меня, так как он был слишком медлителен и непрактичен. Но на самом деле все, что он делал, было хорошо обдуманно и потому имело вес. Со временем мы сблизились и стали как братья.

Мы путешествовали по Марокко в старом, почти полностью развалившемся "ситроене" и посетили Фец, Мекнес, Могадор и Марракеш. На юге, недалеко от границы с пустыней, температура даже по ночам была выше 40°C. Независимо от внешних обстоятельств, Измаил молился пять раз в день. Он доставал из портфеля небольшой пластиковый матрасик желтого цвета, определял по компасу направление на Мекку и молился, подняв вверх ладони, как будто в любой момент он был готов принять Божьи дары.

Измаил полагал, что первый шаг на пути к единству между христианами и мусульманами, который должны сделать люди, – со всей серьезностью отнестись к своей вере, не пытаться приспособить ее для собственных целей.

Таиби Абделькадер руководил строительными рабочими в Марокко. Он часто приглашал Измаила, Гуннара и меня на встречи профсоюзных деятелей. Таиби удалось объединить враждующие фракции внутри своей отрасли, и в его помощи нуждались многие.

Однажды он пригласил Гуннара и меня поехать вместе с ним в его родной город Тетуан, расположенный в семистах километрах к северу, в бывшем испанском Марокко, на свадьбу его сестры. Он поселил нас в доме для странствующих торговцев в арабской части города. Небольшие извилистые аллеи окружали дом, несметное количество торговцев сидело прямо на улицах, звучала арабская музыка и воздух был насыщен запахами животных, земли и ослиной мочи.

Первый день мы целиком посвятили посещению старших родственников Таиби, его теток, дядей и двоюродных братьев. Каждого он очень заботливо расспрашивал, как они проживают, интересовался их здоровьем и тем, в чем они нуждаются. Это было традиционной обязанностью, принятой в обществе, живущем без государственной системы социального обеспечения. Его 82-летний отец, Абделькадер, жил в окружении многочисленных детей, внуков и правнуков. Его младшему сыну только что исполнилось два года.

Затем наступило время свадьбы. Один богатый купец предоставил свой особняк невесте и ее жениху, ремесленнику. Большой балкон шел вдоль стен самого большого зала. В доме собралось около 400 гостей. В центре главного зала находились пожилые люди, одетые в белые одежды до колен. Они держались с большим достоинством. Музыкант непрерывно играл арабские народные мелодии. Певец, которому однажды довелось выступать перед самим султаном, пел громко, как в опере. Молодые люди разносили восточные лакомства, миндальное молоко, пирожные и печенье.

Гуннар и я сидели на скамье по обе стороны от марокканца с вкрадчивыми манерами, говорившего только по-арабски. Мы осторожно спросили Таиби, знает ли он, кто это. “Это жених, – ответил он, – вы сидите на почетных местах”. В зале не было ни одной женщины, но они стояли по углам балкона, и их глаза сверкали из-под чадры. Таиби показал нам одну, которая на первый взгляд ничем не отличалась от остальных. “Это невеста, моя сестра!”

Празднование продолжалось до трех часов ночи. Наконец вышли четверо сильных мужчин, которые несли узкую корзину, прикрепленную к двум палкам и снабженную крышкой. Они поднялись на балкон, посадили невесту в эту корзину и закрыли крышку. Когда они снесли ее вниз по ступенькам, компания стала расходиться.

Длинная процессия, возглавляемая музыкантом и людьми, несущими свадебный паланкин, двигалась в абсолютной темноте. В узких аллеях зажглись гирлянды масляных ламп. Наконец, процессия достигла мечети, и люди, несшие паланкин, три раза стукнули в дверь палками. Имам дал свое благословение, и процессия проследовала к будущему дому новобрачной, где крышку открыли, и жених внес невесту в дом. Начиная с этого момента, сказал нам Таиби, муж становится ответственным в финансовом отношении не только за жену, но и за двенадцать других родственников. Жених, который казался невероятно счастливым, по-видимому, совершенно не был этим озабочен.

Ибрагим, повар в нашем доме в Рабате, не умел ни читать, ни писать. Раньше он несколько раз уже служил у европейцев. Вначале ему было трудно понять те пожелания, которые высказывали относительно меню две швейцарки, жившие вместе с нами. Но постепенно, подружившись с нами, Ибрагим начал понимать, чем мы занимаемся, а эти женщины научились выражать свои предложения в более тактичной форме.

В том году пост месяца Рамазан пришелся на самое жаркое время. В течение целого месяца начиная с самого раннего утра, когда Ибрагиму удавалось отличить белую нить от черной, и вплоть до вечера, когда это становилось невозможным, он не должен был ни есть, ни пить и тем не менее должен был работать. Он никогда не нарушал пост, хотя и проводил целый день в кухне, наполненной соблазнительными ароматами пищи. Благодаря Рамазану он никогда не мог забыть, что значит чувствовать себя голодным.

Однажды мы узнали, что Ибрагим, его жена и двое маленьких детей живут в сырой лачуге с худой крышей и маленьким отверстием для дневного света. В таких условиях дети легко могли стать инвалидами на всю жизнь. Измаил попросил меня пойти с ним к местному шейху ходатайствовать о

другом доме для них. Измаил красноречиво обрисовал ситуацию, особенно подчеркивая тот факт, что он помогает своим трудом налаживать контакты между арабами и европейцами. Поскольку тысячи людей жили в лачугах из жести, полуразвалившихся укрытиях из картона, канистр и мешков, шансы Ибрагима получить новый дом были невелики. Поэтому, когда через месяц он получил сообщение, что может взять в аренду небольшой дом в пригороде, радость его была безгранична. От него не потребовалось даже самой маленькой личной “компенсации” в пользу шейха.

Тем временем работа, которую мы планировали, приближалась к завершению. У Гуннара умерла мать, кроме того, подошло время его свадьбы, поэтому он вернулся в Швецию. Большинство других членов нашей группы тоже уехали, но Измаил и я все еще оставались с нашим верным маленьким “ситроеном”.

С течением времени источники нашего финансирования иссякли, и у нас не было никакой возможности сохранить за собой дом и заплатить за работу Ибрагиму. Ситуация была очень странной: казалось, что мы являемся преуспевающими иностранцами, а на самом деле у нас абсолютно не было денег.

Мы молились Богу, чтобы он проявил к нам сострадание. Однажды женщина, которая поселилась по соседству с нами, пришла и спросила, нет ли у нас кровати, которую мы могли бы продать. У нас была лишняя кровать, мы продали ее и купили дешевых макарон. В магазине нам дали также рыбных консервов, которые еще не испортились, но уже не годились для продажи. Кроме того, неожиданно для нас вдруг пришло достаточно денег из шведской Лапландии, что позволило нам рассчитаться с Ибрагимом.

Как обычно, он приходил каждое утро и спрашивал, что бы мы хотели заказать на этот день. “Вчера вы приготовили такую прекрасную рыбу с макаронами, что мы хотели бы повторить это блюдо”, – отвечали мы. Ибрагим смотрел на нас кротким, все понимающим взглядом. “Я понимаю больше, чем вы думаете. Вы не похожи на других иностранцев. Я знаю, как вам живется”, – сказал он на это.

И вот настал день, когда мы покинули наш дом, а Ибрагим потерял свою работу. Мы чувствовали себя отвратительно, сообщая ему о том, что он опять стал безработным. Но

Ибрагим просто сказал: “Я все понимаю и надеюсь, что Аллах не оставит своими заботами меня и мою семью”.

В тот день, когда мы уезжали, Ибрагим пригласил нас к себе домой на прощальный обед. Мы сидели на полу за низеньким столиком, вкушая самые лучшие марокканские деликатесы, приготовленные его женой. Позже мы узнали, что это угощение обошлось им в половину всех денег, которыми они в то время располагали.

Через несколько лет, когда я занимался примерно той же работой в северо-западной части тихоокеанского побережья США, совершенно неожиданно пришел денежный перевод от двух пожилых леди из Лос-Анджелеса, узнавших, что на нашем счете далеко не всегда имеются деньги. Я обрадовался и сразу же подумал о том, как использовать эти деньги. Но на следующее утро у меня вдруг возникла совершенно четкая мысль – послать всю эту сумму Ибрагиму в Марокко.

Я шел в банк в глубокой задумчивости. А что, если мы разделим эти деньги? И половина этой суммы была бы для Ибрагима весьма существенной! Это было сильным искушением. Однако мысль, которая так неожиданно пришла мне, содержала в себе столь недвусмысленное указание, что я заполнил почтовый перевод на всю сумму. Прошло несколько месяцев. И вот однажды пришло письмо из Марокко, и в нем говорилось, что Ибрагим получил деньги как раз тогда, когда истекал годичный срок арендной платы, и семья была очень близка к выселению. Эта сумма в точности соответствовала размеру их долга.

Я поддерживал связь с Ибрагимом в течение многих лет. В конце концов, когда умерла его жена, он эмигрировал в Данию и получил здесь работу мойщика посуды в баре. Позже к нему приехал его сын Абдессалам, который женился на датской девушке.

Когда мы с женой были в Дании, через 30 с лишним лет после нашего знакомства, Ибрагим и его семья пригласили нас на ужин. Во время ужина Абдессалам рассказал нам, как постепенно он утратил те духовные принципы, которые были заложены в нем дома, и полностью перешел на европейский уклад жизни. Между прочим, он начал сильно пить. Но его старший отец продолжал молиться пять раз в день, постился во время месяца Рамазан и воздерживался от спиртного.

Однажды что-то произошло в сознании Абдессалама, и он решил полностью изменить свою жизнь. Надо ли говорить, как была рада этому его жена-христианка.

Сам Ибрагим сказал нам, что решил вернуться в Марокко. “Аллах помог мне освободиться от страха перед людьми, особенно после моего паломничества в Мекку, – сказал он. – Меня больше не беспокоит, что думают обо мне другие люди”. Его сын добавил, что многие эмигранты-мусульмане приходят к его отцу за советом. “Я чувствую, что мое земное время приближается к концу, – продолжал Ибрагим. – Моя жена умерла в Марокко. Я хочу вернуться домой, в мою страну, к моей дочери. Я не хочу стать здесь обузой для других. Я думаю, что смогу обойтись в Рабате теми деньгами, которые накопил в Дании”.

Осенью 1957 года, когда Измаил и я еще жили в нашем доме в Рабате, мы познакомились с одним алжирским писателем, глубоко образованным человеком по имени Махмуд, который жил с семьей в сельской местности около Марракеша, недалеко от гор Атласа. Махмуд был известной фигурой в алжирском национально-освободительном движении; он вернулся в Марокко после тюремного заключения во Франции, где его подвергали различным издевательствам. Тем не менее у него не было чувства горечи и обиды по отношению к французам. Часто мы совершали с ним длительные поездки на “ситроене”. Махмуд обычно сидел впереди и полностью был поглощен чтением Корана, который лежал у него на коленях, не обращая никакого внимания на пейзаж за окном машины.

Когда освободительная война против Франции начала приближаться к победному концу, представители некоторых фракций национального движения стали смотреть на Махмуда – опытного журналиста, а в прошлом – главного редактора и уважаемого всеми духовного лидера – как на потенциального политического соперника. Было известно также, что Махмуд бывал в Ко и работал над объединением различных групп и течений своего народа.

Однажды утром в большом волнении нам позвонили близкие Махмуда и сообщили, что он пропал. Его позвали ночью к телефону, к соседям, а обратно он не вернулся. Мы немед-

ленно сели в машину и проехали одним махом 400 км до Марракеша, но там не было никаких следов.

Через несколько месяцев мы узнали, что же случилось той ночью. Махмуда похитили, когда он шел к соседскому телефону. В первый день его заперли на пустой ферме, а потом перевезли в тюрьму в городе Уджде.

Через шесть месяцев с помощью других заключенных Махмуд бежал. Ему удалось попасть в Касабланку и разыскать кое-кого из друзей. Но оказалось, что к тому времени многие из его прежних знакомых изменили свою политическую ориентацию и перешли в другую фракцию. В конце концов Махмуду удалось найти друзей, у которых были связи с администрацией в Рабате, и он получил защиту.

Мои мусульманские друзья разрушили предубеждение по отношению к исламу, которое было у меня в то время, как и у многих других христиан. Действительно, встречаются мусульмане-фанатики, но бывают и христиане-фанатики, которые отказываются вступать в диалог с мусульманами. “Тот образ жизни, который ведут европейцы, заявляет о себе столь громко, что мы не можем расслышать, что же именно они говорят”, – сказал мне однажды один африканец.

В Марракеше я встретился с английским миссионером, у него была небольшая церковь в подвальном помещении. Его отец работал здесь до него в течение 40 лет, и ему не удалось обратить в христианство ни одного мусульманина. Но когда начались кровавые преследования европейцев, около сотни арабов поставили на карту собственную жизнь, чтобы спасти этого миссионера.

Двадцать лет спустя папа Иоанн Павел II совершил свое первое путешествие в Африку и встретился в Касабланке с тысячами студентов. Я слушал его выступления, поскольку мне было интересно знать, как он будет вести свою проповедь в мусульманских и протестантских странах, а также в странах с марксистской идеологией. Я был поражен тем, что в каждую из этих стран он прибывал как гость, с глубоким уважением к этой стране. Прежде всего, он пытался найти то, что объединяет его с ее жителями: в мусульманской стране – вера в Бога, в марксистских государствах – стремление к справедливому обществу; после этого он объяснял, где именно

возможны совместные действия. Наконец, он говорил о своей вере и своей миссии как служителя Христа и пастыря Католической церкви. Он не умалял своей веры, но показывал, что каждый из нас может оставаться тем, кем он является, если наше сердце открыто для других людей и мы относимся к ним без малейших претензий.

Последние два месяца, проведенные в Марокко, я оставался здесь единственным членом нашей прежней группы. Я жил в Марракеше с семьей Шавана и учился быть готовым к любой неожиданности. В какой-то момент я выполнял даже функции няни трех детей, когда их родители отлучались из дома. Младший из этих детей был еще в пеленках. После ужина старшие дети садились на диван и требовали, чтобы я рассказывал им разные истории. Я пытался изо всех сил вспомнить то, что слышал в детстве. Наибольшим успехом пользовалась история Топелиуса о березе и звезде: в ней рассказывалось о том, как оставшиеся сиротами брат и сестра спасались бегством из Сибири и как они добрались до Финляндии.

15. Вожди и другие жители Аляски

Летом 1959 года у меня появилась возможность отправиться в Северную Америку. Некоторые финские политики решили принять участие в конференции, которую Бухман организовал на одном из островов (Мейкинек) на Великих Озерах. Я поехал туда как переводчик, а потом задержался там на некоторое время. Путешествие, запланированное на несколько недель, в конце концов растянулось на целых два года.

Это был нелегкий, но полезный опыт. Как и у многих жителей Северной Европы, бессознательно у меня сложилось высокомерное отношение к американцам. Я считал их поверхностными и хвастливыми и не любил их проповедников, которые больше похожи на кинозвезд, борющихся за наши души. Известно, что они мало интересуются литературой, кроме того, у них бывают конфликты на расовой почве. Не составляло никакого труда каждый день по-новому убеждаться в этом.

Однако через несколько месяцев мне пришло в голову, что я просто глупец. Я приехал в великую страну и неспособен узнать о ней ничего нового, потому что уверен, что уже знаю о ней все. Я решил отбросить то, что думал и чувствовал раньше по отношению к Соединенным Штатам, и попытаться на самом деле использовать все те возможности, которые мне представились, – от самого лучшего и до самого худшего.

Да, здесь были расовые проблемы, нищета, культ доллара, – но здесь же была готовность к риску, которой могли поучиться мы, представители скандинавских стран, придающие слишком большое значение фактору безопасности. Я рассказал одному шведу об американце, который вложил все свои деньги в одно деловое предприятие, поставив на карту свою репутацию и все свое будущее, – и достиг успеха. “С теми ресурсами, которые есть у этих американцев, это все

ничего не значит”, – отрезал швед. “Да, но на первом этапе у него не было столько денег, сколько у вас”, – ответил ему я.

Здесь были также коренные жители Америки, которые к тому времени стали головной болью для белой администрации. Белые пытались загладить ошибки, совершенные по отношению к ним в прошлом, при помощи доллара, но проблема была намного глубже. Сами по себе деньги не могут избавить от чувства безнадежности, возникшего у местных жителей после их изгнания из родных мест. Широкое распространение среди них получил алкоголизм.

Многие племена были представлены на конференции на острове Мейкинек. Я подружился с одной семьей. Жена беспокоилась, что ее муж день за днем сидит совершенно неподвижно на берегу большого озера и смотрит вдаль. Разумеется в работе конференции он не участвовал. Она спросила, не мог бы я как-то отвлечь его от этого бесцельного созерцания.

Однажды мы завтракали вместе. Я спросил, чего бы он больше всего желал своему сыну. “Войны”, – кратко ответил он. Пытаясь оживить разговор, я поинтересовался, не имеет ли он в виду войну против всего, что есть несправедливого в этом мире, или того, что привело к вырождению его народа. Он покачал головой, не меняя выражения лица. “Я участвовал во второй мировой войне. Я участвовал в войне в Корее. Война, – это было здорово”. Итак, он имел в виду, что война по-настоящему испытывает человека. Для него величие народа было в прошлом.

Но встречались и коренные американцы, преодолевшие эти чувства. В течение примерно десяти лет вождь индейского племени “Бродячие Бизоны” в Канаде принимал участие в некоторых акциях MRA и в Северной Америке, и в Европе; я тоже был вовлечен в эту работу. Частью парадной одежды вождя был головной убор с двумя гигантскими рогами бизона. В свои 96 лет он все еще ездил верхом, и без очков мог настрелять много дичи.

За несколько лет до его смерти я провел с ним вечер в Дортмунде, в Германии; с нами было еще несколько человек. Он хотел поделиться с собравшимися тем, что ему удалось узнать за свою жизнь. “Я не хотел бы оскорбить кого-нибудь, – сказал он, – но белые завели мир в темноту и навязали всем народам свои законы и правила”.

Он никого не упрекал и не испытывал жалости к самому себе, но верил, что его народ должен жить иначе. “Во время своих путешествий я понял, сколь много у меня грехов, – сказал он. – Я думал раньше, что являюсь хорошим примером, но постепенно начал понимать, что лицемерил. Ведь Бог дал мне понимание, что такое сила духа. У нас, людей, этой силы явно не хватает. Мы никогда на самом деле ее не используем. Где бы мы ни были, с какими бы из Его творений мы ни встречались, – всегда мы должны следовать Богу. И когда мы поступаем так, всякий страх, замешательство, тревога – все исчезает из нашего сознания. Вот что я хотел бы оставить вам в завещание”.

Такая вера – пример самого лучшего, что я увидел в Северной Америке.

Поздней осенью 1959 года я сидел рядом с Микко Асунтой, – фермером, поэтом и членом парламента от центральной Финляндии, – в маленьком, рассчитанном на трех пассажиров самолете, летевшем с острова Мейкинек в Вашингтон. Буря помешала полетам рейсовых самолетов, поэтому мы приняли предложение одного местного пилота. Самолет летел очень низко над землей, то поднимаясь над холмами, то снова снижаясь, при этом его очень сильно болтало. Мое лицо скоро стало пепельно-серого цвета, и я без конца пользовался специальными мешочками.

Асунта, казалось, ничего подобного не испытывал. Он с большим энтузиазмом подсчитывал количество коров на фермах, над которыми мы пролетали. Когда стало темно, пилот сбился с курса, запас топлива начал подходить к концу. К этому времени Асунта также понял, что ситуация довольно рискованная. Мощным басом он начал петь финский гимн: “Капитан, буря очень сильна, волны огромны, небо темно, – может ли что-нибудь спасти нас?”. “Я обычно пел эту песню во время Зимней войны, когда дела шли совсем уж плохо”, – сказал он.

Асунта был настоящий финский фермер, упрямый и упорный, заслуживающий полного доверия в любых обстоятельствах. Во время войны вместе со своим другом он спас свой батальон в самый критический момент. Его сразу же произвели тогда в офицеры.

Паули Снеллман и я встретились с Асунтой в финском парламенте несколько лет назад и пригласили его приехать в Ко. Асунта окончил только три класса начальной школы и испытывал чувство неполноценности, особенно в присутствии людей с высшим образованием и самоуверенных иностранцев. В Ко он осознал, что истинная мудрость в политической жизни основывается вовсе не на IQ или хорошо сданных экзаменах. Он начал понимать, что может помочь кое в чем там, где этого не мог бы сделать кто-либо другой. Результатом этой новой уверенности в себе стало то, что, будучи всего лишь “необразованным” членом консервативной группы в парламенте, в конце концов он стал председателем парламента.

Был ли Асунта мудрым в дипломатических отношениях, – это, видимо, совершенно иной вопрос. Когда он выступил против визита Хрущева в северные страны, в финской прессе поднялся большой шум, и крупнейшая коммунистическая газета напечатала на первой странице карикатуру, на которой Асунта был изображен в виде огромного быка, извергающего пар.

Асунта был патриотом своей страны. После конференции на Мейкинеке мы вместе с ним путешествовали много недель по разным городам восточного побережья. И повсюду нам задавали вопрос: “А что, Финляндия все еще свободная страна?”

Во время этой конференции один из ее английских участников, Роджер Хикс, написал “манифест”, озаглавленный “Идеология и сосуществование”. В нем он попытался объяснить американцам проблемы, связанные с холодной войной. Основное внимание в манифесте было уделено моральным ценностям; в нем подвергались критике самодовольный материализм и политическая и нравственная слепота Северной Америки и всего свободного мира. Окончательный выбор, настаивал Хикс, должен быть сделан не между политическими системами, а между отдельными людьми внутри каждого общества, – теми, кто живет во имя Бога, и теми, кто выступает против Него. Люди, которые живут только ради себя и собственного успеха, всегда могут быть использованы воинствующими политиками в самых разных целях.

Это был период, когда Хрущев швырнул свой ботинок на стол в зале ООН в Нью-Йорке, когда он угрожал, что в один

прекрасный день Советы похоронят американцев. Картина мира, широко распространенная в то время среди американцев, выглядела крайне схематично: с одной стороны, зло и пороки коммунизма, с другой – американская свобода. К тому же, они не всегда были безупречны в выборе средств, призванных способствовать успеху демократии.

Манифест Хикса был опубликован, и группа американцев решила попытаться донести его до каждого дома Северной Америки. Группы в Европе, Японии и Австралии последовали их примеру, то же было и в Финляндии. В течение года 88 миллионов семей получили буклет с этим манифестом. В Соединенных Штатах этот проект помог привлечь внимание людей к тому факту, что подлинную опасность представляет собой не столько коммунизм, сколько материализм. Но в Европе и не в меньшей степени в Финляндии постепенно стало очевидным, что послание такого рода должно быть написано другими словами.

Поскольку я прибыл из страны, которая имела некоторый опыт “контактов” с коммунизмом, американцы просили меня принять участие в распространении этого буклета. Сначала я вместе с несколькими сотнями других людей отправился в центр сталелитейной промышленности – Питтсбург. Мы показали здесь представление на индустриальную тему и доставили буклет в каждый дом этого региона. Затем я поехал на остров Ньюфаундленд, чтобы, продвигаясь с востока на запад, способствовать координации наших действий в Канаде. Наша деятельность широко освещалась в прессе, однако у нее нашлись и яростные оппоненты. Идеологический климат в Канаде был более жестким, чем в США, и во многих промышленных районах классовая борьба была весьма ожесточенной.

Следующим летом я вернулся на остров Мейкинек с несколькими канадскими администраторами и рабочими. Там я подружился с Стэном Алленом, бизнесменом из Лос-Анджелеса, который долгое время работал в компании “Боинг” в Сиэтле, но затем поссорился с руководством. Однажды он признался мне, что действовал неправильно, особенно по отношению к одному из главных администраторов. “Не хотите ли вы поехать со мной и помочь разобраться в той путанице, которую я породил? – спросил он. – Я оплачу ваш билет. Я

хотел бы начать все сначала”. Моя работа в Канаде была закончена, и я согласился.

Через несколько дней мы пришли в контору администратора главного управления компании “Боинг” в Сиэтле. Стэн сглотнул слюну, а затем просто попросил прощения за те неприятности, которые он доставил. Когда мы ушли из конторы, он чувствовал себя легко, был почти счастлив. Он понял, что начался новый этап его жизни и что теперь он может со всем энтузиазмом заняться выращиванием лимонов на ферме, которую купил в Калифорнии.

Я остановился в Сиэтле – очень динамичном городе с ярко выраженным нордическим и, прежде всего, норвежским колоритом. На рыболовецких судах в порту повсюду была слышна норвежская речь. Среди моих хозяев был Арне Гелотте, инженер компании “Боинг”, предками которого были шведы. Я жил вместе с Херби Алленом, до выхода на пенсию работавшим в страховой компании, и его маленькой жизнерадостной женой Дот в несколько обветшалом домике, выделенном нам для работы.

Однажды Арне пришел к нам. “Мы должны донести манифест до каждого дома в Орегоне, штате Вашингтон и на Аляске, – сказал он. – Не хотите ли вы участвовать в этом деле?”. И добавил: “Я не знаю, как мы будем все это финансировать. Но я отдал месячную зарплату, чтобы запустить этот процесс”. Хотя мы жили и работали в США, среди людей, помогавших нам, было мало богатых. Учитель музыки в Портленде, штат Орегон, отдал нам полученное им наследство, агент по продаже автомобилей – подержанную машину. Херби пожертвовал все свои сбережения. Помогла и вдова первого после войны американского посла в Финляндии.

Реакция на наш буклет в штате Вашингтон была значительной. Несколько тысяч людей написали нам, что они хотели бы получить дополнительную информацию. Среди них был Джон Сейр, мастер по гребле, получивший золотую медаль на Олимпийских играх в Риме. Он был кумиром в спорте, образцом преуспевающего американца, он вызывал всеобщее восхищение. Но, хотя внешне все выглядело замечательно, в семейной жизни он был несчастен.

Я встречался с Джоном почти каждый день. Однажды он рассказал о своих мучениях, о том, чем он занимался во вре-

мя “неофициальной” части Олимпийских игр и обо всем, что он скрывал, надеясь, что его жена ничего не узнает. Но, разумеется, у нее были подозрения: никто ни в Америке, ни в любой другой стране не может одурачить женщину в таких вещах. Однажды мы были вместе в спокойной обстановке. У Джона возникло сильное желание рассказать жене обо всем, ничего не утаивая, и попросить у нее прощения. Это был только первый шаг, а в результате они вместе до сих пор.

Джон пришел к убеждению, что он и три других члена его команды, завоевавшей золотую медаль, должны предложить американской молодежи новый стиль жизни. Расти, Дэн и Тед тоже были достаточно яркими личностями. Мой норвежский коллега и я встречались с ними по несколько раз в неделю, и вместе мы предпринимали длительные вылазки на природу.

В течение полугода они близко сошлись друг с другом, создав команду нового типа. Я поехал с ними на собрание в огромном театре компании “XX век Фокс” в Сан-Франциско. Гул поднялся в зале, когда в конце вечера на трибуну вышли четыре рослых человека и стали говорить о своих убеждениях. Сенсацией стало то, что Джон и Расти вместе с женами позже решили закончить свою спортивную карьеру и посвятить все свое время работе в MRA.

Наконец, был назначен день рассылки буклетов по Аляске. В этом штате у нас не было ни группы поддержки, ни каких-либо значительных контактов. У Арне был брат в одном из маленьких городков этого штата, поэтому координационная группа в Нью-Йорке предложила нам отправиться туда. Арне удалось найти денег на билет, у меня же денег почти не было.

Мы пытались найти контактного человека, который мог бы нам начать работу в крупнейшем городе штата – Анкоридже. Один друг вспомнил о банкире, который был на приеме, устроенном MRA много лет назад. Если бы нам удалось его найти, это было бы неплохим стартом. Мы решили заказать билеты в Анкоридж и молились каждый день, чтобы Бог помог нам найти деньги, в которых мы так нуждались. Вечером, накануне нашего отлета, я косил траву на лужайке; внезапно в наш двор въехала машина, в которой сидела незнакомая старая леди. “Я была по соседству от вас, – сказала она, – и мне очень интересно узнать, чем вы сейчас

занимаетесь”. Я сообщил ей некоторые новости, а также то, что мы с Арне собираемся на следующий день на Аляску, однако я ничего не сказал о нашем трудном финансовом положении. “А есть ли у вас деньги на эту поездку?” – неожиданно спросила она. “Пока что только для одного из нас”, – ответил я. “Позвольте же мне заплатить за другого!” – предложила она.

На следующий день мы летели над величественным Юконом, о котором я читал в детстве у Джека Лондона. В тот же вечер мы открыли телефонную книгу в нашей дешевой гостинице и нашли там имя человека, о котором мы слышали когда-то. “Я сейчас найду к вам”, – сказал он. Это был вице-президент банка “Матануска Вэлли”. Он ни разу не перебил нас, пока мы рассказывали, почему мы оказались здесь, а затем, помолчав немного, спросил: “Когда же мы начнем? Что вы думаете о восьми утра?”

Наш новый друг сразу же повел нас к главным редакторам двух крупнейших газет, на телевидение и к руководителям нескольких компаний. На улице мы встретили одного человека. У него было открытое лицо, он был одет в клетчатую фланелевую рубашку и тяжелые ботинки и прогуливался явно в свое удовольствие. Живи он лет сто назад, он вполне мог бы сойти за золотоискателя. “Расскажите моему другу, почему вы оказались здесь”, – предложил нам банкир. “Кто же это был?” – спросили мы, когда пошли дальше. – “Разве я забыл вам сказать? Это был президент Верховного суда Аляски”.

Потом банкир попросил нас отправиться в Фэрбэнкс в центральной части Аляски и продолжить работу там. Этот город построен на вечной мерзлоте, недалеко от самой высокой горы в Америке – величественного пика Мак-Кинли. Банкир сам организовал для нас все необходимые встречи. Ежедневная газета взяла у нас интервью и напечатала на первой странице наши фотографии. Статья заканчивалась словами о том, что я, “видный политический деятель”, возвращаюсь в Финляндию, “за железный занавес”. Очевидно, что я так и не смог убедить редактора в том, что Финляндия – демократическая страна.

Президент университета в Фэрбэнксе пригласил нас на ланч. Он ужасно гордился тем, что возглавляет “самый север-

ный университет в мире”. Я заметил, что Финляндия могла бы побить этот рекорд. “Это невозможно, – сказал он. – Давайте посмотрим на карту”. Когда я показал ему, где находится университет Улу, на его лице отразилось ужасное разочарование. И зачем только я настаивал на этой детали, чтобы доказать свою правоту? Позже я ужасно ругал себя за это.

Банкир устроил нам также посещение маленькой столицы края, Юно, расположенной в совершенно глухом месте. Туда не было никакой дороги. Прямо на краю города начинался могучий ледник. Повсюду можно было видеть следы закрытых шахт для добычи золота. Нас тепло принял губернатор Аляски Вильям Эган. Он рассказал, что 150 лет назад, в те времена, когда и Аляска, и Финляндия входили в состав Российской империи, два губернатора Аляски были финнами. В 1793 г. группа монахов под руководством архимандрита Иоасафа Болотова пришла из Валаамского и Коневского монастырей, расположенных на Ладожском озере, и основала на Аляске церковь. В течение одного только года на острове Кадьяк приняли крещение 7000 человек. Десятая часть населения Аляски в наше время принадлежит к православной церкви, большинство из них – инуиты. Один финн построил на Аляске первую лютеранскую часовню.

Через несколько дней мы отправились самолетом обратно на юг и летели ночью над Юконом. Погода была ясной, но внизу под нами царила полная темнота: за час полета мы только один раз увидели небольшую полоску света. Жизнь здесь почти не изменилась со времен Джека Лондона.

Я носился по своим делам между Квебеком и Майами, Фэрбэнксом и Сан-Диего. Однажды Дот позвонила мне в южный Орегон из своего дома в Сиэтле. Оказалось, что Херби скончался внезапно от сердечного приступа. Их сын был в Италии, поэтому она спрашивала, не мог бы я приехать и помочь с похоронами?

Перед похоронами пришла телеграмма от двух старых леди из Лос-Анджелеса, в которой они просили меня купить цветов на такую сумму, которая показалась мне чрезмерной. Но я подумал, что нахожусь в Америке, где люди думают по-другому. Я заметил, что хозяйка магазина, видимо, тоже была несколько удивлена той суммой, которую я назвал, но обе-

щала прислать цветы прямо в ритуальный зал. В день похорон у подножья гроба возвышался гигантский букет в человеческий рост. Через несколько недель леди прислали деньги за цветы, и это была ровно одна десятая часть той суммы, которая была указана в телеграмме. Очевидно, эта щедрость была проявлена служащими телеграфной компании, которые добавили к указанной сумме еще один ноль.

После того как церемония похорон осталась позади, в доме Дот появилась весьма колоритная группа гостей. Я подумал, что Дот захочет, чтобы после кофе мы исполнили методистские гимны. Но оказалось, что это совсем не так. “Я думаю, что сегодня вечером мы споем народные песни, которые Херби любил больше всего”, – сказала она. И все начали петь американские народные песни под мой убогий аккомпанемент. Херби был хорошим слушателем и очень любил людей; многие гости рассказывали, что встреча с ним побудила их к упорным поискам веры, и они сумели впоследствии сохранить ее. Конечно, такие поминки шокировали бы многих в моей стране, но мне редко приходилось бывать в такой удивительной атмосфере, как той ночью.

16. Обстановка накаляется

В конце 50-х годов ситуация в Финляндии была сложной. Советский Союз пытался влиять на нашу внутреннюю и внешнюю политику, тогда как мы всячески старались сохранять нейтралитет. После войны мы подписали с СССР договор о дружбе и взаимопомощи, и в нем был пункт о военных отношениях, который можно было толковать по-разному, в том числе и в опасном для нас смысле. Неудивительно, что на Западе часто высказывались сомнения в том, что Финляндия истинно независима.

И Паасикиви, и Кекконен, ставший президентом после него, основывали свою политику на реальности нашей общей 1500-километровой границы с Советским Союзом и на том факте, что в случае конфликта нам не придется рассчитывать на поддержку Запада. В 1944 г., когда Паасикиви подписал в Москве перемирие, он встретился с маршалом Тимошенко, командующим Карельской армией. Тимошенко заметил, что во время войны финская армия была лучшей в мире. Паасикиви остроумно ответил, что это просто замечательно, раз оба они имеют одно и то же мнение. “Но у нее был один недостаток, – добавил Тимошенко, – она была слишком маленькой!”.

Кекконен ловко маневрировал, проводя Финляндию через опасные ловушки, и балансировал на грани, пытаясь поддерживать хорошие отношения с Советским Союзом и в то же время сохранить нашу независимость и приверженность демократическим идеалам. Непримируемая, бескомпромиссная политика была бы для нас катастрофой. В то же время президент сильно злоупотреблял своей властью, и это способствовало развитию раболепия в его окружении. Контраст между стилем правления Кекконена и Паасикиви был просто поразителен.

В этой сложной ситуации решение присоединиться к единой инициативе северных стран и разослать в каждый финский дом манифест “Идеология и сосуществование” было весь-

ма дерзким. Поступая таким образом, мы показывали, что не являемся частью Советского блока. Неудивительно, что наша деятельность вызвала в то время много шума. Сам факт, что буклет был распространен столь быстро, – в один день он появился во всех странах Северной Европы, – крайне удивил Москву. Очевидно, что там были сильно обеспокоены любой идеологической инициативой, исходящей от Запада.

Эхо этой акции вскоре достигло и меня, хотя я был за границей. Реакция советского посольства в Хельсинки была бурной. Оно заявило, что распространение буклета является “недружественным” актом, направленным против Советского Союза. Это издание обсуждалось кабинетом министров. На пресс-фото премьер-министр Сукселейнен сидел у лакированного столика, на котором лежала “Идеология и сосуществование”, а рядом с мрачными лицами стояли члены общества финско-советской дружбы. Предполагалось даже начать официальное судебное разбирательство деятельности MRA в Финляндии, но Сукселейнену, который сам однажды побывал в Ко, удалось предотвратить эту опасность.

Вейно Таннер, старейшина финского кооперативного движения, помог группе, проводившей эту кампанию, и буклет был изготовлен на печатных станках, которые принадлежали этому движению. Во время войны Таннер входил в кабинет министров Финляндии, а после ее завершения ему пришлось заниматься очень сложными проблемами, поэтому на него не действовали никакие крики и протесты.

Художник Леннарт Сегерстрале, специалист по фресковой живописи, который возглавлял финский филиал MRA, и раньше высказывал серьезные сомнения в отношении этой акции, поскольку Финляндия оставалась изолированной в политическом отношении. Он понимал также, что этот памфлет довольно поверхностен, – в нем материализм, присущий коммунистической идеологии, подчеркивался гораздо сильнее, чем материализм “государства всеобщего благосостояния”; кроме того, слишком большое значение придавалось в нем политическому, а не духовному выбору. Он видел, что манифест продиктован не столько стремлением дать отпор материализму во всех его формах, сколько страхом перед коммунизмом.

Сегодня очевидно, что опасения Сегерстрале были оправданы. Так, в буклете приводилось заявление одного амери-

канского адмирала: “Америка должна сделать выбор между нравственным перевооружением и коммунизмом”. Это не означало, что речь идет о выборе между двумя организациями – MRA и коммунистической партией, – подразумевался выбор между двумя образами жизни. Однако это можно было не понять, и особенно потому, что в буклете слишком много внимания уделялось стратегии и тактике коммунизма.

В то же время Сегерстрале осознавал, что мы в Финляндии легко можем утратить понимание четкой границы между существующим добром и злом, если будем думать только о том, чтобы нас оставил в покое могучий восточный сосед. Некоторые вообще не видели разницы между западной демократией и восточным тоталитаризмом. Они настаивали на том, что именно США представляют собой самую большую угрозу для мира во всем мире.

Поэтому после некоторых колебаний Сегерстрале все же решил не противодействовать публикации в Финляндии манифеста “Идеология и сосуществование”. Когда разразился скандал, он взял на себя ответственность перед обществом и стал защищать эту акцию. После этого президент отказался от решения вручить художнику награду, которую он вот-вот должен был получить за свои достижения в области изобразительного искусства.

Вскоре я вернулся в Финляндию и начал тесно сотрудничать с Леннартом Сегерстрале. Для него это были тяжелые годы. Он вынужден был пережить непонимание, его намерения часто толковались превратно. Он научил меня ставить на первое место интересы страны и других людей, а не собственную репутацию и безопасность.

Я знал Леннарта еще со студенческих времен и часто наблюдал, как он работает над своими огромными церковными фресками. Однажды я пришел в церковь в Варкаусе, в Восточной Финляндии, которая была разрушена во время войны и находилась в стадии реконструкции. Леннарт работал над фресками для алтаря площадью 240 квадратных метров, высотой с четырехэтажный дом. Чтобы перемещаться вдоль стены, он пользовался лесами, передвигающимися по железнодорожным рельсам. Он только что приостановил на время свою работу под потолком и разговаривал с женщиной, пришедшей попросить его о помощи.

Обычно, когда художник работает в церкви, дверь закрывают, но Леннарт хотел, чтобы его работа стала частью городской жизни, как это было в старые времена в Италии. Если роспись фрески прервать хотя бы на несколько часов, приходится переделывать заново весь фрагмент, но он все равно был готов к тому, что может понадобиться кому-нибудь, как, например, этой женщине. Через сорок лет старые люди в Варкаусе все еще рассказывали о том, как работа Леннарта благотворно повлияла на духовную жизнь города и помогла преодолеть недоразумения в отношениях между людьми разных классов.

Можно понять, почему некоторые люди, близкие к Леннарту, считали, что его христианские обязанности отнимают у него слишком много времени: “Представьте себе, сколько он мог бы сделать, если бы целиком посвятил себя искусству!”. Леннарт как-то сказал мне, что эти люди не могут уловить, что же является самым главным источником его вдохновения. В Леннарте сочетались самоотверженность и бескорыстие, качества, весьма отличные от стремления к самореализации; именно поэтому многие хотели работать вместе с ним.

Леннарт и его сын Ульф участвовали в работе конференции “Оксфордской группы” в Ауланко в январе 1939 года. Это оказалось поворотным пунктом для них обоих. Ульф, который был, по-видимому, еще более талантлив, чем Леннарт, погиб на Карельском перешейке в тот же день, когда меня с травмой забрали на пункт скорой помощи. Короткая, но яркая жизнь сына и его вера побудили Леннарта никогда не вступать в компромисс с своими убеждениями. Ему пришлось пережить очень много горя, поскольку второй его сын также трагически погиб в мирное время (утонул).

В Ауланко произошло примирение многих людей, враждовавших друг с другом со времен гражданской войны. Эта конференция послужила толчком к объединению страны перед предстоящей катастрофой. Когда Сегерстрале закончил свою фреску для столовой в Ко, он сказал, что это его благодарность за то, что сделали для Финляндии “Оксфордская группа” и MRA.

Сегерстрале проявлял большую щедрость в отношении различных инициатив MRA. Например, в конце 50-х годов он отдал весь гонорар за большую работу в Лапландии (это была примерно половина его годового дохода) группе кений-

цев, собиравших деньги для дублирования на суахили фильма “Свобода”. Этот фильм, сценарий которого был написан африканцами и роли в котором исполняли также артисты из Африки, был посвящен борьбе за независимость от колониального владычества, а также освобождению от чувства ненависти и мести. По инициативе Джомо Кениатта, впоследствии ставшего первым президентом Кении, накануне провозглашения независимости этот фильм был показан по всей стране. Когда я в 1991 году посетил Кению, бывший партизан Мау-Мау, который участвовал в работе над дублированием фильма, попросил меня передать семье Сегерстрале письмо с благодарностью за тот вклад, который он внес в “прекращение волны насилия” в его стране.

В конце лета 1961 года, вскоре после моего возвращения в Европу, в маленьком городке Фройденштадт в Шварцвальде умер Фрэнк Бухман. Именно здесь в 1938 году к нему пришло озарение: он понял, что единственной реальной альтернативой вооружению, которое вскоре привело ко второй мировой войне, является всеобщая мобилизация нравственных и духовных ресурсов человечества с целью реформирования общества.

Смерть Фрэнка Бухмана не была неожиданной. Он был очень слаб, ему было 83 года. Но все равно это был тяжелый удар. Хотя никто из нас не собирался возводить его на пьедестал, тем не менее, именно он был инициатором и центральной фигурой огромного и все расширявшегося дела. В Бухмане было что-то от настоящего художника. Он редко выступал на митингах, но умел глубоко чувствовать, чего можно ждать от того или иного человека, сколь бы он ни был сложен. Он ощущал преобразующую силу Бога, и это позволяло ему предвидеть, что может случиться с другими людьми, когда та же сила пробудится в них самих. Он умел рисковать, и это привлекало к нему людей. Никогда он не пытался манипулировать кем-то или привязывать людей к себе.

После второй мировой войны, когда Фрэнк Бухман работал над задачей объединения немцев и французов, он указывал, что основывает свою деятельность на “полном послании Иисуса Христа”. Христос для него был даром всему человечеству. Христос пришел в мир не для того, чтобы его организация пополнилась новыми членами. Призыв, который получил

Фрэнк Бухман, – “переделать мир”, – это было задачей для людей разных вероисповеданий, а не только для христиан.

Бухман надеялся, что после его смерти кто-нибудь возьмет на себя руководство MRA. Но наше движение было все же относительно молодым, и до сих пор не нашлось такой группы, которая могла бы взять на себя всю полноту ответственности за него. К счастью, Питер Говард оказался способным взвалить это на свои плечи на некоторое время, однако и он неожиданно умер через четыре года в Перу. Все это создало огромные трудности для работы MRA во всем мире.

Перед смертью Фрэнк Бухман договорился с тайваньским генералом Хо Йинг-Чинем, бывшим премьер-министром Китая и главнокомандующим армии Чан Кай-ши, принять для обучения навыкам совместной работы несколько сотен китайских студентов. Идея состояла в том, чтобы китайцы путешествовали по Европе со своим спектаклем “Дракон” и учились на собственном опыте.

Когда молодые китайцы переезжали из города в город, им приходилось встречаться с значительным противостоянием, особенно в Дании и Норвегии. Политический климат того времени был таков, что многие европейские политики смотрели на Тайвань как на некую обузу. Они боялись проявлять дружеские чувства к этому маленькому государству, отколовшемуся от метрополии, и навлечь на себя тем самым гнев со стороны Пекина.

Само по себе представление было, прежде всего, выражением национальных чувств самих актеров, а не их реакцией на материалистическую идеологию, и молодые китайцы были, по-видимому, больше заинтересованы в том, чтобы приобрести союзников для Тайваня, чем в том, чтобы самим научиться чему-то новому.

Стало ясно, что неразумно приглашать китайцев в Финляндию, учитывая существовавшую в то время ситуацию. Паули и я имели столкновение в Бонне с одним из британских “хозяев”, принимавших китайцев; он хотел заставить нас пригласить в Финляндию всю китайскую делегацию. Вероятно, он был очень озабочен тем, чтобы помочь им выполнить свою программу. Он решительно осуждал наши сомнения, считая, что они продиктованы лишь желанием умиротворить русских, и успокоился только тогда, когда британский ми-

нистр иностранных дел также высказался против этого мероприятия. В порядке компромисса Паули и я заказали чартерных авиарейса, чтобы позволить финнам попасть на представления в Стокгольмской ратуше, и многие члены нашего парламента воспользовались этой возможностью.

Ретроспективно боннский эпизод можно рассматривать как знак того, что отношения, сложившиеся между членами кружка Бухмана, не всегда были такими, какими они должны были быть. Когда верх берет неуверенность, человек утрачивает контроль над собой.

Когда “Дракон” достиг Дании, последнего пункта своего турне по Северной Европе, весь актерский состав прошел парадом по центру Копенгагена. Один из ветеранов социал-демократической партии шел впереди в сопровождении знаменосцев. Я нес финский флаг. Далее следовал гигантский пластмассовый дракон ядовитого зеленого цвета, извивавшийся во все стороны во время движения по улицам.

В то время, если вы стремились с наименьшими усилиями осуществить свои духовные и нравственные цели, было разумно общаться с людьми в церковных стенах. Едва представление прибыло в Данию, хорошо организованные группы начали саботировать его показы, взрывая бомбы со зловонным газом и запуская в зал мышей. Полиция проявила при этом полную беспомощность. Информация о китайцах оказалась среди новостей о сенсациях и скандалах. В конце концов, чтобы защитить их, пришлось однажды утром потихоньку выслать их из страны, а остальные представления просто отменить.

Вскоре я опять был в Дании, и атмосфера здесь была тягостной. Наша акция не удалась, потерпела фиаско, и мы должны были подумать, что же делать дальше. Тем временем группа молодых скандинавов летом 1962 года организовала встречу представителей северноевропейских стран в Швеции. В ней принял участие Бенгт Джонзон, бывший епископ шведской Лапландии. “Никогда я не был на конференции, где так много людей посвятили свою жизнь Богу и решили отказаться от своей карьеры, чтобы пойти в бой против хаоса современной жизни”, – говорил он впоследствии.

Во время конференции один молодой швед закончил пьесу под названием “Ветер перемен”, в которой проповедовалась

твердая позиция в отношении моральных ценностей, – в отличие от той, что была характерна для многих церковных людей в 60-е годы. Драматург проводил мысль о том, что абсолютные моральные ценности служат источником жизненной силы общества. У Бога есть свой промысел в отношении каждого народа, так же как и в отношении отдельного человека. Около 60 скандинавов проехали с этой пьесой не менее 10000 км, от Киркенеса на Арктическом побережье до Южной Дании, Великобритании, Швейцарии, Германии и Люксембурга.

В этой акции участвовали, в основном, молодые люди, однако в какой-то мере в ней были представлены все возрастные группы. Так, здесь был мой товарищ по Марокко Гуннар Визельгрэн и его жена Инга, певица. Участвовал также Пертти Кайанне, экономист из Тампере, который много путешествовал по линии MRA.

Самым старым участником был Бенгт Джонзон. Когда после второй мировой войны шведское правительство пыталось умиротворить Москву, депортировав массу беженцев из Балтийских стран и подвергая их тем самым суровым испытаниям в Советском Союзе, Джонзон был единственным церковным лидером, который выступил против этого. Когда он в первый раз прибыл в Ко, его вера и религиозное рвение были абсолютно очевидны. Что же еще он мог бы найти здесь? Один американский священнослужитель призвал его думать не столько о церкви, сколько о народе. Джонзон принял это предложение и стал устанавливать контакты между церковью и рабочим движением, чего не делал до него ни один шведский епископ.

Джонзон считал Финляндию своей “второй родиной”. Молодым священником он служил в Восточной Финляндии в период движения за возрождение, и здесь были заложены основы его личности, сохранившиеся на всю жизнь. Джонзон был в Финляндии 62 раза, и не только хорошо говорил по-фински, но и разбирался в самых сложных грамматических конструкциях финского языка. Наш бывший премьер-министр и глава Национального банка, Райнер фон Фиандт, постоянно носил в своем бумажнике личное письмо от Джонзона. “Это – настоящее сокровище”, – говорил он.

Хотя Джонзон давно уже вышел на пенсию, он все еще оставался легендарной личностью в Северной Скандинавии. Он

часто выступал с проповедями во время служб под открытым небом, которые мы устраивали во время турне спектакля “Ветер перемен” по всей Арктике; целыми ночами он работал над своими проповедями.

Когда мы добрались до Северной Дании, я остановился в доме семьи Тиссен в Хьеринге. Отец семейства, Иоханнес, был главным хирургом городской больницы. Он был опытным хирургом, и во время Зимней войны работал в качестве добровольца на Карельском перешейке. Я сильно страдал от болей в поврежденном на войне колене. Тиссен обнаружил, что мне необходима операция, иначе я вообще не смогу ходить. Он предложил сделать мне эту операцию бесплатно.

Я только что перестал пользоваться палкой, как получил телеграмму от отца, в которой он просил меня как можно скорее приехать в Финляндию. Мать была серьезно больна, и не оставалось никаких надежд на ее выздоровление. К моему ужасному огорчению, я вошел в больницу через 25 минут после того, как ее не стало. Долгие годы она была прикована к постели, но неустанно следила за всеми моими поездками. Когда я был в Марокко, она каждый день молилась за султана, за людей, с которыми мы там встречались, и за будущее этой страны. Сама она никогда не покидала пределов Скандинавии. Своим примером она показала, что обязательства перед миром, которые есть у каждого настоящего христианина, никоим образом не связаны с тем, насколько много он путешествует; в то же время они целиком определяются теми целями, ради которых он живет.

Стоя у постели моей матери, я благодарил Бога за ее жизнь и за ту веру, которую она оставила нам в наследство. Она отдавала себя другим, даже не задумываясь об этом. Я вспоминал, как накануне Рождества она сидела за своим столом далеко за полночь, больная и усталая. Отец всегда журил ее за то, что она садилась на постели, чтобы упаковать рождественские журналы и поздравительные открытки. “Но не могу же я пропустить жену привратника и молочницу!” – говорила она. У нее хватало внимания на каждого, в том числе и на стариков, живших по соседству, и на ее бывших учеников из воскресной школы в Вихти.

17. Девушка из Хяме

Тогда мне было уже за сорок. Родители беспокоились о том, что я до сих пор не женат. Моя мать молилась об этом. Все мои прежние попытки устроить свою жизнь заканчивались печально. Несколько лет назад я принял решение: раз Бог не помогает мне в этом, я и не буду пытаться чего-то достичь сам. Я вел такую бродячую жизнь, что, быть может, было бы и лучше оставаться холостяком. Но однажды, во время прогулки по эспланаде в Хельсинки, меня поразила неожиданная мысль: “Ты собираешься жениться на Айно”. Это было все равно, что получить телеграмму совершенно ясного содержания.

Я знал Айно много лет. Она была родом из города Тампере в провинции Хяме в Центральной Финляндии и, как и я, посвятила свою жизнь работе в MRA. Последние четыре года она работала в Новой Зеландии и Австралии. Я никогда не думал о ней всерьез и не был влюблен в нее.

Я знал, что она настоящая христианка, что она познакомилась с “Оксфордской группой” благодаря епископу Элису Гулину и своему преподавателю Священного Писания. Когда она решила отказаться от своих планов учиться на медсестру и собралась уехать по заданию MRA, ее родители, у которых не было возможности в свое время получить образование, были против этого решения. Однако старая бабушка Айно смотрела на это иначе: “Если Бог хочет, чтобы Айно уехала отсюда, именно так она и должна поступить”.

С тех пор прошло десять лет, и Айно находилась теперь на другой половине земного шара. У меня часто бывало так, что мысль, которая на самом деле исходила от Бога, могла на время исчезнуть из моей головы, но затем она приходила вновь и оказывалась столь простой и ясной, что вытесняла из сознания все сомнения и беспокойства. Если что-то не так, то остается какое-то смущение и тревога, и тогда неразумно

действовать в этом направлении. Когда в прошлом я пытался не замечать такой “внутренний тормоз”, это приводило к разным трудностям и разочарованиям. Однако мысль, что Айно – моя будущая спутница в жизни – в дальнейшем становилась все более отчетливой, и одновременно с этим во мне начала расти любовь к ней.

Но что же мне было делать? Я знал только то, что Айно работает с семьями в австралийских портах и шахтерских районах. Должен ли я написать ей, позвонить, послать телеграмму? Однажды у меня появилась настолько ясная мысль, что я записал ее: “Не хлопочи ни о чем, дай возможность Богу сделать все так, как Он хочет. Не беспокойся”. Было ли это разумно? Наверняка там, в Австралии, не один мужчина останавливал свой взгляд на этой светловолосой девушке из Финляндии. А если я уже потерял ее, потому что слишком долго ждал? Можно ли пассивность считать добродетелью? Но мысль, которую я получил, была такой ясной! По-видимому, Бог хочет испытать мою веру. Я решил попробовать.

Вскоре после этого я вернулся в Данию, в Ютланд. Однажды во время утренней планерки ко мне подошел один из моих коллег и сказал: “Мы получаем подкрепление. Пришла телеграмма, и в ней говорится, что Айно Пусса возвращается из Австралии; несколько дней она проведет в Финляндии, а затем приедет”. Пытаясь скрыть свои чувства, я ответил просто: “Ну что ж, это интересно”.

После этого события развивались не столь быстро, как я это воображал. Айно, по-видимому, нужно было время, чтобы акклиматизироваться после стольких лет, проведенных в южном полушарии. А в это время норвежец, Лейф Ховелсен, попросил меня поехать вместе с ним в Северную Норвегию, чтобы подготовить турне с “Ветром перемен”; первым пунктом в этой поездке должен был стать городок Киркенес на границе с Россией. И я на время отложил свои планы о женьшеньбе.

Несколько месяцев мы провели в арктической части Норвегии, а затем двинулись на юг, в Осло. Я занимался разработкой маршрута для группы и налаживал контакты с представителями промышленности и армии. В тот момент, когда основная часть группы прибывала в какой-нибудь город, я час-

то уезжал оттуда. Но я успел заметить, что Айно не всегда выглядела счастливой. Она не совсем вписывалась в эту группу, поскольку была старше большинства ее членов. В то же время она не нашла своего места и среди более пожилых участников нашей акции, хотя и работала больше многих других. Айно и Карин Андерссон, ее подруга из Швеции, готовили еду для группы в 60 человек, переходя из одной кухни в другую, иногда выполняя свою работу в самых примитивных условиях.

Я спрашивал себя, почему, общаясь с Айно, я ощущаю некое внутреннее торможение, постоянно меня сдерживающее. Я поделился этим с Бенгтом Джонсоном, и он одобрил мою неторопливость. Он понимал, что для Айно важно установить свои собственные отношения с Богом, независимо от того, что о ней думают другие.

Когда мы в конце концов прибыли в Осло, нам пришлось сразу же отправиться на своих “фольксвагенах” в Ко. Питер Говард надеялся, что мы будем ему хорошей поддержкой на происходящей там конференции. Очевидно, обстановка вовсе не способствовала романтическим отношениям.

А потом группа немцев, представителей промышленности и церкви, пригласила нашу группу посетить со своим спектаклем несколько городов в южной части Германии. “Прекрасно, – подумал я, – я проведу эту осень в Германии”. Я радовался этой мысли и ни слова не сказал Айно. И, может быть, она все же догадывалась о моих намерениях. Мне ужасно хотелось продолжать работу вместе с этими молодыми людьми. Они все более и более утвердились в своей вере, а мы, более старшие, тоже учились при этом массе всего полезного. Молодые люди помогали нам преодолевать чрезмерную осторожность, заикленность на старых методах работы, стереотипное мышление.

Когда мы готовились к поездке в Германию, пришло письмо от Измаила Гасана, моего египетского товарища, с которым мы вместе работали в Северной Африке. В нем он просил меня немедленно поехать вместе с ним в Тегеран. Измаил сообщил Питеру Говарду, что хочет пригласить меня, и Говард ответил согласием. Я самым серьезным образом обдумал это предложение. Мне и в самом деле хотелось бы работать с Измаилом, но в то же время я хорошо понимал, что

моя работа, которой я тогда занимался, еще не завершена, и деятельность нашей группы в Германии совершенно необходима.

Я написал Говарду, что хотел бы продолжить работу со скандинавами. Он прислал мне язвительный ответ, указав на благоприятные возможности для работы в Иране и напомнив о моем опыте общения с мусульманами. Кроме того, он добавил, что истинной причиной моего отказа являются мои планы в отношении женитьбы (я говорил ему о своем интересе к Айно).

Говард был сильной личностью, и его все уважали и даже побаивались, хотя он был и легкоранимым человеком с очень чутким сердцем. Я сомневался, что должен уступить ему. Конечно, я чувствовал себя свободным человеком. Никто не вынуждал меня сотрудничать с MRA: я мог вернуться в Финляндию и найти там работу. Но я сказал “да” своему призванию, независимо от того, к чему это могло тогда привести. И не исключено, что Говард видел перспективы, мне в тот момент недоступные. В команде из добровольцев важно быть свободным – и чтобы руководить, и чтобы подчиняться.

В конце концов я написал Говарду, что он был не прав в отношении моих планов жениться, и что я убежден, что мое место сейчас – в Германии. “Но, – добавил я, – если, несмотря на это, вы считаете, что я должен отправиться в Иран, то я готов отказаться от своих планов и поехать с Измаилом”.

Говард ответил через несколько дней. Он благодарил меня за мою нравственную твердость и поддерживал в намерении отправиться в Германию, а также сделать предложение Айно, если я убежден, что для этого пришло время. Его письмо было для меня дорогим подарком. Позже я понял, насколько Говард был заинтересован в том, чтобы его коллеги умели отстаивать свои убеждения. С тех пор я чувствовал себя свободно в компании Говарда и не боялся его острого языка, понимая, что он мой друг и соратник. Этот случай показал мне, что совместная работа и независимость не противоречат друг другу, и научил меня придерживаться твердой позиции при принятии трудных решений в будущем.

6 декабря 1963 года, в день независимости Финляндии, в живописном городке Хайденхайм в Южной Германии, я нако-

нец решился сделать предложение. Айно сразу же ответила: “Всем сердцем – я согласна”. Иногда ее чувства были очень простыми; у нее не было университетского образования, и она была уверена, что никогда не выйдет замуж. Мы отпраздновали нашу помолвку в Хайденхаймском замке. Это был самый дешевый обед, которым я когда-либо угощал кого-либо. Айно была так ошеломлена происходящим, что не могла ничего есть.

Айно рассказала мне о той внутренней борьбе, которую она выдержала в последнее время. Она чувствовала, что не достигла абсолютно ничего. Но никакие внешние награды – успех, высокая оценка окружающих, замужество, материальные блага – для нее не имели значения. Чему же в конце концов она думала посвятить свою жизнь? Все, что оставалось, это обетования Иисуса и Его призыв, на который она однажды уже ответила “да”. “Имея это, я имею все, что мне нужно”.

Я рассказал ей, сколько раз за последний год я сомневался, подходящее ли это время для того, чтобы сделать ей предложение. Айно ответила, как благодарна она мне за то, что я послушался Бога и не торопился. “Это помешало бы той борьбе, которую мне надо было вести в одиночестве”. Это было еще одним доказательством того, что, несмотря на мое нетерпение, Бог дает правильные советы, – пусть не сразу, но зато это никогда не бывает поздно.

Семья Айно хранила древние традиции фермеров из Хяме. Ее отец, Ааро Пусса, вырос в семье, где было двенадцать детей. Он оставил фермерство и основал хорошо известную риэлтерскую компанию. Он преодолел немало трудностей, но в конце концов приверженность к спиртному разорила его и разрушила семейную жизнь. Однажды, может быть, под влиянием выбора, сделанного Айно, он решил покончить с пьянством. С упрямством, характерным для жителей Хяме, он стоял на своем, несмотря на давление со стороны своих коллег по бизнесу, и жизнь его семьи изменилась; особенно сильно это коснулось его жены, которой пришлось пережить много унижений, особенно при покупке еды в кредит.

Еще до того, как у меня возникла мысль жениться на Айно, я однажды побывал в ее доме в качестве переводчика Готтфрида Анликера, швейцарского подрядчика по строительным работам. В доме была теплая непринужденная атмосфера.

Анликер рассказал Ааро, как он произвел революцию в своей фирме, согласившись исправно платить налоги и решившись посвятить своих служащих в подробности ведения дела, и как эта новая политика, отвергающая привычные “гибкие методы” управления, завоевала признание и уважение.

Ааро слушал его, не двигаясь с места, в течение часа. Потом он встал из-за стола, пожал руку Анликеру и посмотрел ему прямо в глаза. “Теперь я тоже буду подходить так к экономическим проблемам”, – все, что он тогда сказал.

Скоро мы поняли, что это значит. Налоговые службы не доверяли мелким бизнесменам и частным врачам и нередко облагали их произвольными налогами, основанными на предварительных оценках и расчетах. Как и другие предприниматели, отец Айно старался разными способами обойти налоги. Теперь же он пришел в налоговую администрацию и сказал, что решил быть абсолютно честным и открытым во всех своих действиях. Он предоставил им все свои бумаги за последние годы и спросил, чем же он владеет. Директор налоговой службы был поражен, как ударом грома. Затем Ааро пошел прямо в банк, взял ссуду, чтобы покрыть сразу всю сумму, и тут же заплатил свой долг налоговой службе.

Вскоре конторские книги в его фирме впервые за многие годы оказались в полном порядке. Через несколько лет после этого, незадолго до смерти, Ааро сказал мне: “Это было лучшее решение по финансовым вопросам в моей жизни. После того как я перестал пить и стал абсолютно честным в бизнесе, я снова обрел уважение к самому себе”.

Наша свадьба, на которую собралось множество народа, состоялась в два часа дня 22 февраля, и на улице в это время было -22° С. Нас венчали епископ Гулин и Бенгт Джонзон.

Несколько недель спустя мы вернулись в Швейцарию. Эрих Пейер, один из тех швейцарцев, кто вложил большую часть своих денег в покупку старой гостиницы в Ко, попросил меня взяться за одно срочное дело. В Швейцарии было около миллиона иностранных рабочих разных национальностей. Отношения между итальянскими рабочими и местными жителями накалились.

Одна из пьес Питера Говарда “Через садовую ограду” была переведена на итальянский язык, и ее собирались показать в

районах, где жило много итальянцев. “Вопрос состоит в том, кто будет готовить это мероприятие”, – сказал Пейер. – “Мы сделали предварительные заказы на аренду театральных помещений во многих местах, но не провели никакой рекламной кампании и координационной работы. Можете ли вы взять это на себя?”

Нам одолжили на время старый “шевроле”, а одна пожилая немка предложила свои услуги в качестве секретарши. Еще более неожиданного союзника мы нашли в лице итальянской компартии, которая в принципе была против установок MRA, но в то же время была заинтересована в улучшении жизни итальянских рабочих в Швейцарии. Итак, лидеры компартии не имели ничего против того, чтобы внести в свою однообразную жизнь элемент праздника. Мы собирались вместе с ними в одном из отдаленных и прокуренных баров и пытались согласовать наши планы.

Однажды я отправился на станцию, чтобы встретить Айно, после целого дня разговоров с бизнесменами в одном из маленьких городков (я пытался убедить их купить билеты для работавших у них итальянцев). Сотни итальянцев обычно собирались на станции после работы, и Айно отправлялась туда, чтобы распространять билеты. Меня встретил там невероятный шум. Итальянцы облепили Айно, как муравьи, соперничая друг с другом за честь проводить ее до театра.

Вечер в театре оказался крупным событием для итальянцев, которые надели по такому случаю свою лучшую одежду и пришли в праздничном настроении. Они говорили, что никто еще до сих пор не устраивал для них ничего подобного. Они хорошо реагировали на затронутые в этой пьесе проблемы и юмор. В каком-то смысле вся она была построена на одной фразе из Послания св. Павла к Ефесянам: “Ибо Он есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую среди преграду”⁵; именно эти слова стали ключевыми для моей матери, когда ей удалось вновь примириться с жизнью после роковых событий в Оллкале. Хотел бы я знать, что думали о содержании этой пьесы коммунисты, помогавшие нам организовать это представление!

Через несколько дней я посетил главу часовой компании “Омега”. Изо всех сил я пытался разъяснить ему важность

⁵ Еф 2:14.

этой пьесы для его фирмы и для страны в целом. Но директор-распорядитель прервал меня словами: “Я ничего не могу понять! Что делает в Швейцарии финский инженер, занимающийся проблемами итальянцев?” Я опять начал с самого начала. В итоге в этот вечер немало рядов в театре занимали итальянцы из “Омеги”.

В 60-х годах Европу и Америку охватили волнения и беспорядки. Во Вьетнаме бушевала война. США теряли свое превосходство над другими странами. В университетах царил хаос. В некоторых церковных кругах взгляды формировались, очевидно, в соответствии с опросами института Гэллапа, тогда как другие христиане предпочли спрятаться в своем мире, пытаясь сохранить в чистоте свое учение, и при этом фактически отказывались участвовать в борьбе за изменение общества. Некоторые организации, как, например, Всемирная христианская студенческая федерация, оказались раздробленными сильными внутренними конфликтами. Под огнем сильной критики часто оказывался мой кузен Ристо Лехтонен, генеральный секретарь этой федерации. Одним из кандидатов на его пост стал тогда явный коммунист. Казалось, что только позиция Католической церкви осталась по-прежнему четкой и ясной.

Питер Говард написал немало пьес и книг, считая их своего рода оружием для тех, кто хочет открыто сражаться за духовные ценности. В результате успеха кампании, проведенной скандинавской молодежью с его пьесой “Ветер перемен”, у него появились новые идеи, и он отправился в Соединенные Штаты выступать в американских университетах. Айно и я оказались в самом центре аналогичных мероприятий в Европе. Многолюдные летние конференции для молодежи со всего мира были организованы в США, и некоторые из их участников начали создавать музыкальное ревю.

Но в 1965 году до нас дошла ужасная новость: Питер Говард заболел и умер в Лиме во время своей поездки по Латинской Америке. Его смерть была трагедией для МРА. Множество людей на всех континентах посвятили себя тем же целям, что и Бухман, и Говард. Однако в то время нашему братству еще не хватало зрелости, чтобы продолжать свое дело без харизматического лидера с таким опытом и такими личными качествами, как Говард.

Через день после похорон Говарда в Англии мы устроили рабочую встречу в Лондоне. И я сам, и другие надеялись на то, что кто-нибудь выступит и внесет предложение о наших дальнейших действиях. При этом подразумевались не столько какие-то новые акции, сколько, может быть, какая-то встреча, на которой в тишине и молитве мы могли бы обсудить наши принципы и прояснить для самих себя сложившуюся ситуацию. Нечто подобное однажды устроил Бухман в критический период начала второй мировой войны. Никто не понимал тогда, как обстояли наши дела в действительности.

Главную роль в нашей работе всегда играли люди из англосаксонских стран. Никому из нас, жителей Севера, не приходило в голову, что лидером может быть кто-то другой, кроме англосакса, и, конечно, мы не думали о том, что это может быть скандинав. Все мы были поражены преждевременной смертью Говарда. Оглядываясь назад, я никак не могу сказать, что моя позиция и позиция некоторых моих друзей из северных стран хоть в какой-то степени определялась нашей скромностью.

Итак, мы покинули Лондон и занялись реализацией ряда проектов, задуманных еще Говардом. Молодежное шоу “Пой с нами” разворачивалось на всех материках. На острове Мейкинек открылся новый университет. Однако стало очевидно, что существуют разные взгляды на нашу дальнейшую работу. На самом деле эти разногласия появились задолго до смерти Говарда, но он был сильной личностью и мог сплотить нас всех.

Некоторые ветераны движения были озабочены тем, что деятельность MRA будет ориентироваться только на молодежь, при этом будут утрачены наши внутренние принципы. Англичане особенно проявляли беспокойство по этому поводу, и, очевидно, у них были на то причины. Молодые люди были самоуверенны, и среди американцев, в том числе, и немолодых, утвердилась вера в превосходство молодежи. Итак, основания для некоторой настороженности действительно имелись, но страх не давал увидеть и то хорошее, что также было налицо.

Ортодоксальность часто обусловлена чувством неуверенности. Люди, склонные к быстрым суждениям, мало доверяют самим себе. Никто не может передать другому то, чего нет

в его собственном сердце. О дереве судят по его плодам. То, что у человека внутри, имеет возможности для развития. Внешний же контроль не может долго быть эффективным.

Позже я осознал, что любое духовное движение, независимо от чистосердечных намерений его участников, подвержено тем же законам кооперации и тем же опасностям раскола, что и любая другая организация. Многие из тех, кто мог бы участвовать в руководстве, удовлетворились, сознательно или бессознательно, ролью ведомых более сильными личностями. Поэтому они не были готовы встать у руля после смерти Бухмана и Говарда. Если же вы позволяете другим людям занять то место в вашей жизни, которое должно принадлежать одному только Богу, то очень скоро возникают взаимозависимые человеческие отношения. Многие перестают думать и утрачивают способность отстаивать свои собственные убеждения.

Волны нашего движения вскоре достигли Скандинавии. В Финляндии сыновья Вильо Лампела, Хейкки и Матти, проводили интенсивную работу с молодежью и устанавливали прямые контакты с другими странами. Газеты были заполнены статьями на эту тему, и наши противники не жалели типографской краски.

Где бы ни оказывались эти братья со своими друзьями, повсюду жизнь молодых людей менялась, становилась более чистой и более послушной Божьей воле. Поэтому Айно и мне было очень неприятно видеть, что происходящее в Финляндии подвергается критике со стороны некоторых наших бывших коллег. Закончилось наше сотрудничество со шведами, и это было очень огорчительно. Мы продолжали поддерживать контакты с промышленниками, церковью и парламентом, но уже без участия других стран, которое было у нас в прошлом.

Постепенно стал очевиден серьезный раскол между нами, разрушивший давние дружеские узы и опыт совместной работы. Когда я вспоминаю сегодня об этом времени, я спрашиваю себя, что же стояло за этими дружескими отношениями. В самом ли деле мы поощряли внутреннюю свободу других людей? Были ли мы достаточно искренни, когда не говорили своим друзьям, что они в чем-то не правы? Сейчас я по-

нимаю, что лично мне это не удавалось. Если вы слишком много думаете о результатах, то вскоре вас начинают заботить лишь мнения других людей, и вы при этом утрачиваете свою веру.

Наш прежний архиепископ Мартти Симойеки коснулся однажды этих вопросов в письме, адресованном нам во время проведения одной нашей акции. “Ожидайте самого главного от Бога, однако думайте о том, что сила Божья проявляет себя в слабости. Снова и снова отдавайте свою жизнь Богу, чтобы он мог пользоваться ею. Помните, что Бог принимает всерьез те обещания, которые мы Ему даем, – и часто это оказывается болезненным”.

Однажды молодые люди из Скандинавии спросили меня, что, по моему мнению, скрывалось за проблемами, с которыми столкнулось MRA в конце 60-х годов. Если сказать просто, то причиной было несоответствие между великими целями нашей работы и уровнем нашей внутренней зрелости. Слишком важен был для нас авторитет людей, мы забыли о своей духовной жизни.

Оглядываясь назад, я вижу, что этот раскол был, вероятно, неизбежен. Только в глубоком кризисе могли возникнуть те фундаментальные установки, в которых мы нуждались, чтобы приступить к выполнению задач, вставших перед всем миром в 90-х годах. Когда мы не желаем следовать Божьему промыслу, Он иногда твердой рукой вмешивается в нашу личную жизнь. В 30-х годах церковь, к которой принадлежали мои родители, также пережила такой кризис.

К этому времени у нас с Айно родилась дочь; мой отец был тяжело болен. Мы начали думать о том, не вернуться ли мне на работу в промышленность, – после двадцатилетнего перерыва, связанного с работой в MRA.

Несмотря на всю свою душевную стойкость, Айно была очень впечатлительным и ранимым человеком. Конфликты плохо повлияли на ее здоровье. В 1970 г., когда я был в длительной поездке, у нее вдруг появились ужасные головные боли. В это время она была на последней стадии беременности; мы ждали второго ребенка. Она приехала в больницу на такси и попросила помочь ей. “Еще одна истеричная беременная женщина”, – прошипела медсестра. Айно умоляла о

помощи. Сестра измерила ей кровяное давление. Оно было очень высоким. Мгновенно вокруг нее собралось несколько докторов и сестер. В комнате для обследования она слышала благодаря громкоговорителю, как бьется сердце ребенка. “Есть ли надежда спасти его?” – спросила она. “Спросите лучше, есть ли надежда спасти вас”, – ответил один из докторов. Через два дня ребенок умер, но тем не менее его нужно было родить нормальным путем, используя гормональные инъекции. Айно лежала в одной комнате с шестью счастливыми матерями.

Я вернулся домой, не зная о том, что случилось. Спокойно, но очень грустно Айно рассказала мне фактическую сторону дела и дала понять, что ей пришлось пережить за это время. Я ужасно горевал, потому что мы надеялись иметь еще детей. Я пытался объяснить ей, что ее жизнь продолжается, но не мог понять глубину ее страданий и не сумел оказать ей поддержку, которая была ей так необходима. Позже она рассказала о том, насколько она себя чувствовала одинокой. Очень тяжело было слышать об этом. Теоретически я знал очень много о том, как надо помогать людям, и все же оказался слеп к беде самого близкого мне человека.

Теперь мне обязательно нужно было найти работу. Отцу становилось все хуже. И все же я колебался. Не откажусь ли я от своего призвания, если буду заниматься работой, дающей только внешнее чувство уверенности? Ведь наше единое, уникальное всемирное братство могло эффективно трудиться лишь потому, что так много людей отказались от многого, чтобы получить возможность работать там, где в них нуждались. Я чувствовал, что не верю в свои силы и что я оказался в тупике.

Айно видела все более просто и ясно. Она сказала мне: “Если внутри себя ты будешь по-прежнему верен Богу, в тебе останется основа для правильного решения, и ты сможешь правильно оценивать внешнюю ситуацию. С другой стороны, если ты утратишь самое главное – желание построить мир, ведомый Богом и послушный Его воле, – тогда ты действительно не оправдаешь Его надежд”.

Новые уроки

18. Назад — в промышленность

Как-то в 1971 году один друг сообщил мне по телефону, что крупная компания группы “Нокия” ищет менеджера по закупкам. В ней было пять подразделений: по осветительным установкам, производству источников электроэнергии, тяжелым металлам, производству перфораторов, станков; кроме того, она участвовала в ряде зарубежных проектов. Все это не относилось к сфере моей компетенции как инженера-химика; кроме того, я думал, что препятствием будет мой возраст. Однако я получил эту работу, несмотря на конкуренцию со стороны более молодых кандидатов. Конечно, в последние девятнадцать лет я не работал в промышленности, однако, тем не менее, я был занят главной для нее проблемой: как установить доверие между людьми и создать рабочие коллективы, члены которых смогут плодотворно трудиться вместе. В любом случае начать работать над этим было очень увлекательно.

Я занимался заключением годовых контрактов, лицензионных соглашений и вопросами международного сотрудничества, а потому сто дней в году проводил за границей, на Ближнем Востоке, в Азии, Америке, Африке и в странах Восточного блока.

Любому бизнесмену известно, сколько неотложных дел ждут вас, когда вы входите каждое утро в свой офис. Однако то, что кажется наиболее насущным и безотлагательным, зачастую таковым вовсе не является. Более чем когда-либо я ощутил теперь значение той простой духовной дисциплины, которой я научился в Ко: каждое утро в течение часа молиться, читать Библию и записывать свои мысли, которые иначе очень быстро забываются, особенно если они для тебя тягостны.

Это утреннее время давало мне состояние внутреннего равновесия на весь день. Оно помогало мне также лучше понять свои отношения с коллегами и осознать моменты, когда я

подавался искушению скрыть свою вину, найти оправдание своим ошибкам, приписать себе все заслуги, если дела шли хорошо, или снискать всеобщее расположение, когда мне было необходимо защитить свою позицию. Еще более захватывающими были возникавшие у меня творческие замыслы. Как мне помочь моим товарищам по работе использовать все их скрытые духовные ресурсы? Как научить их преодолевать застенчивость и проявлять уверенность в ситуации, когда собеседник пытается подчинить их своей воле?

В начале моей работы меня особенно поражала взрывная сила тех простейших истин, которые я изучал последние годы. “Важно не то, кто прав, а в чем состоит эта правда” или “Люди важнее вещей”, – это звучит подчас как пустые фразы, однако теперь я обнаружил, что в основе многих проблем, с которыми я столкнулся, лежит именно неумение воплотить эти принципы на практике. Я видел, как много беспорядка и недоразумений может породить келейное принятие решений, что многие люди совершенно не умеют признавать собственных ошибок, многие руководители не имеют представления о том, как можно стимулировать труд своих работников.

Мы сотрудничали с металлургической фирмой, персонал которой насчитывал тысячу человек. Однажды утром по пути в свой офис директор-распорядитель этой фирмы прочитал объявление о том, что она объединена с более крупным промышленным концерном. Директор пришел в ярость. Ради чего вся эта секретность? Ему объяснили, что ситуация была столь деликатной, что никто посторонний не мог знать об этом заранее.

Политика подобной секретности была вполне оправданной, однако едва ли мудрой. Тревога и слухи об увольнениях мгновенно распространились по всей организации. Молодежь начала искать работу в других местах, настроение более пожилых было подавленным. За год эта фирма потеряла две трети своего экспорта – в постоянно развивавшейся в то время отрасли промышленности. Компания лишилась своего доброго имени. Ее новые владельцы разочаровались в ней и продали то, что от нее осталось.

Отсутствие открытости – камень преткновения для многих предприятий. Почему многим руководителям трудно стимулировать работу своих подчиненных? “Практически все

свое время я отдаю компании, – жаловался заведующий одним из отделов нашей фирмы. – Я хотел бы отдать компании всего себя, но я не могу это сделать, поскольку у меня никогда не было полной информации о том, куда мы движемся. Когда же происходит кризис, я получаю лишь разного рода суровые директивы”.

Один коллега доказывал, что на процесс принятия решений должны влиять лишь “реальные факты и реалистичные прогнозы”, а вовсе не какие-то иррациональные факторы. Я спросил его: разве не реалистична и не прагматична задача организации человеческой инфраструктуры? Кто же должен этим заниматься? Один промышленник заметил, что у него просто нет времени, чтобы обращать внимание на отношения между людьми: “Моя задача в том, чтобы людей использовать”.

За авторитарным стилем руководства часто скрывается глубокий страх. Страх – это исключительно сильный мотив, и обычно он ведет вас в неправильном направлении. Столь же очевидно и одиночество многих предпринимателей. Они считают, что престиж должен быть сохранен любой ценой. Часто у предпринимателя нет ни одного человека, с кем бы он мог откровенно обсудить собственные проблемы, не отфильтровав при этом свои мысли.

Член правления одной крупной компании спросил меня, не знаю ли я, почему прибыль их компании сокращается столь быстрыми темпами. Я сказал о проблемах на рынке. «Это второстепенная причина, – ответил он. Главная же – подозрительность и зависть среди руководства».

Аино была счастлива, что я научился принимать самостоятельные решения. Раньше я нередко предпочитал по возможности оставить последнее слово за кем-то другим. Совместная работа может дать повод для подобного поведения: вы можете скрыться за спинами других, чтобы не нести ответственности, если дело закончится неудачей. Несколько раз Аино резко критиковала меня за то, что я в некоторых каверзных ситуациях не взял на себя полной ответственности. Мне не нравились ее критические замечания, и я старался указать ей на фактические ошибки в ее аргументации. Лишь позднее я понял, насколько она была права.

Мы с Аино были близкими друзьями. Она была мудрым советчиком во многих ситуациях, связанных с моей работой.

Однако сам я был зачастую весьма невнимательным слушателем. Одна американская компания потратила огромную сумму денег на то, чтобы обучить 70 тысяч своих служащих умению слушать. Моя подготовка в этом деле была значительно слабее. Однажды, когда я пришел домой с работы, Айно начала мне что-то рассказывать. Я слушал вполуха, одним глазом заглядывая в газету. “Да ты меня не слушаешь!” – раздраженно сказала она. “Слушаю”, – ответил я. “Нет, не слушаешь”, – прошипела она. “Что же я тогда делаю?” Когда я слово в слово повторил ей то, что она только что сказала, ее бешенство удвоилось: “Да, ты слышишь слова, но ты не слушаешь! Ты не понимаешь, что у меня действительно на душе!”

Аино хотела, чтобы я больше времени проводил с нашей дочерью, Элиной. В конце концов, я оказался в такой же ситуации, как и многие отцы. Обычно мне приходилось работать по вечерам. Но Айно была права: мне надо было находить больше времени для семьи.

Элина очень рано проявила независимый характер. Ей едва ли было пять, когда я как-то пожурил ее за то, что она натворила. Дочь сильно топнула ножкой и ткнула в меня пальцем: “Пап, ты ничего не понимаешь! Мы, женщины, все делаем иначе!”

До работы на этой фирме я в основном занимался вопросом поведения в определенных ситуациях, связанных, в том числе, с проявлениями нечестности, злоупотреблением алкоголем, взяточничеством, недостатком доверия, конфликтами между моими убеждениями и требованиями руководства.

Мы с Айно знали о том, какое несчастье постигло ее семью, когда отец начал пить. Однажды он рассказал нам о своей жизни, о своем решении покончить с прошлым и о том, каких перемен потребовало от него такое решение. Мы сказали, что мы его друзья, что, если вновь у него появится соблазн, он должен знать, что, где бы и в какой бы ситуации мы ни находились, не возьмем в рот ни капли. Кое-кому такое решение могло бы показаться слишком категоричным. Мы же считали его вполне реальным.

В деловой жизни Финляндии, особенно в первые годы, алкоголь играл очень важную роль. У меня был коллега, который считал, что не может поставить под угрозу важные

контракты, отказавшись от выпивки, хотя и знал свою тягу к алкоголю. Однажды он больше недели отсутствовал на работе после делового обеда, который привел его к тяжелому запою. Все шло к тому, что его пришлось бы уволить.

Он пришел ко мне в офис в отчаянии: “Моя жена сказала, что уйдет от меня с детьми, если я потеряю работу. Может, вы дадите мне еще один шанс?” Я рассказал ему о своем тесте и о том решении, которое приняли мы с Айно. И добавил: “Я не верю, что ты потеряешь какой-либо важный контракт, если примешь бескомпромиссное решение и будешь ему следовать; но если ты все же потеряешь контракт, отказавшись выпить, мы сочтем это плюсом в твою пользу”. Десять лет спустя он сказал мне, что с того дня он ни разу не прикоснулся к спиртному и смог помочь многим людям, работая в Группе помощи анонимным алкоголикам. Теперь он стал весьма уважаемым человеком в компании.

Некоторые деловые люди отмахиваются от любых разговоров о честности как о чем-то совершенно нереальном. И все же руководители двух крупнейших финских компаний заявили как-то в интервью, что “абсолютная честность” была основной причиной продолжительного успеха в их деловых отношениях с Советским Союзом.

Однажды во время зарубежных переговоров я оказался в весьма неловкой ситуации. Глава нашей делегации заявил, что по определенному поводу нам придется сказать неправду. Я вопросительно посмотрел на него, и он нервно сказал: “Не беспокойтесь. Все они лгут!” “Да, это так, – сказал я. – И все они знают, что это так; так чего же мы тогда этим добьемся?”

Абсолютная честность не имеет ничего общего ни с наивностью, ни с навязчивым желанием сообщить все, что только можно, тем людям, кто собирается вас использовать. Быть абсолютно честным – это значит использовать такие средства, которые могут показать истинное состояние дел. И это действует. Как-то у нас возник конфликт с одной британской компанией, с которой мы долгие годы поддерживали деловые отношения. Ее директор не поверил гарантиям, предоставленным нашей фирмой. Я позвонил ему и рассказал о своем видении ситуации. “Я верю, потому что именно вы говорите это, но иначе я бы не поверил”, – сказал он, и конфликт был исчерпан.

Конкуренция была очень жесткой. Чтобы соперничать с большими транснациональными корпорациями, мы должны были найти и занять те ниши, в которых могли достичь превосходства. В результате мы начали строить заводы и создавать совместные предприятия в развивающихся странах. Это было весьма рискованно, и временами приходилось дорого платить за ошибки. Но если бы мы не шли ни на какой риск, цена была бы еще выше.

Мы заключили контракт на строительство завода в Замбии. У нас было некоторое преимущество перед гигантскими корпорациями, потому что у нас уже был завод в Финляндии точно такой мощности, какой был нужен в Замбии, тогда как наши конкуренты могли показать лишь чертежи. Однако мы в полной мере не осознавали, в какое дело ввязались. Руководитель нашего проекта посоветовал нам сначала более внимательно познакомиться с социальными и политическими условиями этой страны, однако окончательное соглашение было заключено “на высшем уровне”, а он был отстранен.

Площадка для строительства завода находилась на севере Замбии, в одном из наиболее подверженных малярии районов, неподалеку от того места, где умер Ливингстон. Железной дороги не было, а дорога из столицы Замбии, Лусаки, проходила через весьма беспокойную часть Заира. Время от времени военная полиция Заира заставляла нас, угрожая оружием, платить “налог”, особенно когда полицейским в очередной раз не выдавали зарплату. В городе не было никакой гостиницы, лишь так называемый “дом для приезжих” с огромным количеством тараканов. Изредка давали воду и электричество. Чтобы как-то свести концы с концами в условиях нерегулярного снабжения продовольствием, строителям приходилось разводить кур и собирать бананы.

Работа нашего руководителя проектом была ужасной. Завод был призван стать плацдармом для развития новой промышленности в этой удаленной части страны. Среди трудностей можно назвать малярию, укусы змей, саботаж, воровство и даже одну попытку убийства. В мою задачу входила подготовка части персонала, доставка оборудования из разных стран мира и установление международных контактов, когда завод начнет выпускать продукцию. Когда строитель-

ство было закончено, первая партия произведенного товара однажды ночью “исчезла” в Заире.

Год спустя я поехал в Лусаку, чтобы представить нашу компанию на заседании правления. Редко в моей жизни, – возможно, лишь в самом начале моей службы в финской армии, – мне приходилось выслушивать столько грубостей. Представитель правительства, заместитель министра, сначала обрушился на нашу компанию, затем — лично на меня, а в конце концов — и на всю белую расу. На следующий день я встретился с высшим чиновником, прослышавшим об этом эпизоде. “Вы должны понять, – сказал он, – эти нападки вовсе не имеют отношения к вам лично и к вашей компании. Все это было инсценировано в связи с внутренними проблемами и политическими соображениями”. Через некоторое время та же самая участь выпала на долю председателя совета директоров уже всего концерна “Нokia”, приехавшего помочь нашему руководителю проекта в разрешении нового конфликта.

Дома, в Финляндии, мы подвергались бесцеремонной критике со стороны бюрократов, обращавших внимание лишь на наши ошибки и не имевших никакого личного опыта в делах, которыми мы занимались. Годы спустя я узнал, что этот завод работал лишь в половину своих возможностей, что и так было выше среднего: он принадлежал к числу многочисленных предприятий, приносивших стране иностранную валюту.

В Финляндию из Замбии приезжали многочисленные группы, чтобы пройти подготовку в нашей компании. Результаты такой подготовки были самыми разными. Финны не всегда могли ощутить тот шок, который переживали некоторые африканцы. Когда мы однажды принимали делегацию, я спросил директора, что должна наша фирма сделать для этой группы после завершения официальной работы. “Ничего, – сказал он. – Они могут ходить по городу и смотреть на витрины. Дома у них нет ничего похожего”.

Один наш молодой инженер резко выступил против такого безразличного отношения. Когда прибыла новая группа, он, его жена и двое детей школьного возраста решили предложить ей программу на каждый вечер и выходной день во время их трехнедельного пребывания, причем без какого-либо вознаграждения. Атмосфера в этой группе была наибо-

лее приятной из всех групп, которые мы принимали. По возвращении домой у них было сильное желание передать тот опыт, который они получили в Финляндии.

Забота о людях никогда не бывает в убыток. Руководители производства должны заниматься не столько нынешним положением, сколько перспективами на будущее.

Пока мы работали в Замбии, у нас появился новый директор-распорядитель. У меня и у некоторых других работников фирмы возникли с ним серьезные разногласия. У него появились свои фавориты, отчасти благодаря партийной принадлежности. Я не получил ожидаемого назначения на новую должность и принял это близко к сердцу. Я сказал Айно, что собираюсь уйти из компании, и начал переговоры с другой фирмой о работе с более высокой зарплатой.

Я обдумывал также, не сменить ли мне вообще сферу деятельности и не стать ли священнослужителем. Это могло дать мне возможность повлиять на отношение финского общественного мнения к развивающимся странам. Мой двоюродный брат Ристо Лехтонен, богослов и впоследствии глава церковного Агентства помощи развитию, отнесся к этой идее весьма прохладно. “Если ты хочешь оказать влияние на прогрессивные процессы в Африке, то бизнесмен с собственными убеждениями сможет сыграть здесь намного большую роль, чем служитель церкви”.

Аино боялась, что я приму неверное решение. “Если тебе тяжело из-за того, что произошло, ты не можешь ясно видеть последствия, – говорила она, – а потому не сможешь и принять правильное решение”.

Я вынужден был признать, что Айно права. Однажды утром я решил, что не должен покидать компанию – и бросать наш проект в Замбии в столь трудном положении. “Оставайся. Будь готов исполнять свое дело по мере сил своих, независимо от того, что с тобой происходит”, – записал я в своей записной книжке. Прошло несколько месяцев. Компания, в которую я собирался перейти, развалилась. Директор-распорядитель покинул нашу фирму. Вскоре мне пришлось заниматься более серьезными и ответственными заданиями, чем те, которые я когда-либо выполнял.

19. Призыв из Калькутты

Мы сотрудничали со многими компаниями по всей Индии. Однажды, по дороге из Бангкока, я остановился в Калькутте, городе, жизнь в котором по-настоящему кипела. Санитарные условия, электричество, водоснабжение, транспорт, – все это находилось в плачевном состоянии. Часто возникали эпидемии. Власти считали городские проблемы практически неразрешимыми. Многие говорили мне, что лучше всего было бы оставить все, как есть, и сосредоточить усилия на развитии других территорий. По ночам на тротуарах зажигались тысячи маленьких костров, на которых жители готовили пищу, здесь же занимались домашними делами. Несмотря на всю нищету и убогость, ароматы и атмосфера Калькутты были странным образом привлекательны, и сами жители любили свой город.

Будучи в Калькутте, я хотел передать приветствия матери Терезе и ее сотрудникам от “Друзей Эммауса” из Финляндии, активно поддерживавших ее дело. Айно входила в состав правления этого общества. Я не знал, была ли в это время мать Тереза в городе или нет. Один двенадцатилетний мальчик охотно вызвался показать мне дорогу к ее центру.

Когда мы прибыли туда, мальчик внезапно исчез. Я долго ждал в вестибюле. В покрытой белой штукатуркой боковой комнате около пятнадцати монахинь стояли на коленях, глубоко погруженные в молитву. Мальчик вернулся и попросил меня пойти за ним вверх по лестнице. Навстречу мне вышла маленькая женщина с морщинистым лицом и доброй, ласковой улыбкой. Я сразу узнал мать Терезу. Она радушно попросила меня присесть на каменную скамью рядом с ее комнатой и стала рассказывать о своем посещении Скандинавии, где она получала Нобелевскую премию, и о впечатлениях, которые остались у нее от этой части света. “Что меня особенно поразило в тамошних людях, – сказала она, – так это

скудость их целей. Это намного более серьезный вид нищеты, чем та, что я увидела здесь, лечить ее намного труднее”.

Мать Тереза была очень обеспокоена проблемами благополучных и развитых европейских государств. Что можно сделать с разделяющей людей бессердечностью? Она была спокойна и в то же время полна энергии. “Столь многие говорили мне, что если бы у них было время, или они были моложе, или у них не было бы финансовых трудностей и столь многих вещей, о которых они должны заботиться, они бы приехали в Калькутту и помогли мне”. Она продолжила с некоторой резкостью: “Мне они здесь вовсе не нужны! Их место не здесь! Мое призвание привело меня сюда, но я верю, что ваше призвание – вновь объяснить в Европе, что такое Божья любовь. Подумайте, как сделать любовь и заботу о ближних, о согражданах, движущей силой общества и производства”.

Я вовсе не ожидал, что эта маленькая женщина с морщинистым лицом может знать что-то о бизнесе и промышленности, однако она затронула центральный вопрос о мотивации, или общей цели – вопрос жизни и смерти нашего современного индустриального общества. Очевидно, что без внутренней устремленности к определенной цели, выходящей за рамки групповых интересов, невозможно решить наиболее насущные проблемы, например, связанные с этническими конфликтами, загрязнением окружающей среды, ростом безработицы и преобразованием бывшего коммунистического мира. Исходя лишь из экономических соображений, мы неминуемо зайдем в тупик. Если прибыль – это единственная цель и единственная движущая сила Европейского Сообщества, нет ни единого шанса создать преуспевающую Европу, которая поддерживала бы гармоничные отношения с остальным миром.

Проведенные в Чернобыле и на других атомных станциях исследования обнаружили зловещие признаки низкого качества оборудования. Недостаток “внутреннего качества” всегда имеет внешние выражения. И в таких случаях – это уже не частное дело.

Мать Тереза вернулась затем к бесконечной ценности каждого человека. Самое страшное, что может случиться с человеком, – он может оказаться ненужным. “Столь многие го-

ворили мне: то, что вы делаете здесь, – это великолепно. Однако, добавляли они, несомненно, что вы, сестры, можете охватить лишь малую часть нуждающихся”. Она улыбнулась и воскликнула: “Они не понимают самого главного! Бог не знает никакой арифметики! Он действует через отдельных людей, несущих огонь в своих сердцах, ведомых мечтой и призванием. Именно так начинается изменяться мир!”

Мы беседовали еще долго. Затем мать Тереза попросила одну из монахинь отвести меня в палату для умирающих. Там лежало много старых людей, а также неизлечимо больные дети. Сестры тихо и, казалось, безо всякого напряжения ходили по палате, иногда останавливаясь около какой-либо кровати и обменивались с больным парой слов. Здесь была необычайно непринужденная, спокойная атмосфера.

Прежде чем попрощаться, мать Мария серьезно посмотрела на меня своими большими глазами и сказала: “Храните верность Богу!” К этому уже нечего было добавить.

В один из выходных дней я навестил в Калькутте Сатью Баннерджи, профсоюзного лидера, о котором мне рассказывал один мой английский друг. Баннерджи побывал один раз в Ко с делегацией промышленников, а затем помог достигнуть примирения в раздираемой конфликтами провинции Западная Бенгалия.

Некоторое время побродив по огромному городу, я нашел в конце концов его дом в Калигате. Он предложил мне чаю и сразу же решил использовать мой визит в целях своей деятельности. Он спросил, не хочу ли я пойти вместе с ним побеседовать с людьми на производстве. Мы провели вместе остаток дня и весь следующий день. Баннерджи был настоящим энтузиастом, организовавшим производственные семинары для тысяч людей. Его программа была прямой и смелой: первый шаг на пути к решению проблем и установлению доверия – поступиться собственным самолюбием и начать с себя.

Приближалась Пасха. Однажды утром, когда я собирался поехать в Южную Индию, Баннерджи показал мне вырезанную им из газеты статью о смерти и воскресении Иисуса. Сам он был индуистом. “Я прочитал здесь об Иисусе, – сказал он. – То, что здесь написано, очень важно для меня и для других

людей на производстве. Я позвонил исполнительному директору одной компании и договорился о том, чтобы мы целый день посвятили обсуждению того, что это значит для нас”. В Европе я ни разу не встречал кого-либо, имеющего отношение к производству, будь то христианин или нехристианин, кто бы сделал своему коллеге подобное предложение.

Многие в Европе недооценивают промышленный потенциал Индии. Действительно, сотни миллионов индийцев живут в крайней бедности, но промышленные предприятия в этой стране во многих отношениях сопоставимы с европейскими.

Незадолго до своего отъезда я посетил одну фабрику в Бангалоре. Совершенно случайно я прибыл туда в тот самый день, когда станки должны были начать работу по нашему совместному проекту. Мне сказали, что мой приезд в этот день – счастливый знак. Последовали речи и церемонии. Длинной процессией мы прошли через всю фабрику. Весь взмокнув от влажного и жаркого воздуха, я пожал руки сотням людей. Один из них подошел ко мне с большой чашей какого-то напитка, похожего на йогурт, и налил его прямо в мои потные и грязные ладони, сложенные вместе как для благодарственного жертвоприношения. Атмосфера была очень торжественной. Но как это отразится на моем бедном желудке, волновался я. Сначала все было хорошо, но уж в аэропорту моему “внутреннему миру” пришел конец.

Путешествия по развивающимся странам открыли мне глаза на то, что мы несем ответственность за ту бедность, в которой пребывает большая часть населения мира, и вдохновили меня написать книгу под названием “Твое время – мое время”. Хотя скандинавы никогда не были колонизаторами, мы несли долю вины. Наше благосостояние было создано ценой непрерывного обнищания народов Юга.

20. Вам выпала честь начать танец!

Как-то в полночь, когда я вернулся из поездки в Восточную Германию, Айно встретила меня в прихожей. Прежде чем я сказал ей “привет”, она воскликнула: “Я знаю, что ты собираешься сказать!” “Что ты имеешь в виду?” – спросил я. “Точно то же самое, что ты сказал, когда вернулся в прошлый раз!” Вероятно, я отметил тогда, что вернулся из этой марксистской, атеистической, диктаторской страны с еще более сильной верой в Бога и еще более убежденным в Его провозвестии, чем до поездки. Христиане, которых я там встретил, не могли не произвести на меня глубокого впечатления.

По мере расширения нашего бизнеса я бесчисленное количество раз ездил в Восточную Германию, Болгарию, Чехословакию, Венгрию, Советский Союз и Польшу. Говоря о Восточном блоке, западные люди подразумевали, что он представляет собой совершенно однородное образование. Действительность была абсолютно иной. Я не смог обнаружить внутри этого блока никаких следов взаимной привязанности. Старая неприязнь между отдельными странами, между большими нациями и меньшинствами, была столь же сильной, как и всегда. Скрытое недоверие к Москве среди меньших государств было практически повсеместным.

Каждый год я участвовал в международной ярмарке в Лейпциге, проходившей на протяжении уже более сотни лет. Для Восточной Германии эта ярмарка была прежде всего пропагандистским шоу. В начале 70-х годов весь город заполняли лозунги. Огромные красные полотна свешивались с крыш домов: “Да здравствует 1 мая!”, “Год от года возрастает нерушимая боевая солидарность между Германской Демократической Республикой и Советским Союзом, глубоко укорененная в братских отношениях между социалистическими странами”, “Учиться у Советского Союза – значит учиться побеждать” и т.д. С течением лет количество транспарантов

уменьшалось, а их содержание менялось. Теперь они пытались извлечь выгоду из истории. В 1983 году, в год 500-летия со дня рождения Лютера, в витринах лейпцигских магазинов появились рядом друг с другом портреты Лютера и Маркса. “Два великих немца, борющихся за социальную справедливость”, – гласили надписи под ними.

Из-за нехватки гостиниц я останавливался обычно в студенческом общежитии, пустующем в дни ярмарки. В нем оставались лишь студенты из Мозамбика и Анголы. У них было мало возможностей познакомиться с немцами.

Когда я был избавлен от необходимости сидеть на бесконечных обедах, я обычно бродил по городу. Темные улицы были почти пусты. Как-то осенним вечером 1972 года я вошел в пустующую церковь и заметил напечатанное на мимеографе объявление, прикрепленное к внутренней стороне двери. В нем сообщалось о театральной труппе, дававшей представление в тот же вечер. Я нашел указанное место – это был дом на одной из боковых улочек. В небольшом зале на верхнем этаже сидело примерно двадцать человек: группа монахинь, несколько школьников и людей постарше и я.

Труппа собиралась играть пьесу некой Рут Лангхаммер. Организовано все было на редкость просто. Пожилой человек вышел вперед и поприветствовал всех собравшихся и в особенности – иностранных гостей ярмарки, то есть меня. Затем он коротко рассказал о пьесе и в конце сказал: “Если вы глубже вникнете в эту пьесу, вы поймете, какие последствия могла бы она иметь для всего общества”.

Мое любопытство нарастало. Я сидел как на иголках. Редко когда я испытывал столь сильные переживания. Я совершенно позабыл о примитивной обстановке, меня окружавшей. После спектакля я подошел к одной из актрис, женщине лет пятидесяти, которая оказалась самой Рут Лангхаммер. Я спросил, откуда у нее столь сильные и пламенные убеждения? Сначала она была несколько скованна и осторожна. Во время Лейпцигской ярмарки тайная полиция развивала чрезвычайную активность. Однако вскоре контакт между нами налажился. “Даже в столь тяжелых условиях, в каких мы живем, – сказала она, – мы чувствуем, что должны нести Евангелие другим людям, используя для этого новые пути”. Оказалось, что она побывала в Гамбурге еще до возведения Бер-

линской стены и видела одну из пьес Питера Говарда “Мистер Браун сходит с холма”, где рассказывалось об отношении к Христу в Англии 60-х гг. Она предприняла мужественную попытку поставить эту пьесу в Лейпциге, однако ей не дали этого сделать.

Я узнал, что эта театральная труппа была единственной в своем роде во всей Восточной Германии. Сначала она выступала по всей стране и даже ездила несколько раз на гастроли в Западную Германию. Теперь же ей разрешают выступать лишь в Карл-Маркс-Штадте, Дрездене и Лейпциге. Однако актеры часто дают тайно представления и в других местах.

Рут сказала мне, что любая пьеса должна была пройти предварительную цензуру, однако цензоры часто не улавливают сути, а кроме того, “они не могут подвергнуть цензуре сам дух постановки”. Труппе запретили давать объявления о представлениях и брать плату со зрителей. Все держалось на их энтузиазме. С места на место они переезжали на небольшом полуразвалившемся автобусе.

Всякий присоединившийся к этой труппе должен был забыть о профессиональной карьере. Зигфрид Холлицер, один из их главных актеров, потерял официальную работу, когда стал христианином. Теперь он работал с Лангхаммер за смешотворную плату. Он также энергично занимался еврейским вопросом и стал экспертом по делу Рауля Валленберга, шведского бизнесмена, в 1944 году спасшего жизнь тысячам венгерских евреев.

Семья Холлицеров пострадала очень сильно. Когда его дети подросли, из-за их смелых взглядов им запретили продолжать учебу в средней школе. Учитель отчитывал его дочь Констанцу перед всем классом: “Ты недостойна быть гражданкой Германской Демократической Республики. Ты позоришь нашу страну!”. Когда же в возрасте пятнадцати лет она попыталась поступить в музыкальный институт, весь коллектив допрашивал ее “с пристрастием” в течение двух часов. Они очень хотели заполучить столь одаренную студентку, однако прежде она должна была вступить в Союз свободной немецкой молодежи. Констанца отказалась, хотя друзья и пытались убедить ее: “Никто во все это не верит, но подумай же о своей карьере!” Позже, когда эта эпоха уже стала историей, я спросил Констанцу, что она думает теперь о сво-

ей позиции в тот момент. “Ничто не делает меня и моих братьев счастливее, чем тот факт, что мы тогда не уступили”.

Когда тем вечером я покинул “театр”, мой кошелек был пуст. У этих людей было такое же видение мира, как и у тех, что я встретил в Ко. Каким образом мы могли бы работать вместе? Сама мысль об этом могла показаться утопией.

Я подружился также с Гербертом Достом, церковным дьяконом, представлявшим пьесу в тот вечер, а также его женой. Перед войной, будучи молодым богословом, он принимал участие в проходившем в Берлине семинаре для духовенства. “С нами был там один американский лютеранский пастор, – рассказывал он мне. – Кажется, его имя было Фрэнк Бухман. В доме на противоположной стороне улицы работал со своими людьми Геббельс. Бухман научил меня обращаться к людям по-новому. Около сорока раз нацисты вызывали меня на допросы. Затем началась война со всеми бедами для нашей семьи. Однако после войны меня по-прежнему вело то же видение мира, даже в условиях коммунистической диктатуры”.

Когда Дост организовал театральную труппу, власти увидели опасность в его деятельности. Его обвинили в том, что он был агентом гестапо, а теперь стал американским шпионом. “Необходимо защитить церковь от подобных уголовников”, – заявила коммунистическая партия. Однажды его похитили прямо на улице и заключили в тайную тюрьму. Его жена ничего не знала о том, что с ним произошло. Его бросили в ледяную камеру два на два метра. Каждое утро охранник загонял его под ледяной душ. Дост решил не отчаиваться, но молиться за этого охранника, и через некоторое время этот человек поверил в Бога. Единственное, что он мог сделать для Доста, – подогреть воду. Тюремные власти пронюхали о том, что случилось, и охранника заменили. Новый надзиратель также стал христианином.

Вскоре наступил период оттепели в международных отношениях, и многих узников освободили; среди них был и Дост. Молодые христиане проявили самоотверженность, и когда Дост подошел к своему дому у величественной церкви Баха, сотни людей встретили его пением псалма. Они принадлежали к кругу активных христиан, в конце 80-х сыгравших решающую роль в процессе отделения Восточной Германии от коммунистического блока.

В середине 70-х я спросил своих лейпцигских друзей, что из того, что мы можем сделать для них на Западе, кажется им наиболее важным, – ожидая, что они попросят молиться за них и не забывать их. Однако Рут Лангхаммер сказала: “Прежде всего нам не хватает видения полной картины той битвы, которую ведет Бог в нашем мире. Как Бог вмешивается сегодня в происходящие события? И, во-вторых, мы очень хотели бы видеть подтверждение того, как это важно – оставаться верным Богу, несмотря на всю нашу изоляцию и постоянные угрозы в наш адрес”.

Я понял, что если мы, люди, живущие в свободном мире, будем крепко держаться своего призвания и ставить его выше какого бы то ни было личного успеха, мы сможем общаться с людьми на Востоке на равных, как с товарищами по работе. Нас не может разделить никакая внешняя стена, пусть даже она и мешает нашим друзьям с другой стороны встречаться с нами.

На протяжении двадцати лет я каждый год навещал в Лейпциге эту группу и побуждал общаться с ними и других людей из-за рубежа. Ни одного вечера я не оставался в своей гостинице. Меня принимали то в одном, то в другом доме. В середине 80-х Рут самоотверженно решила проводить собрания MRA в Лейпциге. Все это приходилось делать в обстановке строжайшей секретности. Участники приходили в зал с заранее согласованными интервалами.

В 70-х годах в западном мире начало распространяться своего рода “богословие успеха”. Если вы следуете Божьей воле, все будет хорошо и в бизнесе, и с вашим здоровьем, и во всем остальном. Если начались неприятности, значит, что-то не так в ваших отношениях с Богом. Этот поверхностный и ограниченный подход получил распространение во многих странах мира.

На востоке ситуация была прямо противоположной. Те, кто относился к своей вере серьезно, рисковали работой, местом в университете, карьерой. Сегодня встает вопрос: сохранилась ли та убежденность, что вдохновляла столь многих восточных немцев в то время? Бывшие жители ГДР часто ощущают себя в объединенной Германии гражданами второго сорта. Дадут ли они втянуть себя в водоворот материализма, или же все-таки смогут привить новые ценности всей стране?

Правительство Восточной Германии стремилось заключать во время ярмарки крупные контракты, чтобы рекламировать статистику своих успехов и поддерживать репутацию ведущей индустриальной державы.

В “узком кругу” многие восточногерманские производственники не упускали случая поиздеваться над своей системой. Один удрученный руководитель пожаловался как-то в моем присутствии: “Единственная статистика, которой я сегодня доверяю, – та, которую я сам сфальсифицировал”. Технический директор другой компании приветствовал меня словами: “Тридцать лет назад наша промышленность стояла на краю пропасти. С тех пор мы сделали большой шаг вперед”. Отвечая на вопрос, сколько людей работает на его фабрике, он сказал: “В лучшем случае – половина”.

Когда все технические и коммерческие стороны контракта были урегулированы, на последнем заседании обычно вмешивался ответственный представитель партийных органов на этом промышленном предприятии. Однажды я увидел напротив себя за столом человека с каменным выражением лица и несколько циничной усмешкой. Не могу сказать, что я почувствовал к нему симпатию. Я легко мог бы представить его в эсэсовской форме.

На столе громоздилась огромная куча бумаг. Я спросил этого чиновника, доволен ли он теперь контрактом? Он сказал, что в целом все в порядке, однако документ еще должным образом не утвержден, на нем не хватает печатей и подписей. Я был уже сыт по горло этой бесконечной и изматывающей процедурой. “Вы можете на каждой странице поставить подпись и сколько угодно печатей, – сказал я, – но если мы не будем доверять друг другу, вся эта груда документов не стоит даже цены той бумаги, на которой они написаны. Это похоже на брачный контракт, – продолжал я, – какое он имеет значение, если человек не будет его соблюдать?”

Внезапный импульс заставил меня добавить: “Когда мы с женой поженились, мы приняли решение ничего не скрывать друг от друга”. Партийный чиновник посмотрел на меня с изумлением, прямо-таки подпрыгнул на крае стула и спросил: “Как же это вам удастся?” “Полагаю, вы понимаете, что, путешествуя по всему свету, человек встречается с самыми разными ситуациями и искушениями. Хранить такое обеща-

ние, когда вы приезжаете домой, иногда может быть также несколько затруднительно. Однако это самое важное и значительное решение, которое мы приняли за все время нашего брака”.

С этого момента партийный работник так ни разу и не вернулся к нашему контракту. Вместо этого он стал откровенно рассказывать о своей семье, своих двух детях, своих опасениях и трудностях. Все его высокомерие исчезло. Я был крайне удивлен. Меня поразило, что мы, люди с противоположными политическими взглядами, носители разных языков и традиций, можем общаться просто как двое людей с одинаковыми проблемами и надеждами. Мне было стыдно за мою предвзятую позицию. Я решил, что никогда больше не буду судить о человеке или о целом народе, исходя из собственных предубеждений и предрассудков.

Работа по строительству заводов в Африке и арабском мире была подлинным испытанием для наших людей, занятых в этих проектах, то же самое можно сказать и о Восточной Европе.

Конкурируя со шведами, мы заключили контракт на строительство двух заводов в Болгарии: в Пловдиве и в Харджа-ли, недалеко от греческой границы. Как и во всех странах СЭВ, проект включал в себя целый том договоров, толстый, как телефонный справочник, бесконечные протоколы и казавшуюся непробиваемой бюрократию. Было невозможно подписать окончательный контракт, поскольку произошли небольшие изменения. Никто не хотел брать на себя окончательной ответственности; подписание отодвигалось все дальше, и наконец потребовалась подпись самого премьер-министра, так как никто не хотел подвергаться риску принять неправильное решение. Однако премьер-министр проводил выходы на Черном море. Нам пришлось подождать.

Постепенно, по мере развития событий, мы обнаружили, что болгары обладают определенной оригинальностью и достаточно широкими взглядами. Они не были столь дотошны и систематичны, как немцы. В пакетах контрактов всегда содержались ошибки, представлявшие потенциальную опасность как для нас, так и для них самих. “Не удалось сегодня – сделаем завтра”, – говорили они. Вскоре мы поняли, что все

эти бюрократические джунгли были для них слишком сложны и запутанны, и нам не следует бояться, что они впоследствии смогут припереть нас к стенке. “Не надо уделять этому трудному параграфу больше времени, чем он заслуживает” – таков был их подход. Из любой тупиковой ситуации находился какой-то выход. Постепенно у нас возникло определенное доверие, уже не связанное ни с какой бюрократией.

Строительство завода в Пловдиве было уже почти закончено. Я и наш руководитель проекта сидели как-то вместе с директором комбината и его главным инженером, сиявшими от удовольствия. Мы обменялись комплиментами, и нам обоим вручили по толстой, тяжелой медали с изображением Благоева, основателя коммунистической партии Болгарии. Вечером нас пригласили на праздничный ужин в одном из загородных ресторанов, окруженном пальмовыми деревьями. Было приглашено также большинство руководителей предприятия и их жены. Тосты и речи следовали одно за другим, настроение было великолепным.

Во время десерта появился оркестр и заиграл достаточно дикую и странную ритмическую мелодию. Директор обернулся ко мне и сказал: “Вам выпала честь начать танец!” У меня не было никакого представления, к какому танцу относится эта музыка. Однако выхода не было. Я сказал себе: “За Финляндию и нашу фирму!”, поклонился своей соседке по столу, довольно солидной даме, жене директора, и вывел ее на открытое пространство пола. Я решил положиться на свое чувство ритма и начал двигаться без всякого напряжения. Элегантно, стремительно мы делали повороты, наклоняясь подчас на 45 градусов. Время от времени я кружил свою дорогую партнершу. “Эти новые западные танцы – фантастика! – кричала она восторженно. – Я предложу мужу нанять вас приходящим учителем танцев для нашего предприятия!” Поистине это была бы завидная карьера, если бы я задумал бросить свою работу в Финляндии!

21. Польская кровь

Никто не мог бы обвинить поляков в излишней предусмотрительности. “Если бы у нас была хотя бы малая часть той политической уравновешенности, которая есть у финнов, дела у нас шли бы намного лучше, – сказал мне однажды с легкой завистью один польский политик. – Как только нам удается достигнуть чего-либо, наша неуравновешенность немедленно разрушает все это”. Однако напрашивается вопрос: смогла ли Польша стать бы сегодня свободной страной без своего безрассудства и дерзости?

Как-то в 70-е годы мы сидели в Варшаве в главном офисе крупной компании; в те времена коммунистический режим еще держал эту страну мертвой хваткой. Присутствовали двое от нашей компании и десять поляков. Один из польских руководителей спросил: “На каком языке мы будем разговаривать? Разумеется, я бегло говорю по-русски, – продолжил он, – однако мы не хотим говорить на этом языке”. Вечером нас пригласили на торжественный ужин в лучший ресторан Старого Города. Глава концерна, в котором работало более 30 тысяч человек, встал со своего места, поднял бокал и громко поприветствовал нас: “У обеих наших стран есть свои великие люди. У вас – Маннергейм, у нас – Пилсудский (лидер движения за независимость Польши в конце 19 – начале 20 в.). Ваше здоровье!” Разумеется, в то время в Польше нельзя было произносить таких тостов.

В своих деловых поездках мне удалось десятки раз побывать в различных частях Польши. Не всегда дела обстояли так, как мы рассчитывали. Однажды наша компания строила в Польше завод, но разные истолкования условий контракта привели к конфликту, в результате которого обе стороны посчитали необходимым обратиться в суд.

Однако в ходе этих событий я подружился с одним из руководителей этого предприятия, Янушем Витковским. При-

езжая в Варшаву, я иногда останавливался у него дома. Несмотря на то, что Януш не был членом партии, он служил коммерческим директором, поскольку богатый опыт и знание языков делали его незаменимым.

В годы второй мировой войны его отец был генералом Польской национальной армии и близким соратником защитника Варшавы, генерала Бор-Комаровского, которого я встретил во время своего первого посещения Ко. Когда бои разгорелись в самом центре столицы, двенадцатилетнему Янушу и его маленькой сестре удалось добраться по канализационным тоннелям до берега реки. Моторные лодки с беженцами пытались переплыть через реку. Одной из них, той самой, на которой были они, удалось это сделать, две другие затонули. В конце войны четырнадцатилетний Януш совершенно нищим вернулся из сельской местности в город. И городской дом, в котором жила его семья, и их деревенский дом были разрушены. В годы войны погибло 600 тысяч жителей Варшавы.

Януш закончил Технический университет и женился на Янине. Еще школьницей она поехала с хором на гастроли в Советский Союз и оказалась там во время нападения немцев на Польшу. Хору не разрешили вернуться на родину; Янину и ее друга послали в Сталинград работать на военном заводе. Ей и еще двум девочкам удалось бежать через линию фронта всего за четыре дня до полного окружения города. Через несколько месяцев ей с большим трудом удалось вернуться домой; там она узнала, что немцы арестовали ее отца. Каждая польская семья – живая иллюстрация кровавой истории этой страны.

Их сын Марек постоянно принимал участие в уличных студенческих демонстрациях в знак протеста против действий милиции. Янина все время панически боялась за него. Однажды зимним вечером, когда я сидел у них дома, пришел Марек. “Ты вел себя столь же безрассудно, как всегда?” – резко спросила Янина. “Если мы будем столь же осторожны, как вы, мы никогда не будем свободными!” – бросил Марек. “Ты молод и совершенно не видишь исторической перспективы. Ты не представляешь, через что прошла наша страна. Если все мы будем вести себя, как ты, наша страна погибнет окончательно!”, – возразил ему Януш. Марек вспыхнул: “Если

все будут вести себя, как ты, мы проиграем все дело! Ты изменник!” Чтобы восстановить мир, Янина бросилась успокаивать своих мужчин.

На следующий день Януш сказал мне: “Вчера мы затронули очень болезненный вопрос, разделяющий нас. Иногда я сам спрашиваю себя: не изменник ли я и в самом деле из-за своей чрезмерной осторожности?”

Группа патриотически настроенных промышленных работников со всей Польши проводила тайные собрания, на которых обсуждались трудные вопросы. Януш рассказал мне, что один из них был такой: что более патриотично, препятствовать развитию экономики, досконально выполняя все нормы и правила, – что неизбежно приведет не только к стагнации, но и к снижению жизненного уровня, – или же работать настолько эффективно, насколько позволят обстоятельства, чтобы возродить экономику, пусть даже все заслуги припишет себе коммунистическое руководство.

Когда в 1979 г., после визита папы Римского, “Солидарность” победила, все впали в эйфорию. Януш привел меня в штаб-квартиру “Солидарности” в Варшаве. Тут кипела работа, однако в то же время царила некая неопределенность. “Так долго продолжаться не может, – сказал Януш. – Это злое, спокоествие”. Несколько месяцев спустя я снова оказался в Варшаве. Януш был в страшном напряжении. “Каждую ночь я вскакиваю при малейшем звуке и подхожу к окну: не идут ли русские?” Его озабоченность была обоснованной. Всего через несколько недель войска Ярузельского прошагали мимо его дома. Было объявлено военное положение.

Сын Януша Марек был призван на военную службу и направлен в варшавский аэропорт. Однажды туда прибыл самолет из Италии, и начальник Марек заметил, что у Польши и Италии много общего. Как обычно, Марек не мог сдержаться. “Да, – сказал он, – и там, и тут есть своя мафия”. Его немедленно отправили в гарнизон в отдаленную часть страны.

Военное положение все еще действовало, когда я снова посетил завод Януша. Он быстро сказал мне: “Мы не можем говорить свободно ни в одной из комнат. Все они прослушиваются. Пойдем лучше на кладбище! Но ничего не говори в машине. Вчера я обнаружил, что мой новый шофер служит в тайной полиции”. Мы поехали “осматривать достопримеча-

тельности”: сперва на старое кладбище, а затем на место, где стояли величественные монументы коммунистических боссов. Там мы провели переговоры и обсудили наши планы. На обратном пути, по предложению Януша, я сказал несколько слов о “выдающихся заслугах” старых коммунистических лидеров.

Старые поляки, включая и Януша, не верили, что им придется снова увидеть свободную Польшу. Они ошибались. Несмотря ни на что, сталинская милиция вскоре оказалась слабее “дивизий Римского папы”. Однажды вечером в переполненной церкви я увидел старую женщину, стоявшую, опершись на палку. Когда наступало время для молитвы, она с большим трудом “спускалась” по своей палке и достигала пола, когда молитва уже почти заканчивалась, а затем снова медленно поднималась. На это невозможно было смотреть без волнения. “Бог не может позволить погибнуть такому народу!” – подумал я.

В конце 70-х годов мой друг из Бонна попросил меня навестить одного бывшего польского политического деятеля, с которым он когда-то познакомился в Германии. В самом центре Старой Варшавы я нашел дом Станислава и Эльвиры Стомма. По картам и фотографиям полякам удалось восстановить полностью уничтоженный бомбежками Старый Город в его первоначальном виде.

История семьи Стомма была типичной для поляков. Эльвира родилась в 1924 году в лагере для военнопленных в Восточной Сибири, куда заключили ее мать после первой мировой войны. Ее отца отправили в лагерь на Соловецких островах в Белом море, откуда он вернулся лишь в 1928 году с совершенно разрушенным здоровьем. И вскоре умер. В годы первой мировой войны семья Станислава потеряла свое большое имение в Литве. После второй мировой она снова оказалась в полной нищете.

Станислав был юристом, однако после войны, когда все вокруг было разрушено, единственное, что у него осталось, была его вера. Он начал изучать богословие. Он близко сошелся со своим однокурсником Каролом Войтылой, будущим папой Римским. “Но здесь на сцене появился роковой персонаж, – рассказывал Станислав, показывая на свою жену. – Она пришла и увела меня из сферы богословия обратно в мир

юриспруденции”. “Это было поистине роковым решением, – сказал я, – поскольку финская поговорка гласит, что юристу практически невозможно попасть на небеса”.

Стомма стал профессором уголовного права, а впоследствии членом парламента от небольшой католической партии, которую коммунисты разрешили, чтобы поддерживать видимость демократии. Многие в Польше говорили, что настоящий патриот не может быть членом управляемого коммунистами парламента. Стомма же полагал, что общественная жизнь должна продолжаться, несмотря ни на что, и что в ней должны участвовать не только члены коммунистической партии. Кроме того, сам кардинал Вышинский стремился к тому, чтобы церковь имела в политической жизни свой “наблюдательный пост” и смогла бы в свое время вступить в активное противодействие режиму.

Ситуация ухудшилась в 1976 году, когда проходил ратификацию новый конституционный закон, закрепляющий верховную власть коммунистической партии. “Это был принципиальный вопрос, по которому я не мог пойти на компромисс”, – рассказывал Стомма. Он вручил мне две фотографии из газеты. На одной – 459 членов парламента, поднявших руки в знак одобрения этого закона. На другой – те, кто голосовал против. Это был Стомма в полном одиночестве.

Ему пришлось покинуть парламента, однако его позицию теперь разделяли многие поляки. Когда я с ним познакомился, он был председателем Общественного консультативного совета при архиепископе и находился в самом центре трудных переговоров о сотрудничестве между церковью и государством. Стомма был краток, тактичен и чрезвычайно уচিতив, – настоящий польский пан старой закалки. Правда, он несколько походил на Чарли Чаплина. Не сразу можно было понять, что имеешь дело с настоящим человеком дела, влиятельным и энергичным.

Одна моя кузина в Финляндии, очень гордившаяся своей польской кровью, всегда расспрашивала меня о поляках, с которыми я встречался. Когда я упомянул имя Стомма, она сказала, что оно ей кажется знакомым. “Только подумай, мы, может быть, родственники!” “Ты сошла с ума, – сказала ей ее сестра. – В Польше живет 35 миллионов человек”. “Мы можем попытаться проверить”, – предложил я.

Однажды вечером, когда я был в гостях у Стомма, мы сравнили наши фамильные древа и, к своему великому удивлению, обнаружили, что наши роды действительно пересеклись благодаря некоему царскому генералу Стомма, которому случилось проводить лето в Финляндии. “Эла! – крикнул Стомма своей жене на кухню. – У нас есть родственники в Финляндии! Это надо отпраздновать!” Станислав вытащил бутылку старого бренди. “Да, – сказал я, – вам надо бы познакомиться с этими ‘близкими’ родственниками!”

Нам удалось пригласить в Хельсинки не только Станислава и Эльвиру, но и их сына, попросившего затем политического убежища во Франции. Многим ответственным лицам в Финляндии Стомма прояснил ситуацию в Польше.

Супруги Стомма хотели теперь, в свою очередь, показать нам Польшу. Однажды Станислав отвез меня в Ласки, католический центр для слепых детей недалеко от Варшавы, где небольшая группа добровольцев без всякой государственной поддержки ухаживала за несколькими сотнями детей. В 30-х годах Ласки был центром духовного возрождения польской церкви. Эльвира в течение трех месяцев работала здесь медсестрой во время варшавского восстания 1944 года, когда поляки сражались с немцами и тщетно ожидали помощи русских. В ее памяти навсегда запечатлелись слепые дети, державшиеся за ее руки, когда вокруг разгоралось сражение. С этого посещения началась моя связь с Ласки, продолжающаяся и по сей день.

Стомма знали о моем участии в проходящих в Ко промышленных конференциях. Стомма относился с симпатией к высказываемым там идеям, хотя он не очень любил Швейцарию и не верил, что добродушные люди из Ко смогут понять жесткую реальность польской жизни и внести какой-нибудь вклад в улучшение ситуации. Когда же Стомма наконец посетили Ко, они были удивлены. “Я понял, что я должен еще многое сделать, – сказал Станислав, которому было тогда почти 80 лет. – Одно из главных препятствий на пути развития Польши заключается в цинизме наших ведущих интеллектуалов. С ним надо покончить”.

Когда же, наконец, преграды рухнули и Польша освободилась от диктата Советского Союза и коммунизма, Стомма был избран в новый Сейм 80 процентами голосов в избира-

тельном округе, в котором он никогда и не жил. Как старейший сенатор в 1991 году он открыл заседание нового Сейма.

Двумя годами ранее Станислав праздновал свое 80-летие. Ватикан прислал специального представителя, отслужившего в его честь особую службу. За пару дней до того его пригласили на праздничный обед в посольство Западной Германии, где министр иностранных дел этой страны Ганс-Дитрих Геншер вручил ему высшую награду, которой его страна награждает иностранцев, за его вклад в дело восстановления отношений между Польшей и Германией.

Свою деятельность в этой области сам Станислав связывал со своим детским опытом. У его семьи было имение в Литве, и во время первой мировой войны через него проходили то русские, то немцы. Один молодой немецкий унтер-офицер научил Станислава ездить верхом и относился к нему заботливо, по-доброму. Мальчик понял тогда, что немцы вовсе не дьяволы и не нелюди, как о них говорили.

После второй мировой войны, после всех жестокостей и концентрационных лагерей, никто не хотел устанавливать отношения с Германией. “Тогда я вспомнил мой детский опыт, – рассказывал Стомма, – и решил, что необходимо пытаться наладить контакты с Германией. Удивительно, как одно-единственное событие наложило отпечаток на мое мировоззрение!” Затем он добавил: “Теперь стоит другой вопрос: как наладить отношения с русскими. Это будет еще сложнее”.

22. *Пример президента Садата*

В 1977 году внимание всего мира привлек визит в Иерусалим египетского президента Анвара Садата, стремившегося встретиться с премьер-министром Израиля и урегулировать отношения с этой страной. Этот шаг стал возможен благодаря неутомимым неофициальным усилиям Джимми Картера в Кемп-Дэвиде. И все же никто не мог даже мечтать об этом после тех унижений, которые пережил Египет.

Что-то в инициативе Садата затронуло меня до самой глубины души. У меня были довольно тесные связи с арабским миром. Некоторые политические комментаторы утверждали, что Садат был просто оппортунистом, однако я был убежден, что таков был Промысел Божий. Своей попыткой примирения Садат поставил на карту свой авторитет и политическое будущее. За свою смелость он вскоре поплатился жизнью.

Много дней я думал о Садате, и однажды рано утром меня поразила одна мысль: “А каков же твой Иерусалим?” Поглощенный неотложными делами и поездками, я смог забыть о тех конфликтах, которые мы пережили в МРА. И все же я сожалел о том, что соратники, исполнявшие единую миссию, не могли более сотрудничать друг с другом. “Достаточно ли у меня мужества, чтобы поступить так, как Садат?” – спрашивал я себя. Я не мог отделаться от этой мысли и однажды стал молиться об этом: “Боже, если Ты хочешь, чтобы я сделал шаг, который приведет к примирению, хотя бы самый маленький, укажи мне на это и дай мне силы его совершить”.

Вскоре я снова оказался в Польше вместе с президентом нашей компании. Однажды холодным, темным декабрьским утром мы ехали с Янушем в машине одной польской компании на фирму, расположенную в Пабьянице, довольно далеко от Варшавы. Мы дремали на своих сиденьях, когда внезапно шофер воскликнул: “Боже!” Машина поехала боком, затем стала медленно вращаться, по-прежнему на скорости

120 км в час. Мы ударились боком об ограждение разделительной полосы, однако не повернули назад, а, проскочив между двумя столбами электропередачи, выскочили на другую полосу и остановились посреди проезжей части. Навстречу неслась другая машина, однако она избежала столкновения и, пройдя буквально в дюйме от нас, вылетела прямо в поле. Вечером руководитель предприятия, выступая на праздничном ужине, провозглашал тост за тостом “за наше спасение”. Я думаю, это Бог услышал крик водителя о помощи. И моя жизнь была еще раз спасена.

Вскоре сходный случай произошел с Айно. Однажды она пожаловалась на слабую боль в ухе. Еще в школьном возрасте она переболела сильным воспалением ушей, однако после него не осталось никаких последствий, за исключением того, что одно ухо слышало хуже другого. Айно пошла ко врачу, который успокоил ее и прописал таблетки. Но они не помогли, и она обратилась к специалисту по ушным болезням, который также заверил ее, что скоро все пройдет.

Однажды утром, во время нашего молчания, независимо друг от друга нам обоим пришла в голову мысль поискать другого специалиста. Хотя Айно и считала, что у нас нет никаких оснований сомневаться в выводах этих врачей, она решила все же последовать пришедшей нам обоим мысли.

Один друг посоветовал нам обратиться к финскому профессору, который был в своей области, вероятно, крупнейшим специалистом в Европе. “Если он не знает, тогда никто не знает”, – сказал он. Айно удалось договориться с профессором о приеме, что было весьма непросто. “Предыдущие диагнозы совершенно ошибочны, – заявил он ей. – Ваш случай столь серьезен, что мы должны немедленно вас оперировать. Заражение проникло уже в мозг и вскоре может привести к смерти. Я поставлю вас в очередь первой”. Операция прошла успешно.

За короткий промежуток времени нам обоим была возвращена жизнь. Мы спрашивали друг друга: что это может значить?

Однажды мне в голову пришла совершенно отчетливая мысль: “Воля Божья не бывает непонятной или невнятной. Твой Иерусалим – это Стокгольм”. Я сразу же понял, что это значит. Долгие годы я сотрудничал с одним шведом, но после

раскола в MRA я совершенно забыл о нем и выбросил его из своего сердца. У меня не было к нему ненависти, я просто перестал о нем думать. Во мне начало расти чувство раскаяния. Я осознал, что в глазах Бога моя позиция была хуже ненависти, потому что ненависть это все же некое отношение к человеку.

То, что сделал мой шведский коллега, или что он оставил невыполненным, – все это внезапно оказалось совершенно несущественным. Я должен был попросить у него прощения за мое безразличное к нему отношение. Мне надо было также молить Бога, чтобы Он простил меня и наполнил меня новой любовью. Я рассказал Айно обо всем этом. “Это было бы замечательно с твоей стороны”, – сказала она.

Наше примирение принесло свои плоды. Мы не просто восстановили наши отношения, но стали близкими друзьями, и наша дружба продолжается по сей день. Я с удивлением наблюдал, как последствия этого шага расходятся, подобно кругам на воде. Вскоре я снова оказался в самом центре нашего братства, и между нами не было никаких барьеров.

Я не был в Ко уже четырнадцать лет. Теперь я смотрел на это место совершенно другими глазами. Его очарование исходило вовсе не от блестящих лекций и аналитических исследований, но от той среды, в которой люди приходят к осознанию своего предназначения в этом мире, и воля Божья помогает им справляться с самыми трудными мировыми проблемами. И если вы обрели глобальное понимание своей деятельности, вас уже никогда не удовлетворит что-либо более узкое и ограниченное. MRA больше не было для меня неким “движением”, в котором я выполняю определенную задачу. Теперь это была скорее некая общая миссия, призванная нести целительную силу всепрощения и внутренней свободы в самое сердце современного общества.

Открытие этой новой миссии в моей жизни наполнило меня чувством благодарности. Айно заметила произошедшие изменения. В последние годы она временами жаловалась, что я веду себя, как лев в клетке: раздражительный, обидчивый и неудовлетворенный. Все это осложняло наши отношения. Мы вновь обрели единство в деятельности, которой могли теперь отдать все наши силы без остатка. Это помогло нам пройти через те неожиданные трудности, с которыми мы вскоре столкнулись.

“Слушай, как ты думаешь, а не создать ли нам свой центр в парламенте?” – сказала мне однажды Айно. В то время как я был постоянно занят встречами и деловыми поездками, Айно раздумывала о том, как помочь нашим политикам увидеть события в более широкой перспективе. Разве нам, финнам, достаточно, что дела идут хорошо лишь в нашей стране? Надо бы создать группу депутатов парламента, которая бы занималась происходящим на границах нашей страны.

Как пришла в голову Айно такая идея? Поводом этому послужили события в Африке.

Когда я был в Лондоне в 1980 году, один приятель сказал мне: “У меня есть пара молодых друзей из Зимбабве, они мечтают посетить Скандинавию до своего возвращения домой. Не мог бы ты помочь им? Проблема заключается в том, что Родезия перестала существовать как государство, однако Зимбабве еще не получило официального статуса, а потому скандинавские посольства не выдают визы”. Вопрос был сложным, однако с помощью одного доброго человека в Хельсинки удалось получить специальные разрешения для этих двух граждан Зимбабве. Нашим политикам представилась уникальная возможность больше узнать об этой стране. Война за независимость там закончилась, и все хотели знать, что помогло им избежать более кровавого варианта событий.

Микко Асунта обратился в Министерство иностранных дел и к членам парламента от обеих партий. Они проявили живой интерес. Зимбабвийцы рассказали, как в предвыборный период перед провозглашением независимости Алек Смит, сын белого премьер-министра, помог организовать встречу между своим отцом и Робертом Мугабе. Незадолго до того Ян Смит назвал Мугабе “орудием дьявола”, а Мугабе поместил Смита во главе списка приговоренных к смертной казни. Алек был наркоманом и уже отбывал раньше наказание за контрабанду наркотиков. У него было чудесное видение, он обрел христианскую веру и решил немедленно реализовать ее на практике. Встреча между Смитом и Мугабе помогла предотвратить подготовленный белыми государственный переворот.

Вскоре был снят документальный фильм, в котором Алек Смит и несколько ветеранов борьбы за независимость рассказывали о своем опыте. “В Финляндии премьера этого

фильма должна состояться в парламенте”, – сказал Микко Асунта. Он собрал около 50 членов парламента – консерваторов, коммунистов и либералов. В этот день начала воплощаться в жизнь идея Айно. Вскоре после этого Алек Смит, впоследствии ставший единственным белым военным капелланом в новой зимбабвийской армии, целую неделю гостил у нас в Хельсинки.

В последующие годы к нам прибывал непрерывный поток гостей из разных стран мира. Они поделились своим опытом в деле достижения примирения и сотрудничества на достаточно прочной основе, которая не могла быть разрушена первым же штормом. Приезжали церковные деятели из Африки и социалистические лидеры из Франции, молодые люди из Индии. Наш дом стал похож на оживленную улицу, на которой встречались люди с разных континентов.

Одним из наших наиболее активных сотрудников группы стала Маргит Борг-Зундман, член парламента и одновременно – президент Всемирного совета женщин. Она была одним из самых бесстрашных и решительных политиков, которых я когда-либо встречал. Она осмеливалась поднимать нравственные вопросы и всегда была готова к тому, что ее поймут неправильно, поскольку знала, что иммунная система демократии зависит от способности смело идти в бой, преодолевая искушение промолчать.

Парламентский администратор как-то сказал, что она была самым искренним и честным депутатом. Она принадлежала к консервативной партии, однако часто, к негодованию партийных лидеров, голосовала в соответствии с собственными убеждениями, а не с линией партии. Хотя ее взгляды были диаметрально противоположны коммунистическим, она дружила с Гертой Куусинен, председателем коммунистической партии Финляндии, дочерью одного из доверенных лиц в сталинском правительстве времен второй мировой войны. Обе женщины много пережили за свою жизнь, и этот опыт связал их узами крепкой дружбы, несмотря на политические разногласия.

В 1944 году, когда Карелия отошла русским и полумиллиону финнов пришлось переселиться к западу от новой границы, Маргит непосредственно занималась этой проблемой. После провозглашения независимости Зимбабве также стол-

кнулось с проблемой переселения, и Маргит получила приглашение приехать туда и поделиться своим опытом в этой области. Хотя ей было уже 80 лет и у нее были серьезные проблемы со здоровьем, она решила принять это приглашение.

Друзья, родственники, а также лечащий врач безуспешно пытались отговорить ее. Домработница в конце концов сказала ей: “В следующий раз мы с вами встретимся на небесах”. Однако Маргит вернулась вовсе не в гробу, а в еще лучшей форме, чем до отъезда.

Когда она отмечала свое 85-летие, моя двадцатилетняя дочь Элина сказала: “В компании Маргит я совершенно забываю о возрастных различиях!”

23. Прошло несколько недель

Однажды утром в январе 1983 года Айно почувствовала боль в желудке. Врач не увидел особой опасности, но на всякий случай он сделал несколько рентгеновских снимков и послал их специалисту. Тот в свою очередь сделал дополнительные снимки и предложил провести диагностическую операцию. Через несколько дней Айно положили в больницу.

После операции я встретился с главным хирургом в палате, где лежала Айно. Проведя запланированный небольшой разрез, врачи обнаружили запущенную раковую опухоль; два хирурга оперировали ее в течение целого рабочего дня. У них не было иного выбора, кроме как удалить весь желудок и еще три органа. Симптомы были столь слабыми, что без хирургического вмешательства поставить диагноз было невозможно. Вероятно, наблюдая постоянную усталость и слабость Айно, мы должны были понять, что что-то у нее не в порядке. Однако стояла зима, жизнь у нас была очень напряженной, а потому ее утомление не вызывало подозрений.

Айно только что проснулась и ничего не знала о результатах операции. Хирург спросил меня, что, на мой взгляд, он должен ей сказать. Я ответил, что однажды мы решили ничего не скрывать друг от друга, и это решение остается в силе. “Раз так, это лучше всего”, – сказал он. Когда десять минут спустя я увидел Айно, она совершенно спокойно сообщила мне то, что сказал ей хирург. Мы решили, что Элина, которой было тогда пятнадцать, должна знать всю правду, – и придерживались этого решения на протяжении всей болезни Айно.

С весьма характерным для нее упорством Айно начала поправляться. На нее произвел большое впечатление 103-й псалом, в котором псалмопевец восхваляет Господа “всею внутренностью своей”⁶. Айно с улыбкой сказала: “Здесь точ-

⁶ В Синодальном переводе: Пс 102:1 – *Прим. пер.*

но указано, каким должно быть мое отношение ко всем этим проблемам с желудком”.

Год спустя врач сказал нам, что может дать нам на будущее “зеленую улицу”. Больше не было никаких следов рака. Мы могли строить долгосрочные планы, хотя, конечно, операция означала, что Айно должна снизить физическую нагрузку и соблюдать диету. Это был день великой радости. Мы не могли поверить, что это правда. Стояла весна, и мы даже запланировали небольшое путешествие в Швейцарию.

Однако вскоре Айно как-то отметила, что испытывает больше трудностей с питанием, чем обычно: возможно, имело смысл принимать перед поездкой какие-то таблетки. Для уверенности доктор захотел получить результаты рентгеновского анализа. Новые снимки оказались нечеткими, и хирург решил сделать небольшой разрез, чтобы удостовериться, что все хорошо. Айно надеялась на лучшее, однако в глубине души была, вероятно, готова и к худшему.

Наступила Пасха. Уже в больнице Айно записала в своем дневнике: “О Иисус, Тебе приходилось справляться с любыми ситуациями. Посмотри вместе со мной на мое положение и помоги пережить его”. Разрез обнаружил новую большую опухоль, распространившуюся по всему организму. Врач был совершенно изумлен. Для операции было уже слишком поздно, уже не могли помочь ни радиация, ни химиотерапия. “Жестокая болезнь!” – только и сказал он. По его расчетам конец должен был наступить очень скоро, возможно, через несколько недель. Я покинул больницу совершенно убитый.

Второй раз за эти полтора года перспективы нашей жизни совершенно изменились. Нас окутало тяжелое ощущение конца. Айно упорно боролась, проходили недели и месяцы. Однако болезнь и боли все сильнее отражались на ее внешности; в самом конце она весила всего 40 килограммов. Айно переносила все это стойко, хотя временами бремя казалось невыносимым. “Это тоже часть жизни – научиться уходить”, – сказала она мне однажды. Много лет спустя, когда процессы распада поразили Европу, я вспомнил слова Айно. Многие благополучные жители моей страны не желали хотя бы на йоту поступиться своим благополучием, чтобы помочь безработным.

На службе мне приходилось забывать о том, что происходило дома. Однако по дороге на работу и с работы все это вновь обрушивалось на меня; я ехал в машине и плакал.

Чудесным образом оставшееся для Айно время растянулось на целых четырнадцать месяцев. После ее кончины я обнаружил разрозненные записи, которые она делала в моменты отдыха. Обычно Айно не сохраняла такие записки, однако эти она писала весь период ее болезни. Прочтя их, я обнаружил, что у этого тяжелого времени была и другая сторона.

Последние месяцы для Айно были заполнены поиском некоего внутреннего мира, столь же реального, как и внешний мир; она задавалась вопросами: где ответ на все наши страхи? Что значит Божье призвание в ситуации, когда исчерпаны любые возможности для внешней деятельности? Каково место и роль умирающего человека в обществе?

Самым удивительным было непрерывно возраставшее в ней чувство благодарности. В самом конце именно это чувство поддерживало в ней жизнь. Оно свидетельствовало об ином отношении к человеческому существованию, о чем-то, пронизывающем всю нашу жизнь независимо от ситуаций, в которых мы попадаем.

Я попросил Элину и сестру Айно прочитать ее записки. Обе пришли к убеждению, что они могут оказать серьезную поддержку другим людям, оказавшимся в сходном положении. В результате появилась небольшая книжка “С благодарностью за все” (“Thankful for Every Turn”), впоследствии переведенная на шесть языков.

Аино попеременно жила то дома, то в больнице. Иногда она хотела остаться дома еще на несколько дней. Я и Элина не знали, что делать в таких случаях. Элина проводила весь день в школе, моя работа подразумевала частые поездки за границу. Дома мы не могли обеспечить Айно необходимый ей уход. Я часто испытывал муки совести. Однако Айно верила, что Бог знает, что для нее лучше, и что постепенно Его воля станет для нас более очевидной. В начале своего пребывания в больнице она написала: “Хорошо в эти дни побыть одной, в спокойствии и мире, в своего рода ‘уединении’. С некоторыми вещами и ситуациями лучше встречаться в одиночестве”.

Столкнувшись лицом к лицу со смертью, Айно часто задумывалась о будущем нашей дочери, к которой она относи-

лась как к величайшему чуду в своей жизни. Когда-то врачи сказали Айно, что у нее, скорее всего, никогда не будет детей. Теперь Айно поняла, что будущее Элины должно остаться в Божьих руках. “Если я испытываю страдания по поводу Элины, это означает мое настоятельное желание, чтобы ее жизнь протекала благоразумно, счастливо, спокойно и без каких-либо изменений. Но ведь это может помешать самому важному – ее личному росту”.

Аино думала и о моем будущем. Однажды она сказала совершенно неожиданно: “Сегодня мне пришла совершенно ясная мысль о том, что после моей смерти ты женишься еще раз”. “Никогда!” – немедленно ответил я. “У меня никогда не будет такого спутника, как ты!” На это она совершенно спокойно сказала: “Ты говоришь сейчас одно, а Бог хочет другого. Ты не станешь ближе к Богу, если не женишься еще раз. Смотри же, не связывай себя узами с прошлым, если нет на то Божьего изволения”. Позже, всего за несколько недель до смерти, она вернулась к этой теме. “Послушай”, – сказала она, – “обещаешь ли ты открыть свое сердце для нового брака?” Я пробормотал что-то неопределенное. “Обещаешь?” – уже более настойчиво повторила Айно. “Хорошо, хорошо”, – ответил я. Через четыре года я женился еще раз.

Каждый вечер мы с Элиной ходили в больницу. За долгие месяцы мы изучили каждый камень на этом пути. Айно радовалась, что в наших отношениях не было ничего нерешенного или неестественного. Она лежала в прекрасной палате на пятнадцать человек в старом хирургическом госпитале в Хельсинки и с большим участием относилась ко всем остальным пациентам. “Я хочу быть соработником Христовым в этой палате, – писала она. – Именно к таким людям Он особенно близок, хотя в обычной жизни я бы едва ли стремилась общаться с ними. Но Христос умер за всех них, знают они об этом или нет”. И она продолжала с юмором висельника: “Я считаю так называемым безнадежным случаем, мое состояние в этой палате самое тяжелое. Поэтому у меня есть шанс вселить в них надежду, какого нет ни у кого другого!”

На соседней койке оказалась как-то церковная служащая, буквально парализованная страхом. Впоследствии она рассказывала мне, что благодаря беседам с Айно она обрела внутренний покой и новую веру. Несколько раз, когда Айно

была дома, одна молодая пара приходила к нам помочь по дому. Эта женщина сказала мне, что Айно помогла ей начать новую жизнь: “Я никогда не встречала человека, который бы так понимал то, что может сделать Бог через человека или народ, решивший следовать Его воле, чем эта умирающая женщина”.

Айно не принимала подход некоторых врачей, видевших в своих пациентах лишь больных людей. Один из консультантов, каждый день посещавших их палату, был холоден и бесчувствен; он не давал своим пациентам ни малейшей возможности поделиться их переживаниями. Главная медсестра и сопровождавшая его свита помощников трепетали перед ним. Однажды, когда он остановился перед Айно, с недоумением взирая на ее записи, она не смогла сдержаться. “С вами, доктор, невозможен никакой человеческий контакт!” – громко сказала она, так что это услышала вся палата. Врач был явно обескуражен, главная медсестра также была потрясена. Айно расплакалась. Вечером сестра, дежурившая по палате, сказала ей: “Вы высказали именно то, что все мы чувствовали, но не осмеливались сказать”. На следующий день к ним в палату пришел другой консультант.

Тяга Айно к жизни была неукротима. Она пыталась найти в своем положении больше надежд, чем врачи. Несколько утешало ее то, что лежавшие рядом с ней находились в лучшей ситуации, хотя и сама она хотела бы избавиться от своей болезни. Однажды сиделка уговаривала ее смириться и жить в реальном мире. “Но ведь есть столько реальных вещей, – писала Айно. – Само собой очевидно, что мое положение – это реальность, однако жизнь вечная и могучий поток продолжающейся жизни – это тоже реальности. Сестра права, но кроме этого есть еще столь много всего другого. Наша взаимная искренность и открытость – это тоже реальность. Реальность означает вовсе не одну лишь скорбь и трудности, но и Божью любовь!”

Библия всегда очень много значила для Айно. Теперь же она стала для нее неисчерпаемым источником надежды и силы. “Библия полна обещаний. Бог ставит нас в самые разные ситуации и дает нам силу, чтобы их выдержать”.

Она худела все больше и больше, силы начали покидать ее. Когда однажды я был у нее, пришел представитель одной об-

щины и сказал, что, по его мнению, причина болезни Айно – ее грехи. “Если бы у Вас было больше веры, вы смогли бы вернуть себе здоровье, – заявил он. – Вы должны уверовать в Бога!” Он процитировал при этом ряд стихов из Библии. Я уже не мог сдержаться. “Конечно, мы верим, что Бог может совершать чудеса и сегодня, как Он делал их раньше. Но ведь апостол Павел трижды просил избавить его от физических мук, но получил не избавление, а силу выдержать страдания”.

Посетитель рассердился: “Все вспоминают этот пример”. “А мне кажется, что он неплох, ведь апостол Павел был довольно набожным христианином, не так ли? – ответил я. – Вспомните и Иисуса, безуспешно просившего избавить Его от уготованной Ему участи. Но затем Иисус сказал: ‘...не как Я хочу, но как Ты’⁷. И, наконец, все, кто был в прошлом исцелен, впоследствии умерли. Они лишь получили еще немного времени”.

Посетитель огорчил Айно; после его ухода она сказала: “Может быть, у меня действительно нет той веры, которая должна быть?” Однако на следующее утро она была спокойна и счастлива. “Знаешь, я подумала, что Бог и правда может излечить болезнь, если захочет. Однако главное в нас – это, конечно, не тело, но душа и дух. И если бы я освободилась от страха и тревоги – это было бы самым великим чудом!”

Много людей приходило навестить ее и дома, и в госпитале. Однажды Айно пожаловалась мне, что многие из них устраивают ее и повергают в уныние. “Иногда я так хочу получить от них поддержку, потому что я тоже человек, которому приходится все время бороться с собственной природой! Теперь же мне ничего другого не остается, как самой пытаться приободрить их”.

Однажды Айно пришла проведать ее школьная подруга, вышедшая замуж за посла Соединенных Штатов. Айно писала: “Ее муж – посол сверхдержавы. Я, посол Царства Божия, – и столь ничтожна. И все же это высшее призвание из всех возможных”. За несколько месяцев до кончины Айно сказала: “Никогда прежде мое призвание исполнять волю Божью здесь, на земле, не означало для меня столь много, как сегодня”.

⁷ Мф 26:39; Мк 14:36 – *Прим. пер.*

Благодаря Айно многие люди стали осознавать, что польза, которую можем мы принести, исполняя Божью волю, имеет мало общего с нашими внешними заслугами, но непосредственно зависит от того, отдаемся ли мы этому делу всей душой и всем сердцем. Она попросила нас говорить на ее похоронах не о ней, но о нашем призвании. Она видела жизнь в более широкой перспективе. “Наша жизнь – это часть вечности, и вечность начинается здесь”, – сказала она.

Иногда Айно была подавлена, так как непрерывное лечение и боль постоянно давили на ее нервную систему. Она страдала, потому что не могла общаться с другими людьми привычным для нее образом. Ее приводила в уныние ее беспомощность, и тогда она чувствовала себя совершенно бесполезной. “Как могу я быть орудием Божиим? Как бороться с тоской и дурными чувствами? Вновь и вновь душа исполнена греха”. Она продолжала: “Я должна все время помнить о том, что, хотя я действительно не могу полагаться на саму себя, тем не менее я могу верить Богу. Это дар Его милости. Это сознание должно быть присуще жизни обычного христианина, а вовсе не обязательно святого”.

Прошел уже целый год вместо предсказанных врачами нескольких недель. Главная медсестра сказала, что Айно нарушила все прогнозы врачей. За нее молились по всему миру, и Айно была уверена, что в этом и заключается весь секрет. Станислав и Эльвира Стомма позвонили однажды из Варшавы и сказали, что в течение девяти дней за Айно молились 90 монахинь из монастыря св. Урсулы.

Отношение Айно к Христу было простым: “Подумай только, мне не нужно говорить ему ‘Господь’; я могу только сказать Ему – ‘Привет!’ – и Он уже передо мной. Он говорит со мной так, как говорил со Своими учениками”. Она писала: “Помни, что Иисус – твой лучший друг. Ему тоже не нравится эта ситуация, но мы можем попробовать вместе с Ним сделать все, что можно. Слава Богу, что, несмотря ни на что, все хорошо. Неважно, как все обернется: жизнь продолжается”.

Она старалась не впадать в уныние. “Благодари за все, что дал Господь в этой жизни, – писала она в своих записках. – Я бы ни с кем не поменялась своей жизнью. Благодарю за все, даже за болезнь. Прими ее как дар, потому что она побуждает тебя обратиться к Богу”.

Температура у Айно часто достигала 41 градуса. Она не могла выпить даже глотка воды. Она спрашивала доктора: знает ли он случай, когда такая болезнь вылечивалась. “Никогда”, – отвечал он. “Я не жалею о смерти, – говорила она. – Но я очень беспокоюсь, что я не до конца вверила Богу будущее Элины”.

Наступило лето. В последние недели мысли Айно были исполнены света и веры. Однажды она сказала: “Быть может, мне осталось прожить всего лишь день, но теперь я могу посвятить людям всю себя до последнего дыхания”.

“Самая тяжелая форма рака”, – отметил однажды доктор. “Я приняла болезнь, – писала Айно. – Я стала совершенно спокойной и умиротворенной. Я люблю Христа, потому что Он понимает обычного человека. То, что действительно нужно людям, – это мир и покой в их разуме и душе. Иисус обладал этим, поскольку в Его жизни были истинные ценности и приоритеты. Теперь я не считаю смерть разделяющей нас границей, я смотрю в будущее с радостной надеждой на жизнь вечную. Моя вера в вечную жизнь упрочилась. Я тоже стану причастна ей”. Однажды она записала свой сон: “Я увидела белого агнца с шерстью, нежной, как шелк. Вокруг царило страдание, но по мере приближения к нему все существо наполнялось великим спокойствием и ощущением полной безопасности”. Она рассказала другой сон: “Это был большой город на вершине горы, похожий на Сан-Франциско. Над ним было ослепительное сияние, и из него изливался кристально чистый поток”.

Перед самым концом Айно разрешили побывать дома. Два дня спустя, перед возвращением в больницу, она сказала, стоя перед входной дверью: “Я знаю, что больше уже никогда не приду сюда. Да благословит Господь дом сей”.

Я опоздал на двадцать минут к смертному одру моей матери; я вернулся домой уже после кончины моего отца и брата. Я не хотел, чтобы так случилось снова. 36 часов подряд я сидел возле Айно. Рядом была Элина, иногда дремавшая на полу палаты. В день своего рождения, за два дня до кончины, Айно сказала: “Библия дает нам потрясающую надежду!” Ее последние слова были: “Как это чудесно – видеть тебя и Элину”. Казалось, что ее большие, светлые глаза смотрят куда-то вдаль и ввысь; Айно подняла руки, как будто пытается за что-то ухватиться. Больше она не сказала ничего.

24. И у нас масса времени!

Три года, проведенные рядом с постепенно слабеющей матерью, были для Элины очень тяжелым испытанием: она перешла в последний класс школы. А для меня этот год стал последним годом моей активной работы на производстве.

Почти бессознательно я понял, что мне необходимо решить, что же в моей жизни действительно важно для меня. Я всегда верил в значение молитвы, однако в последние десятилетия для нее часто попросту не хватало времени. Теперь же я почувствовал насущную потребность выделить время не только по утрам или поздно ночью, но и в середине дня для молитвы о своих коллегах и друзьях, о наших планах, о народах и их лидерах. Я не мог представить последствия этих молитв, однако нечто в глубине моего существа говорило мне, что это необходимо. Во мне возрастала уверенность в том, что Бог по-прежнему со мной, чтобы указывать мне дорогу вперед.

Еще до того как мы поженились, Айно провела четыре года в Австралии, на Тасмании и в Новой Зеландии. Она очень хотела как-нибудь съездить туда вместе со мной. Теперь уже было слишком поздно, однако летом 1986 года мы с Элиной получили возможность пройти по ее следам. Элину пригласили участвовать в учебной программе MRA для молодежи, в основном, из стран Тихоокеанского региона и Азии, а меня – в целой серии акций, направленных на оздоровление горной промышленности Австралии и сельского хозяйства Новой Зеландии, оказавшихся в тяжелых конфликтных ситуациях.

Когда мы покидали Финляндию, было 36 градусов мороза; прибыв в Сидней, мы оказались в 36-градусной жаре.

За несколько лет до того мне уже удалось получить представление о непринужденном характере австралийцев. Однажды в июле, когда мы с Айно собирались вот-вот отправиться на несколько дней за город, в дверь позвонили. В дверях сто-

ял дружелюбно улыбавшийся человек с женой и двумя детьми. “Мы приехали из Австралии”, – объявил он. “Мы уже где-нибудь встречались? – спросил я. – И как вы нас нашли?” “Нам очень хотелось хотя бы раз в жизни увидеть Скандинавию. Мы узнали, что у жены одного нашего друга есть знакомый, сестра которого как-то познакомилась с финской девушкой Айно, много лет прожившей в Австралии. Нам удалось узнать ее новую фамилию и адрес, и вот мы здесь – у нас масса времени!” Айно, узнав об этом, сказала: “Это – Австралия. Мы не можем их разочаровывать. Надо отложить поездку”.

Подобно тому, как это происходило с индейцами обеих Америк, европейские поселенцы безобразно относились к аборигенам Австралии и маори Новой Зеландии и чуть не стерли их с лица земли. В Новой Зеландии мы с Элиной приняли участие в конференции, организованной маори в резиденции царицы этого племени в небольшом городе Нгаруавахья. 150 участников ночевали в *мараи*, больших, красиво украшенных традиционных домах. В них была только одна комната, стены которой были увешаны портретами предков, сыгравших значительную роль в истории племени маори.

Группа энергичных англичанок всячески пыталась организовать наши спальные места в соответствии с принципами английской добропорядочности: семейные пары образовывали бы “моральный барьер” посредине помещения, одинокие мужчины спали по одну сторону от них, а женщины – по другую. К их ужасу, когда гости вошли в помещение, источающая дружелюбие пожилая хозяйка сделала гостеприимный жест и предложила каждому выбрать себе матрац. Посреди ночи я проснулся от звуков, которые издавали две храпевшие в унисон пожилые женщины. В полутьме я увидел кошку, медленно ходившую между рядами спящих делегатов.

Целью мероприятия, проводившегося в резиденции царицы, было урегулирование ситуации в беспокойном Тихоокеанском регионе. Однако было совершенно невозможно согласовать между собой все представленные на нем противоречивые политические и религиозные позиции. Люди говорили о случаях исторической несправедливости: но насколько нам имеет смысл углубляться в историю? Этот вопрос столь же актуален и в Европе, и в Африке. В истории невозможно найти такие общие для всех отправные точки, с которых мож-

но было бы начать обсуждение. Однако мы увидели перед собой людей из разных стран Тихоокеанского региона, нашедших мужество встретиться друг с другом и признать свою личную вину и вину своего народа.

Позже, когда Элина начала заниматься по своей программе, я отправился с группой людей в один удаленный населенный пункт в глубине австралийской пустыни; он был основан сто лет назад, и его население было занято на горных разработках. В Мельбурне было принято решение закрыть эти шахты, и тем самым всему городу был подписан смертный приговор. Атмосфера там была, как перед концом света. Мэр города, называвший себя “левым марксистом”, пригласил нас принять участие в собрании, которое должно было попытаться найти какой-то выход. “Консультация – а не конфронтация” – так он назвал эту встречу. Я рассказал ему об опросе, который показал, что цинизм, более чем какой-либо другой фактор, препятствует творческому развитию экономики. Мэр задумчиво посмотрел на меня. Затем он сказал: “Я никогда не думал о такого рода цинизме, однако, как я теперь понимаю, именно в этом и состоит сама суть проблемы. Именно отсюда мы и должны начать”.

Новый управляющий компании также принял участие в собрании. Он оставил спокойную и прибыльную работу, чтобы испытать свои силы и попытаться спасти этот горнодобывающий поселок. Теперь он решил посвятить часть своего рабочего времени личным встречам с отдельными рабочими. Ни один руководитель прежде не утруждал себя тем, чтобы выяснить, о чем они думают. Отчаяние начало отступать, администрация и профсоюз стали сотрудничать друг с другом. Экономические показатели постепенно улучшались. Год спустя мы узнали, что высшее руководство в Мельбурне отменило решение о закрытии шахт.

Когда, посетив и Японию, мы с Элиной наконец вернулись домой, она сказала: “Я теперь смотрю на жизнь совсем по-другому!” Примерно полгода спустя она однажды пришла ко мне. Она хотела что-то сказать, но не решалась. Я терпеливо ждал. Затем она рассказала мне о своем решении посвятить свою жизнь Богу, а также о той внутренней борьбе, которая предшествовала этому решению. Я спросил, что же привело ее к этому. “Несомненно, Австралия”, – ответила

она. Элина решила стать музыкантом и сотрудничать с энтузиастами из разных стран. Своим талантом они стремятся открыть людям духовное измерение жизни.

В начале 90-х годов, став членом правления финского Общества Танзании, я принял участие в дискуссии с бывшим президентом этой страны Джулиусом Нийрере. Он отметил, что идея нового международного экономического порядка, единогласно одобренная ООН в 1974 году, теперь подвергается насмешкам как нечто нереальное. Однако животрепещущие вопросы, которые и привели к принятию этой резолюции, вовсе не потеряли своей актуальности: нищета, завышенные цены на природные ресурсы, 15 миллионов детей, каждый год умирающих от голода.

Нийрере потерял веру в то, что можно решить подобные вопросы на правительственном уровне. Когда-то он верил, что можно, развивая промышленность, достичь благосостояния. Теперь же он был совершенно убежден, что приоритетом должны быть интересы простых людей.

В другой ситуации, когда один экономист-европеец сказал, что придется сократить помощь развивающимся странам на время экономического кризиса, один африканец вежливо ответил ему: “Мы бы не отказались хотя бы от одного дня европейского экономического кризиса”. То, за что мы (включая и марксистские страны) выступали в Европе, завело Африку в тупик, а потому мы должны принять на себя ответственность за все ошибки. Это вовсе не означает, что мы будем диктовать африканским государствам свою волю, но подразумевает нашу готовность вместе решать их проблемы как равные партнеры.

В 1980 году я вошел в состав группы представителей Скандинавских стран, стремившихся заложить более прочный фундамент для партнерства со странами Африки. Возникла наша инициатива достаточно необычным образом.

Около пятидесяти участников МРА со всех континентов собрались на двухнедельную встречу в монастыре в небольшой итальянской деревне Неми. Мы хотели осмыслить наше общее призвание после произошедших болезненных конфликтов и расколов. Большинство из нас много пережили, в результате чего изменили взгляды на свою жизнь и свое буду-

щее. Мы молились, пребывая в молчании, – и разочарование и горечь стали постепенно уходить. Взаимные обвинения и критика уступили место желанию понять собственные взгляды и позиции. В нас появилась готовность двигаться дальше с еще бóльшим смирением, чем прежде. Однажды вечером мы, представители Скандинавских стран, пошли в церковь и, преклонив колени перед алтарем, отрелись от всех своих заблуждений и молили Бога избрать нас своим орудием.

Я участвовал во многих встречах с деловыми людьми и специалистами по развивающимся странам. Они выступали за партнерство с Африкой, но в частных беседах высказывали свою истинную позицию: говорили, что африканцы никогда не смогут вывести экономику их стран на правильный путь из-за их “врожденных особенностей”. В Неми мы осознали, что подлинное партнерство должно быть основано на убеждении, что мы, представители индустриальных стран, можем также научиться чему-то весьма полезному у людей из так называемого развивающегося мира, как у отдельных его представителей, так и у целых народов.

Свою задачу мы видели не в создании новых организаций для оказания помощи этим странам, но в разрушении стены обвинений и конфликтов, которая возникла в связи со всеми неудачами последних лет. Многие в Европе утверждали, что теперь наиболее верный путь для африканцев – самим определять будущее своего континента; в то же время установить взаимные контакты между африканскими странами было по-прежнему очень трудно. Мы обнаружили, что восточноафриканские государства ценят свои отношения со Скандинавией особенно высоко, поскольку мы не связаны с их колониальным прошлым. У нас завязались оживленные личные контакты с Кенией, Танзанией, островами Пемба и Занзибар, Угандой.

Мы хотели выступить катализаторами и предлагали проекты, позволявшие подготовить почву для дальнейшего прогресса. Датчане готовили условия для последующих инициатив со стороны датских тред-юнионов, рассчитанные на простых людей; шведы и норвежцы сосредоточили свое внимание на сотрудничестве в области сельского хозяйства; мы, финны, организовали в Институте предпринимательства в Каухаве учебные программы для мелких предпринимателей

из Танзании. Каждый из тех, кто прошел у нас подготовку, в свою очередь у себя дома обучал других желающих.

Как и мы в Европе, Африка столкнулась с многочисленными проблемами, в частности, с этническими конфликтами и коррупцией. Мне было больно видеть, сколь многие западные бизнесмены саботировали начинания тех африканцев, которые пытались быть честными. Я столкнулся со многими европейскими бизнесменами, считавшими взятки “частью африканской культуры” и платившими, чтобы обеспечить более гладкое проведение своих экономических операций. В некоторых Скандинавских странах такие выплаты вычитались из сумм, подлежащих налогообложению. Проводились даже специальные семинары на тему, как платить взятки наиболее эффективным и элегантным образом, – хотя, разумеется, все это называлось совершенно иными словами. Говорили, к примеру, об “особых мерах по развитию экспорта”. Тем временем я думал о своих друзьях в Африке, которые рисковали своей работой и своим бизнесом, приняв решение быть честными.

Когда в 1991 году я отмечал в Дар-эс-Саламе свое 70-летие, стояла 40-градусная жара, влажность достигала 99 процентов. Друзья-танзанийцы организовали банкет. Епископ Элиназа Сендоро, гостивший однажды у нас дома в Финляндии, произнес длинную речь о нашем партнерстве. “Это великий дар нашего Господа”, – сказал он. Его слова были лучшим подарком на день рождения, который я когда-либо получал.

25. Холменколлен

Я совершенно забыл о том вопросе, который Айно поставила передо мной в 1985 году, перед своей кончиной: “Обещаешь ли ты открыть свое сердце для нового брака?” Она не хотела, чтобы я жил прошлым. Однако сначала я лишь старался пережить эту тяжелую утрату и урегулировать тысячи связанных с ней вопросов.

Однажды утром пару лет спустя я записал: “Не отвергай Еву”. Быть может, не очень-то романтично, однако пробуждающиеся чувства переросли в уверенность. Я знал Еву по прежним встречам скандинавских активистов, однако не очень хорошо. Она была норвежкой, импульсивной и временами вспыльчивой, актрисой и от природы, и по профессии. Следующим летом мы встретились с ней в Швейцарии до ее возвращения в Норвегию. Я вовсе не думал, что в моем возрасте я могу снова влюбиться. Однако совершенно очевидно, что именно это и случилось!

Осенью 1988 года я решил съездить в Осло. На мой взгляд, мои шансы были пятьдесят на пятьдесят. Это было бы для нее радикальным шагом: в 50-летнем возрасте бросить работу, друзей, дом и переехать в Финляндию, с ее практически недоступным для изучения языком. Разумеется, Еве нужно было бы несколько недель, чтобы подумать. Мы поехали на вершину Холменколлена, холма недалеко от Осло, где проводились соревнования по прыжкам с трамплина; там я и сделал ей предложение. К моему полному удивлению, она сразу же согласилась. Причина, по которой она это сделала, была еще более поразительной.

Двадцатью двумя годами раньше, Ева и несколько других норвежцев были как-то у нас с Айно в гостях в нашем доме. Во время разговора за чашкой кофе ей в голову пришла совершенно ясная и отчетливая мысль: “Вот твой будущий муж”. Пораженная нелепостью этой мысли, она подумала:

“Фрейду было бы что сказать по этому поводу!” В то время ее интересовал другой человек. Она решила забыть об этом, и в последующие двадцать лет это ей удавалось.

Через год после смерти Айно Ева находилась в Танзании. Путешествуя по районам страны, она однажды сосредоточенно фотографировала зебру и внезапно почувствовала, что у нее внутри как бы раскрылась завеса и впервые ей со всей ясностью вспомнился эпизод, произошедший в Хельсинки. Ощущение было столь явственным, что она непроизвольно сказала находившемуся рядом с ней другу-датчанину: “Теперь я знаю, за кого я собираюсь выйти замуж!” Когда я приехал в Осло, она уже знала, зачем я прибыл, хотя я еще не сказал ей ни слова.

В годы перед второй мировой войной «Оксфордская группа» пользовалась в Норвегии большим влиянием. Еще до рождения Евы его испытали ее родители. Во всех слоях общества, включая и церковь, люди проповедовали примирение, открытость и честность. Такое количество норвежцев стало выплачивать скрываемые ими прежде налоги, что властям пришлось предпринять специальные меры, чтобы принять в казну все поступавшие денежные потоки. Отец Евы, Таральд Хансен, также внес тогда значительный денежный “вклад”.

Хансен был директором крупной компании. Председатель совета директоров компании, один из крупнейших норвежских промышленников того времени, как-то спросил его, почему он так заинтересовался «Оксфордской группой». “Потому что испугался, что цифры интересуют меня больше, чем люди”, – ответил Таральд. Председатель несколько минут задумчиво смотрел в окно, затем сказал: “Пожалуй, мне, в общем-то, люди неинтересны”. Как узнал впоследствии Таральд, председатель распорядился, чтобы он оставался в составе правления как можно дольше, поскольку компания нуждалась в той позиции, которую он представляет. Он ушел на пенсию в 82 года.

Ева росла недалеко от Осло вместе с шестью старшими братьями и сестрами. В 1940 г. ей было три года, войну она пережила будучи ребенком. В Норвегии расположились 400 тысяч немецких солдат. Она вспоминает, как взрослые избегали ответов на некоторые вопросы, по всей видимости, из-за

страха перед оккупационными властями. Но маленькие дети бывают так болтливы! Ничего не значащая улыбка была единственным ответом, которую она получала, когда в возрасте шести лет начала размышлять над проблемой зла и устройством ада. Кто главный: Гитлер или дьявол? И куда отнести премьер-министра Квислинга?

Местную школу превратили в немецкий штаб, и занятия в классе Евы перенесли в здание общественной сауны на другой стороне улицы. Школу охраняли немецкие солдаты, и матери каким-то образом узнали, что в ее дворе работали пленные. Они давали детям свертки с едой, чтобы те перебрасывали их через колючую проволоку в заросли кустарника, улучив момент, когда часовые не видели этого. Ева помнит лицо одного медленно прогуливавшегося норвежца, лицо которого сияло от удовольствия. Однажды она сильно испугалась, увидев на железнодорожных путях позади школы группу изможденных и грязных русских пленных.

Фирма Таральда Хансена была норвежской, однако ее компания-учредитель была американской. Это означало, что он мог свободно посещать столицы других Скандинавских государств, где находились филиалы компании. Благодаря этому он мог понять то сложное положение, в котором оказалась Финляндия. Ева нашла как-то старую фотографию Маннергейма, разговаривающего с Гитлером, и спросила отца, действительно ли финны были на стороне нацистской Германии? “Так нельзя говорить, – ответил он, – поскольку финскому правительству приходилось маневрировать в исключительно опасной ситуации, и поэтому их действия не стоит критиковать”. По его мнению, скорее стоило бы поставить вопрос о позиции некоторых скандинавских промышленников, скрывавших под маской нейтралитета отсутствие всяких принципов.

Когда Еве было пятнадцать, она бросала свои занятия спортом и друзей и бежала домой всякий раз, как только перед воротами останавливался старый “Фиат”. В послевоенные годы большая группа молодых норвежцев отправилась в Германию, ситуация в которой во многом напоминала Россию 1990-х годов, чтобы работать там в рамках MRA. Приезжая домой, они часто навещали родителей Евы и рассказывали о немецких шахтерах Рура, после долгих лет атеизма

открывших иной путь к братству и справедливости, чем классовая борьба. Их слова волновали Еву. Христианская Европа несомненно утратила что-то очень существенное, думала она, иначе как же смогли бы произойти все ужасные по своей жестокости события последних десятилетий?

Именно тогда, никому об этом не сказав, Ева обратилась к Богу с просьбой, чтобы Он взял на себя заботу о ее жизни. Она заработала денег, чтобы на летние каникулы 1954 года поехать в Ко.

Вернувшись домой, к своей учебе, она начала осознавать роль Божьего промысла в своей жизни. С 1943 года ее старшая сестра страдала психическим заболеванием; это повлияло на атмосферу в семье, где многие темы обходили молчанием. Мама Евы была добрым и чувствительным человеком, однако она слишком устала от постоянной тяжелой работы. Она испытывала чувство глубокой вины из-за серьезной ошибки, которую совершили врачи при лечении сестры Евы. Однажды утром Ева записала: “Чаше мой посуду. Не бойся маминного плохого настроения, оно не имеет к тебе никакого отношения”. Постепенно она стала лучше понимать внутренний мир самой себя и других людей и впервые смогла открыто говорить с родителями о вещах, которые очень ее волновали.

Когда ей было немногим больше двадцати, она проработала две зимы с группами MRA в Лондоне, помогая вести хозяйство в большом доме на Беркли Сквер. Я побывал здесь в 1947 году. В эти годы волна борьбы за независимость прокатилась по бывшим английским колониям, и многие африканцы, арабы и азиаты, участники этой борьбы в своих странах, часто навещали этот дом. Однажды в нем побывал президент Ганы Нкрума в сопровождении свиты из двадцати человек.

Летом 1961 года, после двухлетней работы в Ко, Еве пришлось задуматься о своем будущем: должна ли она поступить на работу, или продолжать учиться, или же все свое время посвятить работе в MRA? Она молилась о том, чтобы принять правильное решение, и обратилась к Богу: “Пусть после моей смерти останется что-то значимое!” Ей показалось, что как будто кто-то другой, находящийся в комнате, ответил ей: “Тогда ты должна выбрать, кто будет царем твоей жизни: ты или Я”. Ее отношения с другими людьми и с Бо-

гом были неизмеримо более важными для нее, чем то, что она делала или где работала.

Однажды она увидела играющих на улице детей, и на следующий день ей неожиданно пришла в голову мысль: “Самое важное в мире – умение преодолеть страх”. В это время многие работники MRA круглый год оставались в Ко. В воздухе часто возникало ощущение разочарования и тревоги. Ева понимала, что MRA предстоит пережить нелегкие годы; она чувствовала, что не обладает качествами, необходимыми для этой деятельности. Идеализма уже было недостаточно. Ей еще предстояло научиться очень важным вещам. Она поняла, что должна вернуться в Норвегию и поступить на работу.

С течением лет ее начал волновать вопрос замужества. Однажды она почувствовала, что Господь как бы обнял ее за плечи и сказал: “У Меня есть план для тебя, однако до того момента ты должна оставаться незамужней”. Иногда все же впадая в депрессию, она была уверена, что не упустила ничего такого, что действительно должна была предпринять.

Много лет спустя, уже после смерти отца, ее мама заболела и нуждалась в заботе и уходе. Ева была рада, что может помогать ей и жить с ней в одном доме. “Я стала лучше понимать пожилых людей и по-настоящему привязалась к ним”, – говорит она сегодня. – Я понимаю, что именно этот период дружеских отношений с мамой помог мне впоследствии оторваться от всего этого и поселиться в другой стране”.

В 1986 году, после смерти мамы, Ева чувствовала себя слишком усталой и надломленной, чтобы проводить отпуск с друзьями. Пасху она решила провести в долине Гудбрансдален, в небольшом приюте для людей, которые посвятили себя другим, но сами при этом ощущали себя истощенными и измученными. Окружающая обстановка способствовала сосредоточению. Сознание Евы было занято одним мучительным вопросом: действительно ли Иисус стал царем всей ее жизни. Призыв, услышанный много лет назад, она восприняла, однако чувствовала, что в некотором смысле все еще не совершила того, что могла и должна была сделать.

Здесь, среди горного безмолвия, перед ней встали два вопроса — о любви и ненависти. Простая мысль поразила ее: “Разве не настало время прощения?” В глубине души она все еще хранила горькие воспоминания своего детства. Кроме

того, она считала ошибочными свои отношения с одним человеком. В присутствии священника она передала в руки Господа все свои горести и все свое будущее. Ось ее существа как бы сместилась и перешла от ее собственного источника сил к Иисусу. Ей уже не казалось, что она должна сама размышлять о своих проблемах и задачах: она обрела уверенность, что существует правильный путь, даже если она и не всегда может его уяснить.

Через несколько дней после нашей поездки на Холменколлен я вернулся в Финляндию. Элина была счастлива услышать мои новости, однако вовсе не выглядела удивленной, как я того ожидал. “Слушай, пап, – сказала она, – восемь месяцев тому назад я догадалась, что вы с Евой собираетесь пожениться, хотя тебе я об этом тогда ничего не сказала”.

После свадьбы в Норвегии мы устроили себе короткий медовый месяц, катаясь на лыжах в горах Хардангервидда. Как истинная норвежка Ева превосходно чувствовала себя в горах. Разумеется, я не мог отказаться сопровождать ее. На карту была поставлена финская гордость. После первого же ужасного спуска по ледяному склону я полностью вышел из строя на весь остаток медового месяца.

Ева ушла с работы, упаковала вещи, покинула свой дом и переехала в Финляндию. “Я думаю, Бог хочет от меня чего-то большего, чем то, что я просто приеду сюда и стану твоей женой”, – сказала она. На наших свадебных кольцах были выгравированы слова, с которыми обратился апостол Павел к своим друзьям из Фессалоник: “Верен Призывающий вас, Который и сотворит сие!”⁸ Мы уже имели возможность убедиться в действенности этого обетования, и события на Востоке придали ему еще большее значение.

Вскоре мы были вовлечены в решение проблем, далеко выходящих за пределы наших собственных возможностей.

⁸ 1 Фес 5:24. – *Прим. пер.*

26. Виноват или невиновен

Мы поженились в начале 1989 года, прямо перед падением Берлинской Стены. Вскоре зашаталась вся Восточная Европа. Многие подумали, что мы стоим на пороге новой эры стабильности во всем мире. Один чиновник ООН из Брюсселя, приехавший к нам в тот момент, сказал, что Европа находится в периоде бурного развития. Он выглядел очень самоуверенным, и его мало заботили трудности развивающихся стран и этнические проблемы в Европе. Вскоре после его визита разразился кризис в Персидском заливе. Затем последовала война в бывшей Югославии, экономический спад в нашем регионе и конфликты вокруг Маастрихтского соглашения.

Коммунистическая идеология пала, однако вскоре стало очевидно, что старые коммунистические структуры вовсе не исчезли. Они сохранились благодаря связям между людьми и стали основой для последующих попыток создать политические партии. Их программы теперь часто носили националистический характер, иногда в весьма крайних формах. Другие политические образования, не имевшие опоры на старые структуры, оказались в невыгодном положении.

В связи с произошедшими в Европе радикальными переменами Финляндия была вынуждена заняться самоанализом, подчас мучительным. Все последние 40 лет, используя свой нейтралитет, мы пытались выстоять против попыток Советского Союза подчинить себе нашу страну. Наши политики повторяли старую песню о дружбе с СССР до тех пор, пока людям это вконец не опротивело. Конечно, должен был сохраняться определенный баланс в официальных отношениях, однако в действительности за всеми этими разговорами о дружбе скрывался лишь страх, излишняя осторожность и стремление снискать расположение русских, подчас удивлявшихся тому, сколь легко мы шли на уступки. По иронии судь-

бы наиболее резкая реакция на советское вторжение в Чехословакию в 1968 году исходила не от консервативных политиков, но от членов финской коммунистической партии.

Наши экономические успехи были отчасти связаны с двусторонними торговыми соглашениями с Советским Союзом. Крах СССР поверг нас в жесточайший экономический кризис. Сближение с нашими соседями по Балтике, установление новых отношений с Россией, новая ориентация в Европе после вступления в 1995 году Финляндии в Евросоюз, наша традиционная принадлежность к Скандинавским странам, – все эти элементы сыграли свою роль в поисках нашего места в будущем мире.

Перемены в Восточной Европе вызвали изменения и в географическом положении Финляндии. Мы больше не были “аванпостом свободы на Востоке”. Мы оказались теперь в самом центре Северной Европы. Во времена моего детства отец часто ездил в Голландию через Балтийские страны или Штеттин. Сегодня вновь открылся этот старый европейский маршрут из Санкт-Петербурга через Варшаву и Берлин в Париж. За короткое время этот путь, Санкт-Петербург–Таллинн–Варшава, стал основным направлением нашей с Евой работы.

Со стыдом мы, финны, были вынуждены признаться в том, что были безразличны к тому, что довелось вынести нашим балтийским соседям. Одним из результатов давления со стороны Советского Союза и нашей собственной цензуры было то, что никто ничего не писал и публично не говорил о ситуации в странах Балтии. Так или иначе, нам пришлось признать, что свободное эстонское государство – это всего лишь ушедшая в прошлое история, хотя мы и могли видеть эстонский берег всякий раз, когда плыли в Швецию, а многие из пожилых людей бывали в этой стране в своем детстве.

В начале 40-х годов 80 тысяч эстонцев были депортированы в Сибирь. 30 тысяч из них так и не вернулись. Бесследно исчез эстонский епископ Рахамяги, часто навещавший моих родителей в 30-х годах. Отец одного из ближайших наших друзей был депортирован и оказался на золотых рудниках Магадана. Через 30 лет после его смерти русские власти прислали извещение о том, что причиной его смерти была “остановка сердца”.

Многие на Востоке ожидали, что благодаря обретенной свободе они скоро увидят ощутимые перемены в своей повседневной жизни. Однако вскоре мечты стали таять. После долгих трудных лет весьма непросто оставаться терпеливыми и продолжать верить в то, что говорят руководители. Все более усиливалась власть мафиозных структур, вышли на поверхность и многие другие проблемы. В годы своей деловой активности я был совершенно уверен в безопасности ночных прогулок по Москве или по окраинам Лейпцига – в отличие, скажем, от Центрального парка Нью-Йорка. Свобода развязала руки разного рода криминальным элементам в восточных странах.

Я почувствовал это уже во время моей поездки на южную границу Польши в 1991 году. В 6 часов утра я вошел в пустое купе поезда на главном вокзале Варшавы. Внезапно из темноты показались трое мужчин. Они схватили меня железной хваткой и опустошили мои карманы, в то время как я безуспешно пытался сопротивляться. Они исчезли столь же быстро, как и появились, с моим бумажником, паспортом и билетами.

Поезд должен был отправиться через несколько минут. Мог ли я продолжать свое долгое путешествие без документов? От полиции нельзя было ждать никакой помощи. Однако я не мог пропустить конференцию, на которую собирался поехать. Что мне было делать? Помолившись, я понял, что должен выйти на платформу. Выскочив из вагона, я заметил кондуктора, готового дать сигнал к отправлению. Затем, в шестидесяти метрах от себя я увидел женщину, которая кричала мне на чистом шведском языке: “Это ты, Пол?” На подножке другого вагона стояла жена одного австралийского священника из Аделаиды, у которого я останавливался в 1987 году во время моей поездки по этой стране.

Я подбежал к ней и объяснил, что произошло. “У меня есть билет для одного друга, который так до сих пор и не появился”, – сказала она. Я вскочил в вагон, и поезд тронулся. К своему удивлению, на полу соседнего вагона я обнаружил свой паспорт. Хотя все мои деньги пропали, успокоившись, я даже с некоторым удовлетворением подумал, что, возможно, они послужат развитию больной польской экономики.

Когда в странах бывшего Восточного блока начались прогрессивные процессы, одновременно недооценивалась необ-

ходимость внутренних преобразований. В эпоху коммунистической диктатуры тысячи мужественных мужчин и женщин выступали против режима и успешно вынесли все испытания, однако этим вовсе не исчерпывалось духовное состояние этих стран.

В 1994 году один русский бизнесмен в Санкт-Петербурге сказал мне, что “каждый русский бизнесмен проходит через сильнейшую психологическую перестройку”; именно на этом, внутреннем, уровне “происходит наиболее кровавая и тяжелая битва”. Руководитель одного христианского института подтвердил эти слова: “По всей стране люди боятся друг друга. Сегодня в России война идет внутри нас, это происходит и в церкви. Мы и не заметили, как за советский период высохли и истлели наши души”.

Многие люди на Западе полагают, что с улучшением материальных условий люди становятся более нравственными. Факты не подтверждают эту аксиому. В 1992 году эту проблему затронул финский премьер-министр. “В период экономической депрессии многие люди почувствовали, что оказались не только в экономическом, но и в духовном тупике, – сказал он. – Полагают, что духовный кризис исчезнет сразу же после улучшения экономической ситуации. Я считаю, что как раз все наоборот. Может быть, вся страна и ее граждане сперва должны достигнуть духовного спокойствия и равновесия, прежде чем пытаться преодолеть экономический кризис?”

Моего 75-летнего друга Алпо Хукка, бывшего руководителя Финской церковной миссии, попросили помочь восстановить церковную жизнь в одном российском городе, некогда принадлежавшем Финляндии. Он родился в этом городе, ходил там в школу и в конце войны бежал оттуда на Запад вместе со всеми остальными жителями. После года работы в России он сказал мне: “Мы совершенно не осознаем, сколь тотальному разрушению подверглись самые основы общества в годы коммунистической власти. Была подорвана вера, а вместе с ней и вся общественная мораль. Это, в свою очередь, убило всякую инициативу, а в результате общество было полностью парализовано. Не стоит воображать, что эти основы общественной жизни можно будет восстановить быстро. Это потребует упорных и самоотверженных усилий по крайней мере двух поколений”.

Его мнение подтвердили недавние исследования профессора Стефана Гарелли из Лозаннского института управления, позволившие определить, сколько времени потребуется для восстановления неэффективной, больной экономики. Оказалось, что если проблемы вызваны инфляцией или нарушениями в балансе платежей, меры по корректировке экономики смогут изменить ситуацию за три года. По крайней мере десять лет потребуется в том случае, если причиной была технологическая отсталость. Однако если была опрокинута сама шкала человеческих ценностей, ждать придется не менее двадцати лет. Юрий Карякин, специалист по Достоевскому и советник по культуре президента Ельцина, сказал: “Мы находимся лишь в самом начале пути духовного преодоления коммунизма”.

Вопрос о вине и невинности, как коллективной, так и личной, чрезвычайно актуален в новой Центральной и Восточной Европе. Не в последнюю очередь все эти на первый взгляд неразрешимые конфликты связаны со сталинской политикой переселения народов. Около 50 процентов населения Латвии и около трети населения Эстонии составляют русские. Многие эстонцы считали это русское меньшинство потенциальной “пятой колонной”.

В 1993 году одна женщина-политик выразила свое сожаление по поводу того, что две эти общины в Эстонии живут, как бы отвернувшись друг от друга. Однако она доказывала, что после всех своих травмирующих переживаний эстонцы просто психологически не могут доверять русским. Она просила о понимании, объясняя, что эстонцам просто нужно некоторое время, чтобы прийти в себя. “Я уверена, что если бы официальное руководство России ясно и недвусмысленно признало ошибочность прошлой политики, это значительно облегчило бы установление доверия между нами”.

Со стороны русских мне пришлось слышать иную версию. Один русский священник возбужденно сказал мне, что русский народ нельзя ни в чем винить, потому что он болен. “Вирус коммунизма появился на Западе”, – отметил он. Один русский редактор, живущий в Эстонии, сказал мне: “Мне не о чем жалеть. Я не был членом партии и никогда не стремился к коммунизму. Кроме того, ведь сначала поддержали и

финансировали революцию в России не русские, а евреи”. В разговор вмешалась его жена: “Я не согласна с моим мужем. Мы, русские, прирожденные империалисты и без всякого коммунизма. У нас внутри всегда была опасная смесь мистики и жажды власти”. Но ее муж стоял на своем: “Мы чего-либо достигнем лишь в том случае, если перечеркнем свое прошлое и будем все вместе строить наше будущее”.

Но разве это так просто? Как отметил один эстонец, “прошлое невозможно зачеркнуть”. Лишь примирение на более глубоком уровне имеет шанс стать чем-то постоянным.

Одна учительница из Санкт-Петербурга сказала мне, что в качестве первого шага к примирению необходимо “сказать всю правду”. Она добавила, что 60 процентов школьников в ее городе верят в то, что в 1939 году, когда Сталин и Гитлер еще были большими друзьями, финны напали на Советский Союз. Искажение фактов влияет на отношение к людям. То же самое происходит в Эстонии. Одна образованная русская пара в Таллинне твердо заявила мне, что это эстонское правительство попросило в 1940 году Советский Союз занять Эстонию, чтобы защитить ее.

Уполномоченный РФ по правам человека, депутат Государственной Думы Сергей Ковалев сказал в 1996 году в Ко: “Если мы не готовы трезво посмотреть на свое прошлое, мы не сможем ясно увидеть и свое будущее”. Он сказал также, что его народ “лишен какого бы то ни было ощущения национальной вины. Мы ищем виноватых везде, кроме как среди самих себя”. Затем он добавил: “Сегодня мы считаем себя жертвами. Однако я думаю, что без чувства национальной вины невозможна какая бы то ни была эволюция в сфере законности и прав человека”. В конце концов, он ушел в отставку с поста уполномоченного по правам человека из-за несогласия с российской политикой в Чечне.

До недавнего прошлого эстонцы видели в России и русских главную угрозу своей обретенной заново независимости. В 1997 году я принимал участие в проведении в Эстонии семинара для представителей всех стран Балтийского региона. Один эстонский профессор говорил там о том страхе, который в ходе истории глубоко укоренился в его соотечественниках. “Кто захватит нас в следующий раз? Мы всегда жили рядом с большим соседом, и мы всегда автоматически отожд-

дествляли русских с коммунистами”. Он пытался искать более глубокие причины; особенно его беспокоил крах системы ценностей и его последствия для общества. “До недавнего времени было непопулярно и даже опасно говорить об общественных ценностях, поскольку это напоминало людям коммунизм. Теперь же необходимо восстановить систему ценностей. Строить доверие между людьми намного важнее, чем делать деньги”. В ответ один русский профессор призвал объединить усилия и сделать христианские ценности общими для всех стран Балтийского региона.

Покаяние и всепрощение – очень личные вещи, их невозможно превратить в метод или систему. Лииза Пуллкинен, жена моего старого друга и коллеги Отто, выросла на ферме у русско-финской границы, принадлежавшей ее семье на протяжении более пятисот лет. Проведенная в 1944 году новая граница проходила прямо по их земле, превратив большое поместье в маленький земельный участок. Их фамильный дом оказался в запретной полосе прямо на границе и все время просматривался со сторожевых вышек русских пограничников. Родителей Лиизы охватила горечь и злоба, передавшаяся и их детям.

Когда в 1991 году Лииза приехала в Ко, при виде большой группы русских она оцепенела. “Я не хочу иметь с ними никаких дел!” – воскликнула она. Хотя Лииза и выросла на границе, никогда прежде лично не встречала ни одного русского. Однажды она услышала, как русские обсуждали то, что им довелось пережить. Она поняла, что злорадство и резкость могут привести лишь к новым конфликтам. Господь даровал ей новую любовь к русским и желание стать миротворцем. Когда она рассказала о своем опыте своим братьям, жившим на ферме, и здесь стало складываться новое отношение.

Когда Лииза рассказала обо всем этом в Ко, одна русская учительница из Эстонии заплакала. Несколько месяцев спустя, уже в Эстонии, она смертельно заболела. Ее муж, бывший атеистом, начал каждый день молиться за нее. Через полгода я был у них дома на ее дне рождения. Врач только что признал ее совершенно здоровой. “Сегодня утром я собралась с духом и сделала то, что должна была сделать, – сказала она гостям – Впервые в своей жизни я пошла к свя-

щеннику в православный храм и исповедалась ему во всех грехах, бремя которых лежало на мне. Я хочу внести свой вклад в возрождение Эстонии”.

Многие на Западе заявляют, что будущее России зависит от того, предоставит ли ей Запад соответствующую помощь. Но неужели все так просто? Достоевский однажды написал: “Мы знаем, что мы, русские, никогда не станем западно-европейцами, что мы не можем вступить на западный путь, проложенный европейцами в соответствии с собственной национальной основой, но чуждый для нас”. Более века спустя Солженицын выразил сходные взгляды: “Мы никогда не надеялись на Запад, а потому и не стоит этого делать. Если мы хотим стать свободными, мы сами должны помочь себе добиться этого. Воля и разум на Западе существенно ослабели из-за преобладания чересчур поверхностного представления о благополучии”.

Конфликт Востока и Запада вовсе не порожден холодной войной. Он занимал существенное место в русском национальном сознании на протяжении более тысячи лет. Политические манипуляции не создадут никакой основы для единства: для его достижения необходимы намного более глубокие перемены.

27. Барон Монрепо

В июне 1994 года, ровно через пятьдесят лет после того, как война закончилась для меня столь внезапно, мы с Евой путешествовали по Карельскому перешейку, некогда финскому, а теперь относящемуся к России. Меня охватили воспоминания о прошлом. Сквозь стекло автобуса мы видели километры наполовину осыпавшихся окопов, танковых заграждений и укреплений, которые свидетельствовали о произошедшей здесь крупнейшей битве в скандинавской истории. Около четверти миллиона русских и финнов было убито или ранено в то лето, и в их числе были трое моих двоюродных братьев и много друзей.

Мы ехали в древний Коневский монастырь, построенный 600 лет назад на острове Коневец на Ладожском озере, прежде принадлежавшем Финляндии. Разоренные в годы советской власти, монастырские строения хранили на себе отпечаток былой красоты и величия; добровольцы из других стран помогли теперь русским в их восстановлении.

Расположенный неподалеку на берегу озера древний финский город-крепость Какисалми, современный Приозерск, праздновал свое 700-летие. Сотни финнов прибыли туда по этому случаю. Состоялись выступления русских и финских исполнителей, прозвучала торжественная речь мэра города. В завершение церемонии все вместе исполнили на стенах крепости финский национальный гимн. Еще несколько лет назад всего этого просто невозможно было представить. Праздник показал готовность простых людей совершенно по-новому строить добрососедские отношения между нашими странами.

Однако в других частях российского общества, в частности в православной церкви, отношение было более скептическим. Возможно, скептицизм этот был вполне оправданным. Однажды, когда я прогуливался по центру Санкт-Петербурга,

мой взгляд привлек огромный плакат. На нем огромными буквами было написано имя “Иисус”, сопровождавшееся приглашением на массовое мероприятие, организованное одной американской христианской организацией. Некоторые христианские движения достаточно самонадеянно проникают в Россию и, сознательно или неосознанно, принижают религиозную традицию, которую не смогло уничтожить даже 70-летнее правление коммунистов.

Многие протестантские движения сосредотачивают свое внимание исключительно на проповеди и свидетельстве, отвергая иные способы проявления Божьей воли и любви. Уникальное, удивительное богослужение Православной церкви, с ее иконами и семейными обычаями, помогло сохранить огонь веры в годы коммунистической тирании. С другой стороны, на некоторых людей на Западе православная мистика и ритуал произвели такое впечатление, что они уже ничего не видят под покровом набожности и благочестия. Один активный православный деятель сказал мне: “Слабой стороной православия была наша неспособность добиваться спасения не только на небесах, но и на земле”.

Разумеется, существуют фундаментальные расхождения между разными ветвями христианства. Если мы прежде всего озабочены своей конфессиональной принадлежностью, мы неизбежно вступаем на путь разногласий и конфликтов. Однако если нас больше всего волнует, каким образом наша вера и духовные ценности могут повлиять на жизнь всего народа, тогда у нас появляется основа для совместных действий. “Учиться у других – это вовсе не означает отказываться от собственной веры и форм богочитания, – говорит русский мыслитель и эссеист Григорий Померанц. – Страх перед диалогом свидетельствует о недостатке веры в нашей собственной религиозной системе”.

Один молодой профессор истории сказал мне во время проходившей в Санкт-Петербурге дискуссии, что для представителя молодого поколения быть оптимистом практически невозможно. “Единственная надежда – в повторной христианизации России”, – добавил он. Однако насколько такая надежда реальна? Не пытаясь заглянуть в будущее, я склонен искать ответ на этот вопрос в прошлом, в истории.

На обратной дороге из Коневца мы оказались в Выборге, некогда втором по величине городе Финляндии, отошедшем к России после Зимней войны. Выборг был когда-то одним из наиболее космополитических городов Северной Европы, очень динамичным торговым и культурным центром на границе с Россией, на улицах которого можно было услышать финскую, шведскую, русскую, французскую и немецкую речь.

Наш автобус остановился недалеко от Выборга, у ворот Монрепо; в 19 веке, когда Финляндия была великим герцогством в составе Российской империи, здесь находилось имение семьи Николаи. Теперь русские и финны вместе воссоставляли усадьбу. Когда мы миновали окруженное лесами здание и вошли в таинственный парк, который я помнил еще с тех пор, как побывал здесь в школьные годы, я подумал о бароне Павле Николаи, который часто останавливался у моего дяди Алекси Лехтонена во время своих визитов в Хельсинки.

Отец Павла Николаи был русским послом, а потому уже в раннем возрасте Павел познакомился со многими городами Европы. Уже в молодости, находясь на государственной службе, Павел был глубоко захвачен идеями движения за христианское возрождение, основанного лордом Редстоком. Он отказался от карьеры чиновника и следующие десять лет занимался улучшением положения заключенных в России, тесно сотрудничая с финским реформатором пенитенциарной системы Матильдой Вреде.

В 1899 году Николаи познакомился в Хельсинки с американцем Джоном Моттом, лидером Всемирной студенческой христианской федерации, развернувшей свою деятельность на всех континентах. Мотт спросил у Николаи о возможности начать подобную работу и в России. “Россия – страна огромных возможностей, – ответил тот. – Если мы будем неустанно молиться об этом, двери откроются”.

Университетский мир в России пребывал в состоянии брожения. Большинство студентов отвернулось от православия и стремилось порвать всякую связь с церковью и Богом. Для тех, кто видел вокруг примеры вопиющей несправедливости, политика стала новой религией, а революция – их целью. Другие же, не принимавшие ни старой системы, ни революционных идей, предавались гедонизму. По стране прокати-

лась волна самоубийств, подобная той, что наблюдалась в России в начале 1990-х.

Здоровье Николаи было очень слабым, однако ничто не могло остановить его, когда он был захвачен какой-то идеей. Его идеи вскоре распространились на все крупные университеты Российской империи, и он был избран вице-президентом Всемирной студенческой христианской федерации. Большой успех имели его выступления на студенческих конференциях в Оксфорде и во многих других западных городах.

Вовсе не стремясь увеличить число сторонников какого-либо церковного направления, он хотел дать студентам такую цель, которую они сохранили бы до самого конца своей жизни. Он верил, что в России новое мышление сможет привиться через студентов. Он был убежден, что никакая система не спасет страну, пока ее народ лишен чувства собственного достоинства. Он также знал, что западные структуры не смогут решить русских проблем: его страна должна найти свой путь.

Николаи призывал студентов со всей ответственностью отнестись к заповедям Нагорной проповеди и посмотреть на себя беспристрастно, как в “зеркало, которое ничего не скрывает”. Он особо подчеркивал необходимость молчаливого слушания, чистоты помыслов, полного отказа от собственной воли и послушания воле Божьей. “В тихие утренние часы уединения необходимо сосредоточиться на единственном предмете – встрече с Богом Живым”, – говорил он. Когда Николаи умирал, Алекси Лехтонен пришел навестить его. Николаи сказал ему: “Железной хваткой держись за эту утреннюю вахту!” Когда впоследствии Лехтонен познакомился с «Оксфордской группой», он увидел в ней продолжение той работы, которую начал Николаи.

Успешная деятельность Николаи вскоре встретила все возраставшее противодействие, в частности со стороны некоторых представителей православного духовенства. Однако многие лидеры светских движений приветствовали тот рост ответственности и искренности, который сопровождал его деятельность. Николаи продолжал ее вплоть до 1918 года, когда по стране пронесся вихрь большевистской революции.

За неделю до своей кончины Николаи писал Мотту, что анархия и погромы вынудили его прекратить всякую орга-

низационную работу. Едва ли во всей России продолжал функционировать хотя бы один из основанных им центров. Его работа была подорвана, однако он радовался полному повороту в отношении к его целям среди православных лидеров. Николаи закончил свое письмо словами: “Да, в этом году мои новости очень скудны и неутешительны, однако это тьма перед рассветом. Царство Христово никогда не исчезнет!”.

Посеянные им семена продолжали расти в городах, в деревнях и в концентрационных лагерях. Ближайший соратник Николаи, профессор Владимир Марцинковский, описывает это в своей замечательной книге, написанной в 1920-х годах; я прочитал ее семьдесятю годами позже, в Санкт-Петербурге. Марцинковский был преподавателем истории русской литературы, а впоследствии профессором этики Самарского университета. В 1913 году он оставил службу и постоянный заработок, чтобы отдать все свои силы работе вместе с Николаи в российских университетах; он продолжал эту деятельность и после смерти Николаи. Его много раз бросали в тюрьму, но каким-то образом ему удавалось даже тюремные камеры превращать в центры новой жизни. Наконец, в 1923 году его выслали из страны.

Сила Николаи была сокрыта в его неутолимом стремлении помочь другим людям в их личностном росте. “Мне нужны оригиналы, а не копии”, – любил говорить он. По собственному опыту он знал, что никакое изменение, которое не затронуло внутреннюю сущность человеческой личности, не может стать чем-то постоянным.

Никакая теория не может заменить глубокого и умиротворяющего воздействия личного опыта человека. Я дал одному русскому бизнесмену из Санкт-Петербурга книгу Айно на английском. Когда несколько месяцев спустя я вновь встретился с ним, он совершенно неожиданно положил передо мной рукопись на русском языке и сказал, что перевел книгу Айно, даже не спросив у меня на то разрешения. “Не беспокойтесь об этом, – сказал ему я, – но скажите же, почему вы ее перевели?”

Этот бизнесмен не был верующим человеком, но его поразило то, как Айно боролась за смысл своей жизни, когда рухнуло все, что поддерживало ее извне. Он рассказал мне, что его отец и мать умерли от рака в молодом возрасте, что

он терзается постоянным и мучительным страхом, что такая же участь ждет его самого и его единственного ребенка. “В этой книге я нашел ответ своему страху. Я должен поделиться своим открытием с другими людьми, потому я перевел эту книгу и размножил ее”. Его сестра-онколог давала ее читать своим пациентам.

Когда же эта книга была наконец официально издана в Санкт-Петербурге, она получила удивительный отклик. Типографские рабочие прочитали ее и попросили несколько экземпляров для своих друзей. Один учитель читал фрагменты из нее своим двенадцати- и шестнадцатилетним ученикам, не имевшим до того момента никакого отношения к христианству. После этого у них состоялось полтора часовое обсуждение; некоторые из них рассказали об этом уроке своим родителям, отягощенным тяжелыми заботами и тревогами. “Пап, есть один Друг, который может помочь тебе”, – сказал отцу один мальчик. По просьбе учеников учитель пригласил в школу православного священника.

“То, о чем здесь говорится, вовсе не насаждается у нас Западом, – сказал один читатель, – но исходит прямо из сердца простого человека, это опыт, который не знает этнических или географических границ”. Издателям пришлось вскоре выпустить второе издание, чтобы удовлетворить заявки, поступавшие даже с Камчатки и Сахалина.

С тех пор как Ева переехала в Финляндию, мы все сильнее вовлекались в процессы, происходившие в России и странах Балтии. Принимая во внимание 800-летний период вражды и страха перед Россией, а также мои собственные переживания военных времен, было весьма удивительно решать теперь с русскими общие задачи. Ева училась писать иконы и находила, что в их символике и красоте содержатся духовные ценности, имеющие чрезвычайно важное значение для современного человека.

В 1998 году однажды рано утром мы стояли на палубе небольшого катера, плывшего по темным водам Белого моря к Соловецкому монастырю, расположенному на острове неподалеку от Архангельска. Сто лет назад в этих местах плавал мой дед. Более половины года Соловецкие острова зажаты во льдах.

Пару часов спустя мы начали различать башни и купола монастырских храмов в форме луковиц, медленно выплывающие из-за горизонта. Монастырь был основан в 1429 году и со временем стал уникальным духовным и культурным центром Российской империи. В его библиотеке было 20 тысяч томов на 25 языках; для многих русских людей паломничество на Соловки было мечтой всей их жизни. Монастырь был также и военной крепостью; дважды его атаковал шведский флот, в 1571 и 1701 гг., во время Крымской войны его пытались захватить англичане.

На протяжении веков как в царской России, так и в Советском Союзе Соловки служили местом ссылки и заточения. Это был основной поставщик рабской силы для строительства канала имени Сталина и, по словам Солженицына, прототип всего Архипелага ГУЛаг.

Позади меня на палубе стоял внук одного из самых известных соловецких узников 1920-х годов, Павла Флоренского, современника профессора Марцинковского, духовно к нему очень близкого⁹. Флоренский преподавал богословие и философию в Московском университете и Московской Духовной академии и получил почетную степень доктора в Ватиканском Грегорианском университете. Он был также гениальным математиком, художником и химиком; уже в тюрьме он разработал схему предприятия по получению йода из морских водорослей. Говорят, что в то время ни в одном другом месте не было сосредоточено столько выдающихся умов, как на Соловках; здесь томились в заключении 23 архиепископа и епископа и сотни научных работников.

В конце концов Флоренский был казнен. Его главный труд “Столп и утверждение Истины” сделал его известным во всем мире. И все же величайшим его творением были не его сочинения, а его жизнь. О нем говорили, что как никто другой он был воплощением периода религиозного возрождения, предшествовавшего революции 1917 года.

Его внук, которого тоже зовут Павлом Флоренским, проводит на Соловках много недель в году, занимаясь археологическими изысканиями. Он называет этот остров своим “на-

⁹ Точнее, Флоренский оказался в Соловецком лагере лишь осенью 1934 г. – *Прим. пер.*

стоящим домом”: “Здесь, где провел столько лет мой дед, я чувствую, что дух, душа и тело суть одно”. Когда открылись московские архивы, он изучал те из них, что относились к узникам ГУЛага. “Эта работа была столь ужасной, что я даже поседел, – говорит он. – И все же бесконечные унижения и трагедии – все это второстепенно. Я вижу здесь параллели с мучениками римского Колизея, чья жертва создала основу для небывалого духовного подъема. Я убежден, что именно такой подъем и происходит сегодня”.

Уже давно нашел я ответ на свое непреодолимое стремление жить ради чего-то большего, чем просто личный успех. Сначала это выражалось в моей работе и другой моей деятельности. С течением времени я начал видеть в этом стремлении некое призвание – призыв быть проводником Божьей воли в непрерывном историческом процессе, в котором все мы участвуем. Я испытал на себе силу молчания и молитвы, способную открыть врата внутренней свободы.

Один молодой человек в Австралии спросил меня однажды: “Скажите, вы действительно можете полагаться на Бога?” Я сказал ему, что очень часто попадал в трудные ситуации, следуя собственным побуждениям, вместо того, чтобы положиться на волю Божию. Но из тех случаев, когда я сознательно избрал путь доверия и послушания, я не смог вспомнить ни одного примера, чтобы Бог не оправдал моих ожиданий.

Но есть и еще один важный вопрос. Чего я жду? Каким образом определяю те границы, в которых может проявить себя Божья воля, и почему?

В нашем доме в Хельсинки висит картина Леннарта Сегерстрале, на которой изображена стая птиц, летящих все выше и выше, к новым сферам света. Некоторые из них отстали, другие упали вниз, однако путешествие продолжается. Привлекают внимание не отдельные птицы, но их общие усилия.

То, что передает картина Сегерстрале, было для меня живой реальностью на протяжении многих лет. Каждый мужчина и каждая женщина призваны быть носителями части единой истины. У каждого в этой жизни есть своя, уникальная задача. Ничьи усилия не смогут заменить ее. Мы не имеем никакого права распределять наших ближних по “степени

важности” или принимать какое-то окончательное решение о том, что имеет непреходящую и вечную ценность в нашей собственной жизни.

Но если мы следуем той истине, которая была нам возведена, и посвятили всю свою жизнь и все свои творческие силы самому высокому, что смогли увидеть, – мы становимся частью более великой и возвышенной реальности, которую мы сами по себе просто неспособны ощутить. И тогда наша жизнь становится рискованным путешествием.